

Министерство культуры и архивов Иркутской области
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

АРХИТЕКТОР И ВРЕМЯ

*Материалы чтений,
посвященных 100-летию со дня рождения
Галины Геннадьевны Оранской (1913–1986)*

Иркутск, 2013

УДК 72.03(571.53)+069(571.53)
ББК 85.113(2Рос-4Ирк)+79.13(2Рос-4Ирк)
А 87

Печатается по решению Ученого совета
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

Ответственный редактор — канд. ист. наук Ю.П. Лыхин

А 87 Архитектор и время: Материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Г.Г. Оранской (1913–1986). Иркутск, 2013. 274 с.

ISBN 978-5-91344-575-9

В сборнике представлены материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося московского архитектора Галины Геннадьевны Оранской (1913–1986), сыгравшей большую роль в сохранении и реставрации объектов историко-культурного наследия Иркутской области. Чтения состоялись в г. Иркутске 6–7 июня 2013 г.

Книга предназначена для историков, архитекторов, музейных работников, преподавателей и студентов вузов, а также для всех интересующихся историей и архитектурой Сибири.

УДК 72.03(571.53)+069(571.53)
ББК 85.113(2Рос-4Ирк)+79.13(2Рос-4Ирк)

ISBN 978-5-91344-575-9

© ИОГАУК АЭМ «Тальцы», 2013

*Галина Геннадьевна Оранская
(23.04.1913 – 16.11.1986).
Фото Б. Дмитриева*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги, примите мою признательность за то, что так дружно откликнулись на предложение отметить юбилей Галины Геннадьевны Оранской.

Особая благодарность Владимиру Викторовичу Тихонову, который не только поддержал идею, изложенную в моей записке прошлого года, но и приложил значительные усилия для реализации намерения отметить столетнюю дату со дня рождения Г.Г. Оранской.

Для меня идея отметить юбилей Галины Геннадьевны совершенно естественна, поскольку был хорошо знаком с этим замечательным человеком, оставившим такой значительный след в культурном наследии региона. В сентябре 1982 г. я был направлен переводом в аппарат Иркутского обкома КПСС. Ранее имел опыт хозяйственной работы, в отделе культуры был единственным специалистом с инженерным образованием, в студенческие годы прошедшим школу руководства студенческими строительными отрядами.

В это время возникли очередные трудности в проведении реставрационных работ на соборе Богоявления. Реставрационные работы того исторического периода в жизни государства целиком финансировались Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Центральный совет ВООПИиК не только обеспечивал полным рублем все поступающие заявки с мест, но и имел достаточные полномочия для предметного спроса в случае срывов выполнения запланированного. В то время в Иркутской области возникла ситуация хронического невыполнения утвержденных графиков работы при стопроцентном финансировании. Положение сложилось настолько острым, что по традиции того времени потребовалось вмешательство обкома КПСС. Пошел разбираться на месте. Тогда и встретил впервые Галину Геннадьевну Оранскую.

Позже узнал, что Галина Геннадьевна могла быть очень разной, в том числе умела в жесткой форме поднять проблему. Я же с самой первой встречи запомнил ее молчаливым и очень сдержанным человеком. Острые проблемы Г.Г. Оранская и Н.Ф. Салацкий решали вдвоем. При этом громогласным рупором неизменно выступал Николай Францевич.

Постепенно мы с Галиной Геннадьевной познакомились поближе, исчезли ее настороженность, ранее сквозившее предубеждение к представителю партийного аппарата. А в последние годы жизни, когда она была совсем больным человеком, а я работал уже начальником управления культуры облисполкома, мы несколько раз так неторопливо беседовали. И в очередной раз пришел я в удивление от мудрой доброты, огромных знаний этого незаурядного человека.

В сентябре 2012 г. мне позвонила Галина Владимировна Коробова. Вдвоем с мужем Сергеем Александровичем они составляют великолепный дуэт, за долгие годы реализовав целый ряд проектов по выпуску серий почтовых марок о людях, событиях и выдающихся объектах нашей области. А последнее десятилетие они сосредоточились на выпуске тематических наборов открыток. Галина Владимировна задала целый ряд вопросов о Г.Г. Оранской. Ответить на большинство из них не смог. Например, до сих пор не знаю даты жизни и смерти (лишь приблизительно).

Для меня всегда, особенно в годы руководства управлением культуры, одной из основных и нравственных, и деловых задач была задача достойно отметить самоотверженную человеческую работу по сохранению исторической памяти для широких людских слоев, уметь вовремя человека поблагодарить. К Коробовым отношусь с открытым восхищением, неизменно стараюсь помочь всем, что в моих силах. Да и ко многим из вас, пришедших на эту памятную конференцию, испытываю неизменную нескрываемую симпатию.

Быстро выяснил, что Г.Г. Оранскую почти забыли. Дат жизни не помнит никто. Сделал две вещи: написал и широко разослал записку, о которой уже упоминал, и направил в иркутские архивы запросы. Архивы прислали имеющиеся материалы, но с указанием, что дат жизни не имеют. Вот так и бывает в жизни — ушел человек и с концами! Хорошо, что мы с вами собрались сегодня для возвращения памяти о замечательном человеке.

После получения ответов из архивов направил просьбу о помощи в ЦС ВООПИиК. Не сомневаюсь, что наши московские коллеги отыщут все необходимое, и мы на очередном заседании президиума ИРО ВООПИиК примем решение об увековечении памяти Галины Геннадьевны Оранской установкой мемориальной доски. Пожалуй, было бы справедливо установить эту мемориальную доску на одном из фасадов Спасской церкви, решение об уничтожении которой самозабвенно остановила Галина Геннадьевна.

Спасибо, коллеги.

*Председатель ИРО ВООПИиК
Владимир Александрович Китаев*

СЛОВО ОБ АРХИТЕКТОРЕ

Полунина Надежда Михайловна,
*научный сотрудник Государственного
Исторического музея,
г. Москва.
E-mail: nadpolunina@yandex.ru*

ГАЛИНА ГЕННАДЬЕВНА ОРАНСКАЯ (1913–1986) КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ С ПОСЛЕСЛОВИЕМ

1913 г., 23 апреля — родилась в Москве.

1931 г. — поступила в Московский архитектурный институт.

1936 г. — окончила Московский архитектурный институт.

1936–1943 гг. — работала как градостроитель: разрабатывала генпланы и ПДП районов, колхозов; проектировала детские учреждения, парки, поселки.

1938 г. — принята в Союз архитекторов СССР; входила в состав секции охраны памятников и секции ландшафтной архитектуры.

1943 г. — поступила в аспирантуру Московского архитектурно-го института.

1944–1947 гг. — одновременно с учебой преподавала на кафедре общего архитектурного проектирования — основ архитектурного проектирования.

1949 г. — окончила аспирантуру Московского архитектурного института.

1953 г. — принята на работу в Специальные научно-реставрационные проектные мастерские (СНРПМ) на должность главного архитектора проекта, проработав здесь почти 33 года. СНРПМ, крупнейшая реставрационная организация страны, была создана в 1947 г., в 1957 г. она вошла в состав Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината (ВПНРК), в 1980 г. — во Всесоюзное объединение «Союзреставрация»; в 1990-е гг., после распада СССР, вновь выделилась и ныне называется Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (ЦНРПМ).

1953–1959 гг. — работает над проектом реставрации подмосковной усадьбы Братцево (владельцы А.С. Строганов, А.И. Римский-Корсаков) и храма Рождества Богородицы в с. Подмоклово

Серпуховского района Московской области. Оба памятника являются шедеврами русского зодчества. Усадебный дом в Братцево, возведенный после Отечественной войны 1812 г., представляет собой яркий образец русского ампира, а храм, выстроенный в 1714–1722 гг., — редкая для России постройка в стиле итальянского барокко.

1959 г. — командировка в Иркутск для осмотра старинных каменных храмов перед принятием решения об их сносе.

1959–1980 гг. — исследование, сбор материала, подготовка проектов реставрации памятников и их приспособление под музей, авторский надзор за ходом реставрации (началась в 1967 г.)

первых в Иркутске каменных храмов — церкви Во имя Спаса Нерукотворного Образа (1706–1710 гг., колокольня пристроена в 1758–1769 гг.) и собора Богоявления Господня (1718–1729 гг., отдельно стоящая колокольня возведена в 1812–1815 гг.).

1965–1970 гг. — исследование, сбор материала, составление проекта реставрации памятника и его приспособление под музей, авторский надзор за ходом реставрации памятника деревянного зодчества — усадебного дома декабриста С.П. Трубецкого (1850-е гг.).

1966–1985 гг. — работы, связанные с изучением, выявлением, вывозом памятников деревянного зодчества из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС, их последующей реставрацией и с проектированием Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Оранской принадлежит выбор места для музея в Тальцинском урочище на 47-м км Байкальского тракта.

1969–1972 гг. — научно-исследовательские экспедиции под руководством Оранской в районы будущего строительства Усть-Илимской ГЭС и как итог — вывоз 28 памятников истории и культуры из Нижнеилимского и Братского районов Иркутской области.

1971–1972 гг. — создание первого эскизного проекта Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»; начало работ на территории музея.

Галина Геннадьевна Оранская.
Москва, 1970-е гг.

Галина Геннадьевна Оранская с рабочими на территории будущего музея «Тальцы». Иркутск, 1972 г.

1972–1974 гг. — Оранская входит в состав авторского коллектива по созданию проекта «Историко-мемориальный комплекс „Декабристы в Иркутске“».

1977–1979 гг. — консультирует Г.А. Вязунову, автора проекта реставрации Иркутского римско-католического костела.

1979–1983 гг. — консультирует архитекторов, создателей архитектурно-этнографического музея «Ангарская деревня» (г. Братск).

1982 г. — по ее плану проводятся консервационные работы церкви Во имя Спаса Нерукотворного Образа (с. Урик Иркутского района).

1982–1985 гг. — ведет работы, связанные с изучением и составлением проекта реставрации иркутского храма Святой Троицы.

1985 г. — по приезду в Иркутск Оранская заболела, здесь ей была сделана операция; в Москву возвратилась в сопровождении музейного сотрудника.

1986 г. — перенесла вторую операцию; уволена с работы по состоянию здоровья.

1986 г., 16 ноября — умерла в Москве на 74-м году жизни; похоронена на Введенском кладбище (участок 17).

2013 г. — к 100-летию со дня рождения Г.Г. Оранской в Иркутске прошла конференция, подготовленная Архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы»; по материалам конференции планируется издать сборник.

Послесловие

Многое в биографии Галины Геннадьевны остается пока неизвестным. Кто были ее родители? В какой среде она росла? А ведь родилась Оранская еще в дореволюционной Москве. Ей было семь лет, когда произошли октябрьские события. Но автобиографию в письме ко мне, в 1978 г., она начала с 1936 г. — именно в этом году она окончила Московский архитектурный институт. Первые годы работала как градостроитель, но где именно — не указала. Также мы не знаем, где она была в 1941–1943 гг. Возможно, в эвакуации? Ей было 28 лет, когда началась война. Как шла работа над ее первыми проектами реставрации?..

И вот уже в 1959 г. в ВПНРК приходит письмо с просьбой командировать специалиста для определения архитектурной ценности двух старых построек, которые планировалось снести. Выбор пал на Галину Геннадьевну — к счастью для Иркутска.

Начинается новый период ее жизни — лучший в ее творческой биографии. На протяжении 26 лет она регулярно, чаще всего два-три раза в год, совершает перелеты за 5 тысяч километров, что разделяют Москву и Иркутск. Последний ее приезд был летом 1985 г. Как всегда, она остановилась в гостинице «Сибирь», как всегда, на другой день ко входу подъехала машина, чтобы возить ее и приехавшего вместе с ней техника Александра Владимировича Субботина в музей «Тальцы». Но впервые за все свои приезды Галина Геннадьевна сказала, что поехать не сможет — как-то ей нехорошо. В тот же день ее отвезли в больницу. Диагноз был неутешительный — у нее обнаружили рак, нужна была срочная операция. После последней поездки в Иркутск она прожила чуть больше года...

Теперь уже можно сказать — Галина Геннадьевна Оранская заложила основы реставрации памятников каменного и деревянного зодчества на иркутской земле. Эти памятники — известные сибирские музеи и храмы. Однако роль Оранской в сохранении историко-культурного наследия иркутской земли этим не исчерпывается. Галина Геннадьевна спасла от сноса первые каменные храмы Иркутска — Спасскую церковь и собор Богоявления, ныне являющиеся гордостью города на Ангаре. Ее приезд в 1959 г. и

аргументированная справка о несомненной историко-архитектурной ценности древнейших построек Иркутска спасли их от разрушения. И хотя об этой истории я уже писала, считаю нужным вновь к ней вернуться.

В сентябре 1959 г. впервые руководитель Советского Союза — Никита Сергеевич Хрущёв — нанес государственный визит в Соединенные Штаты Америки. По его завершении стороны договорились об ответном визите американского президента Дуайта Эйзенхауэра в СССР в июне 1960 г. Предполагалась и его поездка в Иркутск, на Байкал. В конечном итоге поездка сорвалась из-за того, что в 1960 г. под Свердловском был сбит американский разведывательный самолет U-2. Однако еще с осени 1959 г. Иркутск начал спешно готовиться к встрече высокого гостя.

В рекордно короткий срок проложили первоклассную дорогу к Байкалу (которая отлично служит и до сего дня), выстроили гостевой дом на берегу озера (его сразу окрестили «дачей Эйзенхауэра»), а в самом Иркутске по предполагаемому маршруту проезда кортежа с почетным гостем стали приводить в порядок здания. Вот тогда-то и предстояло решить участь первых храмов Иркутска, простоявших полных 250 лет, — их могли снести. Действительно, обветшавшие и почерневшие, давно лишенные своих возглавий, остовы старинных построек не украшали городскую панораму, к тому же стояли они в самом центре, вплотную к зданию Иркутского областного комитета КПСС и Иркутского облисполкома.

Общественность забила тревогу, но местные власти были настроены решительно. И тогда профессор Иркутского педагогического института Виктор Григорьевич Тюкавкин (1928–2002) и директор Иркутского областного художественного музея Алексей Дементьевич Фатьянов (1915–2001) отправили в Москву телеграмму. Решить конфликтную ситуацию должен был представитель Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината.

Галина Геннадьевна заняла принципиальную позицию: сохранить уникальные сооружения, провести их консервацию с целью дальнейшего их восстановления. Уже в 1960 г. она выполнила первые обмеры памятников, необходимые для разработки проектов реставрации.

Работа в Иркутске стала для нее не только служебной обязанностью, но гражданским долгом, а по сути — подвигом в полном смысле этого слова. Эта невысокая, уже немолодая (ей было 46, когда она в первый раз приехала в Иркутск) и вовсе не видная женщина оказалась негибким борцом! Ведь вопрос о сносе

Галина Геннадьевна Оранская (вторая справа) среди старейших сотрудников Специальных научно-реставрационных проектных мастерских. Москва, 1980-е гг.

Спасской церкви поднимался в дальнейшем еще не раз и только после создания рядом с ней в 1975 г. Мемориала погибшим в годы Великой Отечественной войны был снят с повестки.

Архиепископу Иркутскому и Ангарскому Вадиму принадлежат слова об Оранской: «Это был выдающийся человек, потому что в ту пору, в годы богоборчества, она выступала за сохранение памятников, пусть хоть в том виде, в котором она это полагала, — как народное достояние, как достояние народной культуры».

Именно ее принципиальность и несгибаемость дали мне основание, когда в Восточно-Сибирском книжном издательстве шла подготовка к изданию моей книги «У истоков каменного града», посвятить книгу Оранской. Со словами «Посвящается Галине Геннадьевне Оранской» книга и увидела свет в 1979 г.

Еще одна заслуга Галины Геннадьевны состоит в том, что она воспитала плеяду исследователей и архитекторов, продолживших ее дело в Иркутске. На страницах этого сборника они выступают со своими воспоминаниями. Надо отметить еще одного архитектора, москвича, который считает себя учеником Оранской — Александра Владимировича Субботина. Он пришел в ВПНРК после

**А.В. Субботин. Портрет
Г.Г. Оранской. 1981 г. Картон,
карандаш. 22,0 x 32,0. Эскиз с
натуры, выполненный на со-
вещании в производственной
реставрационной мастерской
г. Иркутска (ул. 5-й Армии, 2).
Публикуется впервые**

армии, имея за плечами стро-
ительный техникум. Работал
старшим техником в другой
группе, но в 1981 г., когда за-
болела Ольга Белькевич (в за-
мужестве Шитик), работавшая
с Оранской, его попросили за-
менить ее. И так получилось,
что он остался с Галиной Ген-
надьевной. И когда она ушла
из жизни, он продолжал рабо-
тать для Иркутска, но уже не
техником, а главным архитек-
тором проекта, продолжая ее
работы по музею деревянного
зодчества «Тальцы» и Троиц-
кой церкви. Высшего архитек-
турного образования у Алек-
сандра Владимировича нет,
но, пройдя школу Оранской, он
стал профессиональным архи-
тектором-реставратором.

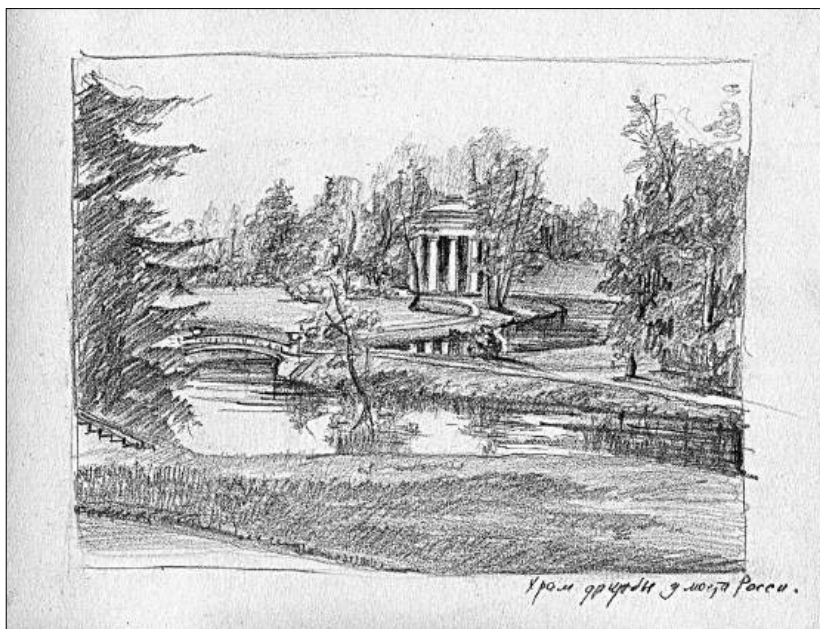
В книге, изданной в 2012 г. к
65-летию организации, в ко-
торой работала Галина Ген-
надьевна, находим такие стро-

ки в воспоминаниях ведущего ныне архитектора-реставратора
Юрия Евгеньевича Макарова: «Задумываясь над тем, что же
было наиболее важным в моей долголетней жизни в реставра-
ции, я понял — это контакты и отношения с истинными мастера-
ми архитектурной реставрации, у которых я учился и с которыми
мне довелось вместе работать, перенимая их бесценный опыт.
...А кульминацией общения реставрационного являлись Советы.
На них мне в свое время посчастливилось слышать и видеть вы-
ступления знаменитых специалистов — Оранской, Ильенко, Во-
робьева, Храмцова, других мэтров. Их в Мастерской ценили так
же, как во МХАТе ценят своих великих „стариков“. Через корифе-
ев мы приобретали понимание, что такое работа на объекте, что
такое реставрационное исследование, какова ценность и польза
его глубины».

Ему вторит архитектор-реставратор Елена Ивановна Толсто-
пятенко: «Приходилось работать с мэтрами и напрямую. Кроме

перечисленных выше мастеров удалось заниматься объектом вместе с замечательными мастерами — Галиной Оранской, Георгием Макаровым. Они, как и другие корифеи Мастерской, являлись носителями особого духа реставрации».

Жаль, что уже не сможет написать свои воспоминания архитектор Владимир Игоревич Колпиков (1936–2005), который высоко ценил Оранскую и, хотя занимался современным проектированием, всегда говорил, что ее опыт ему помогал в работе. Он знал Галину Геннадьевну с первых дней ее в Иркутске, она бывала у него в гостях. Это он рассказал мне историю, которая случилась на его глазах. Оранская попросила машину с подъемником-люлькой, чтобы подняться на колокольню собора Богоявления и проверить, сохранились ли следы (пятны) от упавшего во время землетрясения 1742 г. шатрового завершения. Оранская в люльке поднялась на колокольню — конечно, в нарушение всех правил безопасности и к великому изумлению всех присутствовавших (к тому же они, архитекторы, мужчины,

Г.Г. Оранская. Павловск. Дворец, мост с кентаврами и храм Аполлона. [1930-е гг. (?)]. Бумага, карандаш. 21,0 x 27,5. Лист № 7 из альбома Оранской. Публикуется впервые

**Г.Г. Оранская. [Сенокосная избушка...]. [1930-е гг. (?)]
Бумага, акварель. 21,0 x 27,5. Лист № 25 из альбома Оранской.
Публикуется впервые**

были все моложе ее) и торжествующе оттуда, с высоты, крикнула «Пяты есть!»

Жаль, что не напишут уже воспоминаний хорошо ее знавшие историк Виктор Григорьевич Тюкавкин и директор художественного музея Алексей Дементьевич Фатьянов. В этих людях она сразу нашла своих друзей — они ей помогали в сборе исторического материала. Сохранилось одно из писем Фатьянова к Оранской от 4 января 1961 г., в котором он подробно рассказывает об иркутских материалах дореволюционного периода в фондах Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и советует, как правильно оформить заявку.

...Я познакомилась с Галиной Геннадьевной в 1973 г. и до 1978 г. частенько с ней встречалась. Потом, переехав в Москву, я, к своему глубокому сожалению, виделась с ней всего один раз, в ее рабочем кабинете, расположенном под самой маковкой Михайловской церкви Спасо-Андроникова монастыря, куда подниматься надо было по крутой винтовой лестнице.

Вспоминая Галину Геннадьевну, я как будто вижу ее одинокую фигуру на улицах Иркутска: вот она медленно идет, чуть заваливаясь набок, — годы дают себя знать, — пересекает дорогу у сквера Кирова. Улица пустынна — в те годы еще не было такого потока машин и переходить можно было в любом месте. Из гостиницы «Сибирь», где она всегда останавливалась (в любимом угловом номере на 3-м этаже, окнами во двор), Галина Геннадьевна шла пешком на свои объекты — Спасскую церковь и собор Богоявления. На этом маршруте мы не раз сталкивались — мой путь лежал в обратном направлении, от Спасской церкви (в северном, ныне снесенном, приделе располагалось тогда Иркутское областное отделение Всесоюзского общества охраны памятников истории и культуры) в Иркутский горисполком. Иногда уже вдвоем возвращались в северный придел. Наши беседы затягивались — Галина Геннадьевна долго и подробно рассказывала, как идут дела, что надо сделать, почему затягивается реставрация. Я никогда не слышала от нее жалоб на какие-то бытовые неудобства; и Москву она никогда не вспоминала — разговор был только об иркутских реставрационных объектах. Я внимательно слушала ее — и не только потому, что как руководитель ВООПИиК каждый месяц подписывала к оплате процентовки (реставрация памятников с 1968 г. шла за счет средств ВООПИиК) и обязана была быть в курсе реставрационных работ, — мне просто было с ней интересно. В монологе, даже иногда окрашенном скорбными нотками («Все от меня бегут...» — не раз говаривала она), всегда содержался высокопрофессиональный анализ особенностей реставрационного дела, звучали идеи о поиске правильного подхода к восстановлению того или иного фрагмента, вообще о перспективах реставрации в Иркутске, о богатстве города памятниками деревянного зодчества. В этой немолодой женщине, внешне даже суровой, жила тонкая романтическая душа. В таких вот беседах она раскрывалась. И за внешней сдержанностью проступала ее любовь не только к своему делу, но к Иркутску, его памятникам.

«Все от меня бегут...» Почему «бегут»? Да потому, что она постоянно чего-то требовала, на чем-то настаивала. От реставрационных проблем многие хотели бы отмахнуться, но Галина Геннадьевна была на страже: то надо было решать проблему с большемерным кирпичом (на первых порах его везли из Москвы), то с керамическими изразцами (их заказывали в Ярославле), то с сусальным золотом. Требовалось заранее подать заявку, чтобы

приехали реставраторы-живописцы. «Ведь реставраторов-живописцев мало, они нарасхват», — говорила Галина Геннадьевна. И напоминала, чтобы заявка вовремя ушла из Иркутска. Ее ли это было дело? Но она постоянно за этим следила. Вот отчего — «Все от меня бегут...».

Оранская с большим уважением относилась к председателю Иркутского горисполкома Николаю Францевичу Салацкому (1919–1993), и он отвечал ей тем же. Любила бывать и у нас, во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры. Однажды мы затеяли с ней однодневную экспедицию в старинный Бельск. Управление культуры выделило нам служебный автобус. Нас было почти 20 человек — историки, краеведы, студенты — все члены ВООПИиК. Во время поездки мы под руководством Галины Геннадьевны обмеряли памятники древнейшего поселения на иркутской земле (Бельск старше Иркутска), жадно слушали ее рассказы о деревянном зодчестве.

Иркутский период в жизни Оранской я бы назвала «иркутские трудовые будни». Она, день и ночь занятая восстановлением иркутских памятников, так и не попала на праздник по случаю окончания работ и открытия музея. Получала ли Оранская награды за свой труд в Иркутске? Благодарственные письма? Почетные грамоты? Сведений об этом мне не удалось обнаружить.

Но память об Оранской живет в Иркутске. Свидетельство тому — и конференция, посвященная 100-летию со дня ее рождения, проведенная Архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы», и инициатива Иркутского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры — установить в ее честь мемориальную доску.

И мне хочется отблагодарить Галину Геннадьевну: мечтаю собрать комплекс вещей, ей принадлежавших, чтобы в одном из музеев Иркутска открылась экспозиция, посвященная Оранской — опытному архитектору-реставратору, храброй и стойкой женщине, вставшей на защиту культурных ценностей города. Уже найдены альбом с ее рисунками, акварель, карандашный портрет, фотографии, письмо из Иркутска...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив и фототека Центральной научно-реставрационной производственной мастерской, Москва. Научно-проектная докумен-

тация на реставрацию памятников истории и культуры города Иркутска. Объекты — Спасская церковь, собор Богоявления, Троицкая церковь, Дом-музей С.П. Трубецкого, Архитектурно-этнографический музей «Тальцы». 1960–1985 гг.

Архив Музея Московского архитектурного института, Москва. Личное дело Г.Г. Оранской. 1943–1949 гг.

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва. Фонд Союза архитекторов СССР. Материалы к биографиям московских архитекторов. 1936–1986 гг.

1979

Полунина Н.М. У истоков каменного града. Иркутск, 1979 (Посвящается Галине Геннадьевне Оранской).

1992

Салацкий Н.Ф. О былом как было: Записки председателя горисполкома. Иркутск, 1992. С. 236, 238, 243, 244.

Материалы к биографиям московских архитекторов, ветеранов труда / Союз архитекторов России; авт.-сост. А.Г. Бархина. М., 1992. Вып. 7. С. 121.

1999

Архитектурные школы Москвы: Педагоги и выпускники. 1918–1999 / Московский архитектурный институт; авт.-сост. Л.И. Иванова-Везн. М., 1999; 2002. Вып. 3. С. 20, 36, 45.

2002

Гурова Л. Спасская церковь в Урике // Земля Иркутская. 2002. № 1. С. 54.

2004

Ополовников В.А., Ополовникова Е.В. Земля Иркутская деревенная. М., 2004. С. 181, 186, 191, 216, 221, 331, 499, 502–505.

2005

25 лет Архитектурно-этнографическому музею «Тальцы» / авт.-сост. В.В. Тихонов, А.К. Нефедьева, М.Л. Никифорова. Иркутск, 2005. С. 3, 5–9.

2007

Полунина Н.М. Иркутская земля: через годы, через расстояния... Иркутск, 2007. С. 16–18, 20, 23, 110, 143.

2008

Во имя Спаса Нерукотворного Образа: докум. повествование о жизни перв. камен. храма г. Иркутска, 1706–2006 / авт.-сост. О.А. Акулич, Т.А. Крючкова, Н.М. Полунина; отв. ред. Н.М. Полунина. Иркутск, 2008. С. 40, 161–169, 172–177, 184, 300.

2009

Тихонов В. Музей деревянного зодчества «Тальцы» // Проект Байкал. 2009. № 20. С. 113–115.

2011

Оранская Галина Геннадьевна // Иркутск: Ист.-краевед. словарь. Иркутск, 2011. С. 377.

Прогулка 2: Декабристы // Проект Байкал. 2011. № 29/30. С. 82–86.

Сосновская В., Чертилов А. Градоиркутская церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа: проект реставрации — 2010 // Проект Байкал. 2011. № 29/30. С. 62–65.

2012

Ходий В. Память и судьбы. Иркутск, 2012. С. 28–32, 41, 49.

Собирая камни... Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. 65 лет / авт. кол.: Н.Д. Троскина, С.Б. Куликов, А.С. Подъяпольский, А.Л. Баталов, М.Л. Петрова, С.В. Демидов, Д.Н. Кульчинский, Л.А. Белов, Н.В. Каменев. М., 2012. С. 99, 100, 104, 141–142, 228–229, 583, 587.

2013

Полунина Н.М., Ометова М.Л. Оранская Галина Геннадьевна // Приангарье: Годы, события, люди: Календарь знаменательных и памятных дат на 2013 год. Иркутск, 2013. Вып. 46. С. 182–185.

Борецкий Владислав Антонович,
*заслуженный строитель Российской Федерации,
директор Специализированной научно-реставрационной
производственной мастерской в 1984–2002 гг.,
г. Иркутск.
E-mail: jasmin51@yandex.ru*

ВОСПОМИНАНИЯ О МОСКОВСКОМ АРХИТЕКТОРЕ ГАЛИНЕ ГЕННАДЬЕВНЕ ОРАНСКОЙ В СВЯЗИ СО 100-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося московского архитектора Галины Геннадьевны Оранской, сыгравшей большую роль в сохранении и реставрации объектов историко-культурного наследия Иркутской области.

Как архитектор она поставила перед собой огромные задачи:

1. Организовать в г. Иркутске специальную научно-реставрационную производственную мастерскую. Подобрать и подготовить специалистов в г. Иркутске, которые бы смогли заниматься на научной основе реставрацией памятников.

2. Сохранить здания Спасской церкви и собора Богоявления от сноса и начать их реставрацию.

3. Подобрать территорию в г. Иркутске для музея деревянного зодчества.

4. Перевезти шедевры деревянного зодчества, которые попадали в зону затопления с пуском Усть-Илимской ГЭС, перевезти башню Илимского острога, Казанскую церковь, старинные крестьянские усадьбы.

5. Организовать реставрацию усадеб Трубецкого и Волконского.

6. На базе технических училищ организовать обучение кузнецов, кровельщиков, резчиков по дереву, лепщиков.

7. Создать сборник всех значимых памятников г. Иркутска и Иркутской области.

Почти 30 лет Галина Геннадьевна Оранская посвятила этой работе, и до последних своих дней она трудилась на благо нашего города.

В конце 1950-х гг. Галина Геннадьевна Оранская впервые приехала в г. Иркутск. Чтобы решить поставленные перед собой вышеуказанные задачи, она записалась на прием к первому секретарю обкома партии тов. Банникову. Ей сказали, что ее может принять зав. отделом по культуре, но она категорически заявила, что ей

нужно встретиться только с первым секретарем. Неделю она ждала приема. Наконец ее пригласили, и помощник первого секретаря ей сказал, что у нее имеется десять минут для разговора.

При встрече она стала рассказывать о своих планах и задачах по реставрации памятников. Поставила в известность, что нужно перевезти шедевры деревянного зодчества, которые попали в зону затопления в связи с пуском Усть-Илимской ГЭС, и создать музей в г. Иркутске. Рассказала, что необходимо срочно приступить к реставрации Спасской церкви, которая являлась первым каменным зданием в Иркутске. Спасская церковь была заложена в 1706 г., а 1 августа 1710 г. состоялась церемония освящения храма. В числе других икон в храме был помещен и царский подарок — икона в дорогой ризе, пожалованная Петром I. Построил Спасскую церковь московский зодчий Моисей Долгих.

С большим волнением Галина Геннадьевна Оранская стала говорить о соборе Богоявления, который находился в плачевном полуразрушенном состоянии. Богоявленский собор был заложен в 1718 г. К 1723 г. окончили Петропавловский придел, и, не ожидая завершения строительства, его освятили и стали проводить в нем богослужения. Полностью собор был закончен и освящен в 1746 г.

Затем Г.Г. Оранская сообщила о состоянии домов декабристов Волконского и Трубецкого.

Спасская церковь в Иркутске. Фото 2006 г.

Банников, выслушав Галину Геннадьевну, сказал, что памятники деревянного зодчества из Илимска — башню Илимского острога, Казанскую церковь — и другое нужно перевозить и создать музей деревянного зодчества под открытым небом, а также заняться реставрацией усадеб Трубецкого и Волконского. Но Спасскую церковь и собор Богоявления в связи со строительством мемориального комплекса погибшим во время Великой Отечественной войны воинам-иркутянам, по мнению партийных органов, необходимо снести.

Историю посещения обкома партии лично мне рассказывала Галина Геннадьевна. Услышав слова первого секретаря обкома партии о сносе Спасской церкви и собора Богоявления, Галина Геннадьевна сказала: «Я пришла в ужас, у меня что-то помутилось в голове. Я стала громко доказывать, что этого нельзя делать! Без этих объектов Иркутск не будет иметь своего исторического значения, это будет большим кошунством!» Она продолжала мне рассказывать, что «стала на повышенных тонах доказывать и отстаивать необходимость сохранения этих уникальных объектов, как вдруг дверь открылась, в кабинет вошел помощник первого секретаря, взял меня тихо под руку и вывел из кабинета. Я очулась в сквере имени Кирова, сидя на скамейке. Просидев на скамейке около часа, я, наконец, пришла в себя и напугалась, что же я наделала? Но немного отдохнув, я решила идти к мэру города т. Салацкому Николаю Францевичу. Я все ему рассказала. Он меня успокоил и согласился со мной. Он сказал, что разбирать не дадим. Срочно пригласил ведущих архитекторов области и города, и вопрос, где будет сооружен мемориал, был решен». Великие памятники архитектуры и зодчества — Спасская церковь и собор Богоявления — были спасены от сноса. В этом огромная заслуга Галины Геннадьевны Оранской. Она своими активными действиями сохранила для иркутян великое наследие старины.

Выполнив свою первую главнейшую задачу, Г.Г. Оранская приступила к организации группы строителей-реставраторов для перевозки из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС памятников деревянного зодчества — Спасской башни Илимского острога 1667 года постройки, Казанской привратной церкви 1679 года постройки, а также трех усадеб: Непомилуева, Серышева, Прокопьева. Г.Г. Оранская рассказала мне, что особенно была удивлена красотой крестьянских домов. Так, дом Непомилуева был выстроен по типу «связь», т. е. два сруба по торцам соединены сенями. Один из срубов этого дома представляет собой курную избу XVIII в. — редчайший образец жилого зодчества Сибири и,

***Собор Богоявления до реставрации.
Фото Б. Дмитриева***

возможно, единственный образец сибирского деревянного зодчества, дошедший до нашего времени. Два следующих дома, Серышева и Прокопьева, — XIX в., также выполнены «в связях».

Для того чтобы сохранить эти ценнейшие памятники деревянного зодчества, нужно было срочно подыскать место для будущего музея под открытым небом. Долго проходили поиски, и наконец в августе 1966 г. было определено место на 47-м км по Байкальскому тракту. Г.Г. Оранской понравилось это место. Она оценила и ландшафтные, и экспозиционные возможности.

Решением Иркутского райисполкома от 2 декабря 1966 г. под музей были отведены 25 га земли.

В 1968 г. Г.Г. Оранская была назначена главным архитектором музея под открытым небом, а в 1974 г. с большими усилиями Г.Г. Оранской при поддержке председателя Иркутского горисполкома Н.Ф. Салацкого удалось определить подрядчика. Реставрационные работы были возложены на строительную организацию «Управление Дорремстройтрест». При ней был создан специализированный реставрационный участок. Галине Геннадьевне пришлось приложить много сил для обучения рабочих-реставраторов. Она подбирала им литературу, читала лекции, учила работать по чертежам и запоминать архитектурные термины —

названия разных частей срубов и других деталей деревянных памятников. Первая реставрация завершилась сборкой трех усадеб деревни-малодворки — Непомилуева, Серышева и Прокопьева. И 17 июля 1980 г. вышло решение Иркутского исполкома «О приеме музея в эксплуатацию». А 18 июля 1980 г. музей «Тальцы» принял первых посетителей. В 1980 г. Г.Г. Оранская закончила реставрацию Спасской церкви. В 1976 г. я был назначен начальником РСУ-5 «Внешнего благоустройства города Иркутска». Неожиданно меня вызвал к себе Н.Ф. Салацкий и предложил срочно начать реставрацию польского костела (автор проекта реставрации — архитектор Г.А. Вязунова).

С Галиной Геннадьевной Оранской я познакомился в начале 70-х гг., я тогда вел реставрацию усадьбы Волконского, автор проекта реставрации Барановский, который работал в Москве, в той же проектно-архитектурной организации, что и Оранская. Галина Геннадьевна приходила смотреть, как ведутся реставрационные работы на усадьбе Волконского. Она где-то делала замечания, где-то похваливала и говорила, что у нас на объекте порядок, рабочих было много и реставрационные работы продвигались в темпе. Галина Геннадьевна вела наблюдения за реставрацией польского костела, так как сроки сдачи объекта были очень жесткими. Весной 1978 г. реставрация польского костела была успешно завершена, и специалистами из Германии в нем был установ-

***Иркутский Богоявленский собор.
Фото Е. Ладейщиковой, 2011 г.***

лен орган. Галина Геннадьевна поздравила нас всех с успешным окончанием реставрационных работ, а мне она сказала, что два года назад просила Н.Ф. Салацкого, чтобы этот объект был передан под реставрацию В.А. Борецкому (при этом она улыбалась). Польский костел был сдан в срок.

Мечтой Г.Г. Оранской было отреставрировать Спасскую церковь и собор Богоявления. Эти памятники архитектуры находились в центре города, и Галина Геннадьевна говорила, что это место имело какой-то особый смысл, отличалось торжественностью и загадочностью, и есть чувство, что Иркутск не просто старый город, а именно Старый Русский Сибирский город.

Несмотря на огромные усилия Г.Г. Оранской, работы по реставрации велись очень медленно. Так, реставрация Спасской церкви была начата в 1967 г., а закончена в 1980 г., реставрация собора Богоявления начата в 1967 г., а закончена в 1985 г. Слабо велась реставрация памятников деревянного зодчества на территории музея «Тальцы». Время шло, шли годы. Оранская много раз обращалась к Салацкому с просьбой решить вопрос о создании специализированной организации по реставрации памятников. И наконец, в 1984 г. была создана Специализированная научно-реставрационная производственная мастерская, руководителем которой был назначен В.А. Борецкий, а главным инженером Владимир Семенович Этингов. За два года была построена мощная база в конце ул. Баррикад. База имела механические мастерские, гаражи, столярный цех, оборудованный новыми станками, сушильный цех, известегасилку, был поставлен нового образца шпалорезный станок для распиловки круглого леса. Построено двухэтажное каменное здание конторы, склады площадью 800 кв. м. Построен цех по обработке гранита. В этом цехе мастер-каменотес Петр Филиппович Кисель изготовил из гранита памятник А.П. Щапову. Организован проектно-сметный отдел. Теперь сами разрабатывали проектно-сметную документацию на плановые реставрационные объекты. Вся документация согласовывалась с заказчиком и архитекторами города и области. К нам приезжали руководители Министерства культуры РФ, а также реставраторы из Ленинграда, Москвы, Ярославля, Читы, Владивостока. Все они отмечали, что Иркутск имеет одну из лучших производственных баз, так как реставрационные мастерские других городов, как правило, располагались в церквях, соборах и в зданиях, представляющих собой исторические памятники.

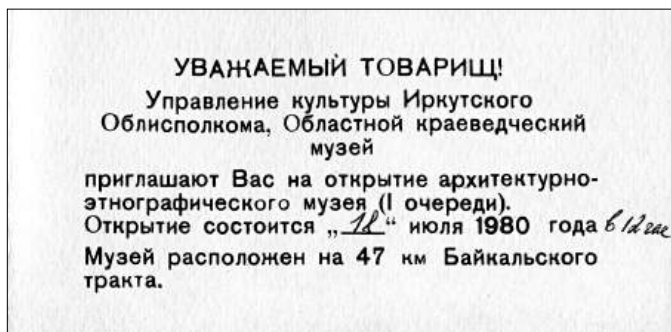
С 1984 г. я вплотную стал работать с Г.Г. Оранской в музее «Тальцы». В то время в своем генеральном плане по «Тальцам»

Оранская предусмотрела создание трех зон. Русская зона включала подзоны: ангаро-илимскую, ленскую, мамско-бодайбинскую, или подзону золотых приисков, центральную. В последнюю входили районы, тяготеющие к Иркутску. Этническая зона состояла из трех подзон — бурятской, тофаларской, эвенкийской. Последняя зона — археологическая — должна была показать доисторическое прошлое края.

Когда я стал работать руководителем СНРПМ, нашему коллективу было дано задание вести реставрационные работы в музее «Тальцы» под руководством архитектора Г.Г. Оранской. Начальником участка работал Виктор Гаврилович Дёмин, прорабом — Владимир Васильевич Васильев. Характер у В.Г. Дёмина был сложный, про себя я его называл анархистом. Он доказывал свое видение в реставрации и часто спорил с Г.Г. Оранской, а она ему говорила, что реставрацию памятников деревянного зодчества нужно вести точно по историческим фактам с сохранением и сбережением всего многообразия народной деревянной архитектуры.

Большую и интересную работу мы начали, когда приступили к реставрации и возведению Спасской башни Илимского острога, построенной в 1667 г. Прежде чем рабочие приступали к реставрации очередного памятника деревянного зодчества, Оранская рассказывала всю историю его создания. Она говорила, что Спасской башне Илимского острога перевалило уже за 300 лет, она живая свидетельница далекой старины и расцвета Восточной Сибири, через нее шли морские экспедиции Витуса Беринга, Семёна Дежнёва и многие другие.

Рабочие с удовольствием слушали Галину Геннадьевну, и у них появлялось желание лучше относиться к работе и точнее

**Пригласительный билет на открытие
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»**

Бригада реставраторов музея «Тальцы» перед сдачей в эксплуатацию деревни-малодворки. Первый справа — В.Г. Дёмин, вторая справа — Г.Г. Оранская. Фото 1980 г.

выполнять все задания архитектора. Для нормальной работы на территории музея были организованы столярная мастерская, кузница с электромолотом, где рабочие могли качественно выполнять столярные и кузнечные работы.

Рядом с башней Илимского острога была отреставрирована и возведена привратная Казанская церковь, построенная в 1679 г., — небольшая, квадратная в плане, редчайший памятник архитектуры Сибири XVII в.

В последнее время Галина Геннадьевна часто болела, и чтобы ей было удобно наблюдать за работой реставраторов, ей выносили специально сделанное для нее кресло. Она смотрела на спорную работу плотников, делала им замечания, подсказывала. Мне казалось, что в это время она не только смотрела, как работают плотники, но и вспоминала прошедшие годы. Сколько непомерных трудов, сил, здоровья стоило организовать и возродить в г. Иркутске и Иркутской области реставрацию памятников старинной архитектуры! Галина Геннадьевна иногда с удовольствием посещала нашу базу Специализированной научно-реставрационной производственной мастерской. Удивлялась, как можно было за два года ее построить. Ходила по цехам, смотрела работу резчиков по дереву, как реставрировались две-

ри, окна, наличники. Заходила посмотреть работу знаменитого мастера-каменотеса Петра Филипповича Киселя, который из глыбы гранита создавал памятник известному историку-публицисту А.П. Щапову. Восхищалась работой жестянщика Г. Ситникова, который изготовил из стали ажурные воронки для водосточных труб дома Волконского.

Однажды я приехал в музей «Тальцы» посмотреть, как работают кузнецы. Они ковали металлическую ограду для художественного музея. Работа была очень тяжелая и трудная. Нужно было срочно изготовить около 100 пог. м ограды сложной конфигурации. Подходя к кузнице, я увидел Г.Г. Оранскую. Она сидела на старой колоде, которую плотники приспособили ей как скамейку. Мы посидели молча. Она вдруг оживилась и сказала, посмотрев на воссозданные памятники деревянного зодчества: «А все же мы научились работать не хуже служивых умельцев, казаков, которые в старину рубили и ставили дома и другие постройки».

Я не думал, что это была наша последняя встреча...

Благодаря архитектору Галине Геннадьевне Оранской была создана Специализированная научно-реставрационная производственная мастерская, которая за многие годы своей деятельности отреставрировала более 150 памятников истории и культуры г. Иркутска и Иркутской области. Вот некоторые из них: основные памятники музея «Тальцы», памятники деревянного зодчества Братского музея, Преображенская церковь, Троицкая церковь, сторожевая башня и усадьба с. Бельск, фасад здания магазина «Детский мир», фасад здания «Гранд Отель» по ул. Литвинова, 2, польский костел, заключительные работы в соборе Богоявления, фасад Азиатского банка, реставрация ограды вокруг памятника Александру III, воссоздана металлическая ограда художественного музея, воссоздан памятник историку и публицисту А.П. Щапову, очень много других памятников отреставрировано в г. Иркутске и Иркутской области.

Галина Геннадьевна была выдающейся личностью. В советские годы, годы богоборчества, чтобы бороться за сохранение памятников, которые являются достоянием народной культуры, нужно было обладать мужеством, настойчивостью и огромной внутренней творческой силой. И хочется верить, что дело, когда-то начатое Галиной Геннадьевной, сохранится на многие века и порадует еще не одно поколение людей.

P.S. Лично мое мнение. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», который создала архитектор Галина Геннадьевна Оранская, должен носить ее имя.

Вязунова Галина Анатольевна,
*главный архитектор Восточно-Сибирского
конструкторского бюро по архитектурно-строительным
системам и новым технологиям им. А.А. Якушева,
г. Иркутск.
E-mail: vsfkb@yandex.ru*

ВСПОМИНАЯ ОРАНСКУЮ

Мое знакомство с Галиной Геннадьевной Оранской случилось давно, в 1972 г., когда я, молодой специалист, окончивший архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института, начала работать в «Иркутскгражданпроекте». Еще на преддипломной практике у меня возникла идея реставрировать польский костел и устроить в нем зал органной музыки. Идея нашла поддержку в Иркутском отделении Общества охраны памятников, Союзе архитекторов и у тогдашнего мэра Иркутска Николая Францевича Салацкого. И я приступила к делу с молодой энергией и энтузиазмом, днем работая в «Гражданпроекте», вечером, в обед (благо — было рядом) и в выходные — на польском костеле. В костеле тогда находились помещения студии кинохроники, уже переехавшей в новое здание, но еще не освободившей от своего имущества костел, а также разместилось Общество охраны памятников с молодыми тогда еще сотрудниками Надеждой Полуниной, Ольгой Шеверевой, с которыми я уже подружилась.

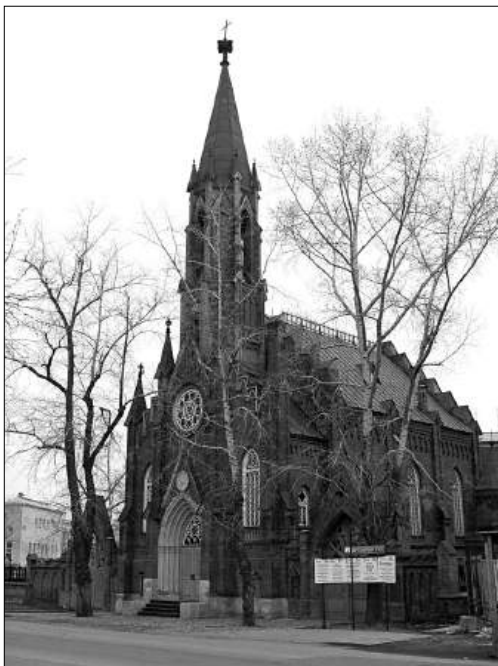
Однажды, это было осенью, кажется в сентябре, Надежда Полунина сообщила мне, что приходила Оранская, услышав, что какая-то молодая девчонка занимается реставрацией костела, возмутилась и сказала: «Что эти молодые? Современные архитекторы — они же ничего не знают, их же не учили реставрации, что они могут? Вот пусть придет ко мне, покажет, что она делает, а я посмотрю, что это за молодая выскочка!» Об Оранской я уже слышала, но ее ни разу не видела. Как все молодые, я была самолюбива, а услышав такие слова, возмутилась, как это можно судить обо мне, не зная ни моей работы, ни моих намерений! Назвала ее бабкой и заявила, что никуда не пойду, а ежели ей любопытно, то пусть сама приходит. И занялась работой, уверенная, что она не придет, а если и придет, то я скажу ей все, что думаю, мне не страшно, меня же в моем начинании поддерживает Салацкий!

Через день или два Галина Геннадьевна пришла. Первое впечатление — полноватая пожилая женщина, очень энергичная,

очень просто, даже небрежно одетая — в каком-то плащике или халате, в ботах «прощай молодость», но с очень живыми глазами на смуглом лице. Я слышала о том, что она резкая, ожидала соответствующего резкого разговора и поздоровалась настороженно, но она улыбнулась: «Ну, давай рассказывай, что надумала, что делаешь». Говорю: «Давайте пройдемся по зданию. Я все вам покажу и расскажу». Пока мы ходили по зданию, я совсем забыла, что она заочно что-то неприятное высказывала в адрес молодых архитекторов, я видела перед собой только живые глаза и неподдельный интерес к делу. Через полтора часа мы с ней расстались, вполне довольные друг другом. А она сказала, что если мне понадобится какой-то совет, то она всегда рада помочь. С тех пор она относилась ко мне как-то по-отечески.

После этого при каждом ее приезде в Иркутск мы с ней встречались, много разговаривали. Иногда я обращалась к ней за советами и всегда их получала. Иногда и она просила помочь в чем-то, особенно когда в Иркутске была создана архитектурная секция при ВООПИиК, а я стала ее председателем. В работе ведь часто возникали какие-то непонимания со стороны строителей или чиновников, нужна была поддержка со стороны общественности. В то время молодых амбиций уже поубавилось и мы все, так или иначе, учились у Галины Геннадьевны. Благо было чему поучиться.

Самое главное в ней — это бесконечная преданность делу. Иркутску очень повезло, что именно Галина Геннадьевна заня-

***Польский костел в Иркутске.
Фото Е. Ладейщиковой, 2004 г.***

указания архитектора

2

3/10-67. Д. Толмачев Косиенко

Начаты реставрационные работы по фасадам Толмачевской усадьбы; установлены леса, производится очистка фасадов от старой штукатурки и краски, а также отслаивания штукатурки и краски. Работы ведутся в соответствии с проектом.

Ремонт поврежденных карнизов должен быть выполнен по рисунку с сохранением существующей формы карниза с боковыми частями. Карниз должен быть выполнен по рисунку с боковыми частями. Карниз должен быть выполнен по рисунку с боковыми частями.

Реставрация деталей из известняка должна быть произведена; в местах крупных утрат из этого же материала должны быть выполнены детали с фактурой известняка и формой карниза (форма карниза карниза) или из кирпича из кирпича.

Мелкие изъёмы на известняке (повреждения) заделываются раствором с добавлением белого цемента и штукатурки. Работы ведутся в соответствии с проектом.

Кровля должна быть выполнена из кирпича с покраской в красный цвет (цвет обожженного кирпича) не яркий. Скульптуры главного входа должны быть выполнены из известняка.

3/10-67. С. Г. Оранской

лась его памятниками. Она приезжала в Иркутск не за славой, регалиями, не как иные столичные мэтры в глубокую провинцию — себя показать да нам указать. У нее душа болела за наши памятники, за наше наследие. В личной жизни она была одинока, а для Иркутска и это обстоятельство было плюсом, потому что мало кто мог себе позволить отлучиться от дома не то что на месяц (или даже больше), но и на пару недель, как того требовала ее работа. Вообще, Галина Геннадьевна из того поколения людей, которое много вынесло на своих плечах, но привыкло все делать на совесть, не считаясь с личным временем, удобством, карьерой, деньгами и прочими благами. Сейчас все как-то измельчало. Вспоминая ее, я думаю, что из-под ее карандаша никогда бы не родился «модный квартал», называемый почему-то историческим, но никакого отношения не имеющий к исторической правде и реставрации, а являющийся скорее какой-то декорацией, игрой в былое, придуманным антуражем к придуманному действию, какой-то «потемкинской деревней». Ею никогда бы не «восстанавливался» старинный дом из клееного профилированного бруса. Она не принимала создание «макета в натуральную величину» какого-либо памятника. И не превратила бы старинное здание в шкатулочку, отделанную современными материалами. Она считала, что если нам что-то доподлинно неизвестно, то лучше не додумывать на тему памятника, а тактично до поры до времени оставить в том виде, в каком оно дошло до нас. У каждого времени — свой дух, своя прелесть, свои технические решения и материалы. И это надо беречь, если мы действительно что-то сохраняем или воссоздаем.

Галина Геннадьевна была очень непритязательная в быту. Она неизменно останавливалась в одной и той же гостинице «Сибирь», говорила о других гостиницах: «Не люблю эти бездушные коробки стеклянно-бетонные, чувствую себя там неуютно». Она и обедала наспех, как придется. Тогда я этому значения не придавала, так как была молодая и сама делала так же. Сейчас думаю, что это могло спровоцировать ее болезнь или усугубить.

Как-то в один из ее приездов, весной, выпало несколько дней на праздники. Она посетовала на то, что рабочие отдыхают, а ей нечем заняться. И я пригласила ее поехать в гости к моим родителям, которые жили в селе Смоленщина на берегу Олхи. Она с удовольствием приняла приглашение. Так она познакомилась с моими родителями, которые в то время были немного моложе ее.

Мой отец был по профессии геолог, но тоже увлеченный человек, тоже из того поколения людей, о котором я уже упоминала, и им было о чем поговорить. Мои родители были очень гостеприимными людьми, и потом она бывала у них в гостях в каждый свой приезд, с удовольствием выпивала рюмку-другую коньячку или водочки, угощалась мясом и булочками, приготовленными в русской печке, потом все шли на берег речки и подолгу разговаривали. Так же она общалась с моим мужем — тоже архитектором — и маленькой тогда еще дочкой.

Потом был период, когда я видела ее мало, это был 1985 год. Я тогда была в «интересном» положении, чувствовала себя не очень хорошо, а еще моя мама лежала в больнице. И только выписалась моя мама, мне сообщили, что Оранская серьезно больна, находится в больнице. Ее навещали Надя Полунина и девочки из ВООПИиК. Я пришла к ней в сопровождении мамы, поскольку находилась уже в «сильно интересном» состоянии. Мы поговорили, она по-доброму как-то улыбалась, но я, занятая тогда мыслями о предстоящих мне событиях, и подумать не могла, что видимся мы с ней в последний раз. В молодости, когда у тебя еще все впереди, трудно осознается чей-то уход.

Сейчас, когда я вспоминаю Галину Геннадьевну, думаю, что нам, всем иркутянам, надо быть благодарными судьбе за то, что она послала нам такого человека.

Симутина Ирина Григорьевна,
*архитектор,
член Иркутского отделения ВООПИиК с 1972 г.,
г. Иркутск.*

ВОСПОМИНАНИЯ О Г.Г. ОРАНСКОЙ

Познакомилась я, будучи еще студенткой архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института, проходившей преддипломную практику в институте «Иркутскгражданпроект», с Галиной Геннадьевной Оранской осенью 1971 г. в отделе архитектуры Иркутского облисполкома на защите проекта «Музей деревянного зодчества под открытым небом „Тальцы“».

Место для музея Галина Геннадьевна выбрала сама, и оказалось оно, как показало время, очень удачным, хотя это не была пойма реки, вдоль которой могла возникнуть деревня, да и высоко на горах деревень в Сибири не строили, но наличие воды и леса было в пользу строительства музея именно в этом месте.

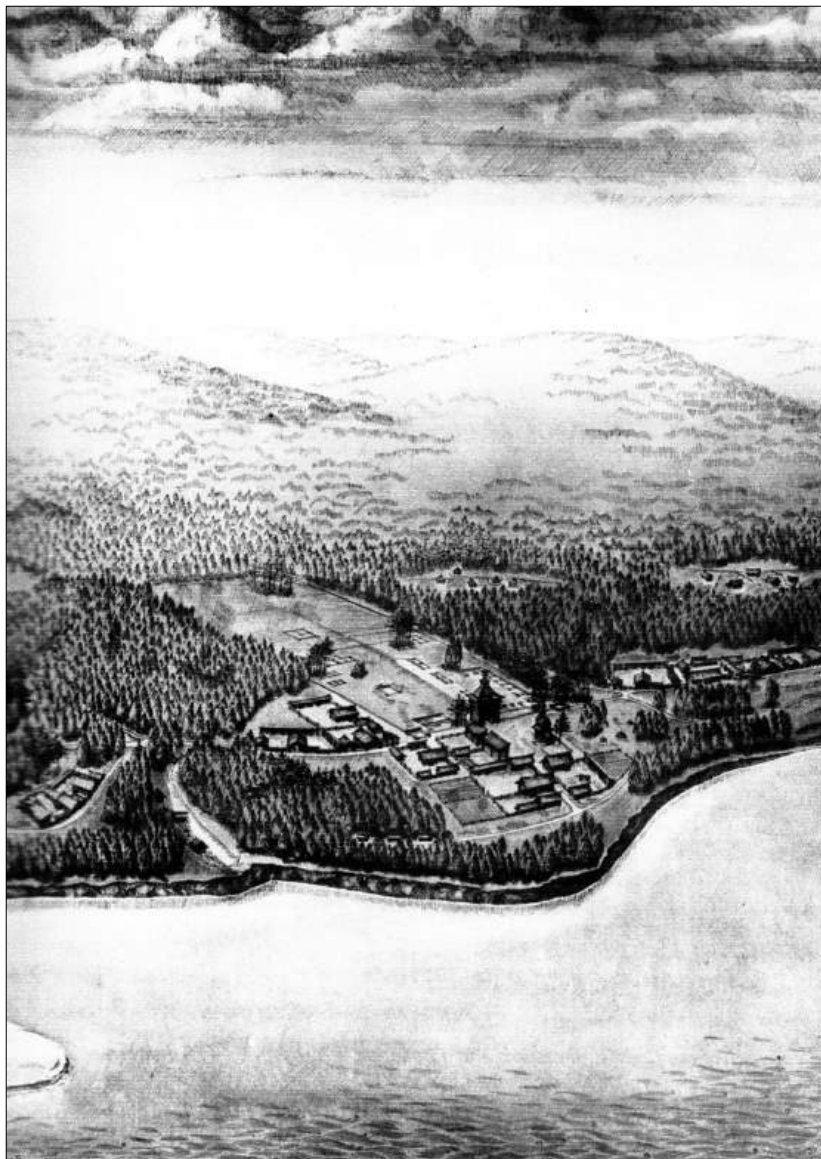
Музей был просто необходим, так как это было время, когда срочно нужно было спасать памятники деревянного зодчества из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС, чтобы сохранить хотя бы немногие из них.

Защита проекта прошла успешно, и в наши дни музей «Тальцы» — одна из «визитных карточек» Иркутска и Иркутской области.

Но самой главной «визитной карточкой» города является так называемый Иркутский кремль, где благодаря профессиональной и гражданской позиции Галины Геннадьевны Оранской сохранены и отреставрированы памятники теперь уже федерального значения — Спасская церковь и собор Богоявления.

Первоначально реставрация Спасской церкви и собора Богоявления предусматривала приспособление этих памятников для отделов краеведческого и художественного музеев, но со временем церковь и собор стали вновь использоваться по своему прямому назначению.

К моменту начала реставрации Спасской церкви уровень земли, так называемый культурный слой, был настолько высок, что он целиком закрывал фундамент церкви, а помогло открыть фундамент строительство мемориала «Вечный огонь» к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. По существовавшей тогда идеологии церковь не должна была главенствовать в застройке,

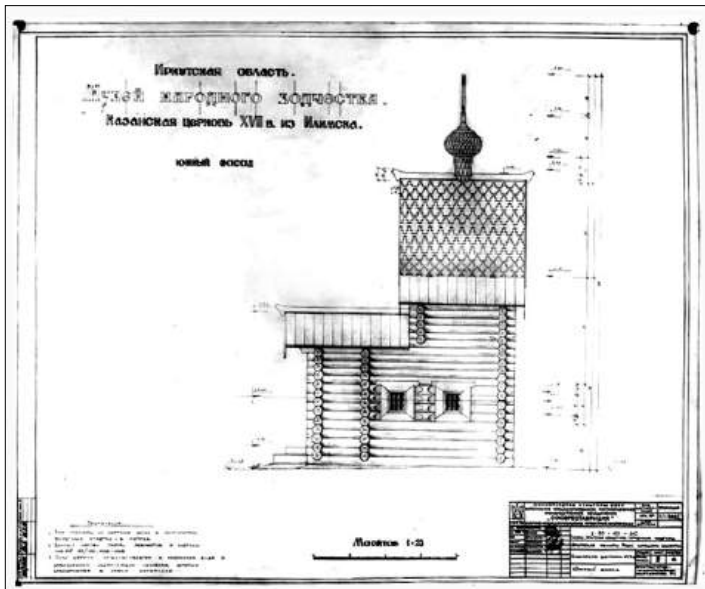
**Эскизный проект Музея народного зодчества
под открытым небом. Всесоюзный производственный
научно-реставрационный комбинат, 1971 г.**

нужно «утопить», т. е. понизить уровень земли, чем и была достигнута цель реставрации — показать памятник таким, каким он был когда-то построен.

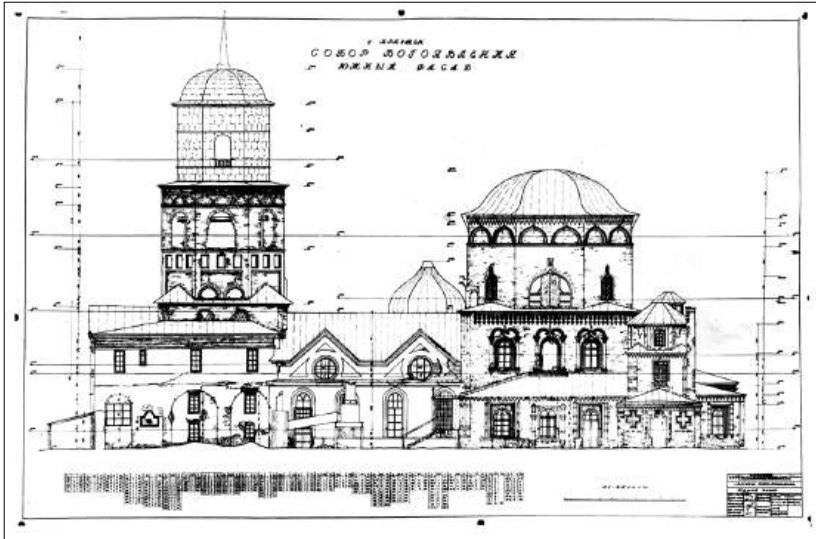
Галина Геннадьевна была первым реставратором Дома-музея семьи Трубецких. С восстановлением этого дома началось активное изучение мест проживания декабристов в Сибири — описание и регистрация, постановка на учет домов и усадеб декабристов.

В 70-х гг. XX в. Иркутское отделение ВООПИИК организовало экспедиции, в которых под руководством Галины Геннадьевны были выполнены обмеры усадьбы декабриста Громницкого в с. Бельск Черемховского района, церкви в пос. Тельма Усольского района, памятников в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС. Запомнилось мне, как Галина Геннадьевна проводила краткий инструктаж перед началом обмеров, а по окончании работ все наши листочки собирала и не позволяла оставлять их у себя. В экспедициях на обмеры привлекалась молодежь, как молодые специалисты-архитекторы, так и студенты. На восстанавливаемых объектах часто проводились субботники.

По заданию Иркутского отделения ВООПИИК в 1975 г. на общественных началах архитекторами института «Иркутскграж-

Илимская Казанская церковь, южный фасад

Собор Богоявления в Иркутске, южный фасад

данпроект» В.И. Колпиковым, Г.А. Вязуновой, И.Г. Симутиной и В.И. Сотниковой был разработан проект историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» на территории жилых кварталов, где проживали во время сибирской ссылки семьи Трубецких и Волконских. Для выполнения рабочих чертежей проект был передан в московские реставрационные мастерские.

Так вслед за Галиной Геннадьевной продолжается создание комплекса «Декабристы в Иркутске», реставрируются сегодня и другие памятники архитектуры, появляются в области и новые музеи под открытым небом.

Дело, начатое когда-то в Иркутске Г.Г. Оранской, живет, и БОЛЬШАЯ ЗАСЛУГА Галины Геннадьевны в том, что удалось спасти от предлагавшегося сноса, а затем и отреставрировать памятники архитектуры, которые знакомят всех нас с мастерством людей, основавших наш город. НИЗКИЙ ей ПОКЛОН за это!

Акулич Ольга Аркадьевна,
*заместитель директора
Иркутского областного историко-мемориального
музея декабристов по научной работе,
г. Иркутск.
E-mail: decemb-ed@mail.ru*

АРХИТЕКТОР-РЕСТАВРАТОР Г.Г. ОРАНСКАЯ В СУДЬБЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИРКУТСКА (ШТРИХИ К БИОГРАФИИ)

Память о Галине Геннадьевне Оранской (1913–1986) навсегда останется в истории нашего города. Ее созидательный труд по спасению и сохранению древнейших храмов и исторических памятников Иркутска, созданию музея деревянной архитектуры (нынешнего музея «Тальцы») уже высоко оценен иркутской общественностью. Плоды ее труда — отреставрированные Спасский храм, собор Богоявления Господня, Дом-музей Трубецких, Спасская башня и Казанский храм Илимского острога — стали главными историческими символами Прибайкалья.

Между тем о человеке, который отдал добрую треть своей жизни на их реставрацию, мы, благодарные потомки, знаем совсем немного. Знаем, что приехала она в Иркутск впервые в 1959 г., что с 1960 г. до последних дней вся ее жизнь была связана с Иркутском. Первым ее детищем стал первый каменный храм Иркутска, последним — древнейший на территории Сибири деревянный храм из Илимска. А между этими двумя жемчужинами — 26 лет жизни, постоянные перелеты Москва–Иркутск, экспедиции по отбору и вывозу памятников деревянной архитектуры, архитектурный надзор за реставрацией сразу нескольких объектов, участие в работе различных комиссий, «выбивание» средств и материалов для реставрации, создание на пустом месте реставрационной базы в Иркутске.

Немного сохранилось документов, по которым можно было бы написать полную биографию Г.Г. Оранской. В иркутский период она подписывалась под различными документами как архитектор-реставратор Академии строительства и архитектуры СССР, главный архитектор Центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры СССР, старший архитектор того же учреждения и, наконец, главный архитектор проекта. Немногочисленные документы о деятельности Г.Г. Оранской ир-

Древнейшие храмы Иркутска до реставрации. 1950-е гг.

кутского периода сохранились в двух государственных и одном ведомственном архивах и скромном личном фонде, хранящемся в музее [1]. Неизвестным для иркутян остается личное дело Г.Г. Оранской, хранящееся в фонде Московского отделения Союза архитекторов СССР [2].

Мне не довелось лично общаться с Галиной Геннадьевной. Мои старшие коллеги-музейщики Г.Н. Куценко и А.К. Нефедьева, работавшие с Г.Г. Оранской, говорили о ней с огромным уважением. Молодые, иногда подтрунивая над допущенными ею ошибками, называли ее «бабушкой Оранской». Работая в зданиях-памятниках, отреставрированных Галиной Геннадьевной, изучая их историю, я постоянно задавалась вопросами: «Почему Оранская не сделала то-то и так-то?» И невозможность получить ответ вызывала досаду и непонимание, склоняя к мнению молодых коллег-музейщиков. Понимание пришло с годами и новым знанием. Работая над историей Спасской церкви, мне довелось изучить немало документов 1960–1970-х гг. Из них стало очевидно, что архитектор-реставратор Г.Г. Оранская работала в совсем ином историческом времени и пространстве. Первый и главный вопрос, на который она отвечала прежде всего самой себе: «Что

удастся сохранить в Иркутске?». Она приняла на себя всю полноту ответственности за сохранение облика исторического Иркутска в целом. И на этом пути она была первой. Впервые в своей жизни она восстанавливала памятники деревянного зодчества, впервые в Иркутске воспитывала специалистов-реставраторов, впервые выступала в роли ходатая от Иркутска перед столицей. Прологая новые пути, не всегда удавалось найти единственно верную дорогу. Исправление этих ошибок оставлено было для будущих поколений реставраторов. Куда как трагичнее был бы для судьбы исторического Иркутска отказ Оранской пройти этот путь. Сегодня, по прошествии 30–40 лет, проведена повторная реставрация объектов, когда-то спасенных Оранской. В профессиональные решения Галины Геннадьевны время внесло свои коррективы.

Встав на защиту старого Иркутска, Галина Геннадьевна вынуждена была идти на компромиссы с властью. Свидетельством тому служит документ, составленный комиссией по результатам обследования нескольких иркутских храмов. Понимая, что все сохранить не удастся, Оранская предложила отказаться от самых поздних, чтобы сохранить и отреставрировать самые древние храмы. Приводим этот документ целиком:

«Акт

14 мая 1960 г.

г. Иркутск

Комиссия в составе архитектора-реставратора Академии строительства и архитектуры СССР т. Оранской Г.Г., инженера-строителя Евфратовой Т.П. и уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Иркутской области т. Житова И.Т. произвели осмотр на месте зданий недействующих храмов в г. Иркутске, причем установили следующее состояние зданий:

1. Храм по ул. Коммунаров (бывший кладбищенский) [3] расположен в центре города рядом с главным входом в Центральный парк культуры и отдыха (ЦПКиО) и рядом с памятником Борцам революции. В храме размещено общежитие студентов госуниверситета.

Храм по своей архитектуре имеет классические формы, с четырех фасадов украшен портиками с колоннами. Состояние храма крайне запущенное, кровля разрушена, штукатурка фасадов требует капитального ремонта и отделочных работ.

Предложение: храм использовать под культурные мероприятия при парке культуры и отдыха и срочно отремонтировать

кровлю и фасады с одновременной ликвидацией характерных для храма конструкций покрытий и кровли.

2. Храм по ул. Александра Невского [4] (бывший вещевой рынок) находится в полуразрушенном состоянии и в нем размещен шиноремонтный завод. Храм как памятник архитектурной ценности не представляет.

Предложение: храм разобрать до основания, имея в виду, что площадь вокруг застраивается жилым комплексом зданий.

3. Храм на ул. Баррикад (Казанский) [5] занят под склад Обл-книготорга и школу киномехаников. Фасады храма находятся в хорошем состоянии, но необходимо провести окраску фасадов и частичный ремонт кровли и водостоков и остекление окон, полностью сохранив внешний облик храма. Необходимо также со стороны главного фасада снести сараи и заборы. Озеленить и благоустроить прилегающую территорию.

4. В Рабочем предместье бывший Князе-Владимирский монастырь [6] занят центральными мастерскими «Востсибнефтегеологии».

Здание храма находится в крайне запущенном состоянии, кровли сняты вместе со стропилами, своды открыты, не является памятником архитектуры.

Предлагаем разобрать купола до первого этажа и помещения использовать под кинотеатр.

5. Бывший храм по ул. Тимирязева [7] использовать под архив. Здание необходимо отремонтировать — покрасить фасады, остеклить, отремонтировать кровлю.

Представитель Академии строительства и архитектуры СССР	автограф	Оранская
Инженер-строитель	автограф	Евфратова
Уполномоченный совета	автограф	Житов» [8].

Этим первым по времени (из известных нам) архивным документом мы попытались наметить хронологическую канву будущей полной биографии Галины Геннадьевны Оранской. Необходимо заметить, что большая часть этих данных, собранных автором попутно в процессе изучения истории Спасского храма, ранее не публиковалась. Мы не ставили своей задачей создать полный биографический свод, поэтому не включали сюда свидетельства других авторов, писавших об Оранской. Архивные материалы охватывают 21 год жизни реставратора — 1960–1981 гг. Многие документы содержат автограф архитектора. Некоторые написаны рукой Г.Г. Оранской.

П Р И К А З

по ЦЕНТРАЛЬНОМУ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННОМУ МАСТЕРСКИМ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР и
ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

№ _____

г. Москва

26 августа 1967 г.

В соответствии с постановлением Совета Министров
СССР № 630 от 31 марта 1951 г. "О порядке осуществления
и оплаты авторского надзора проектных организаций за
строительством"

ПРИКАЗЫВАЕМ:

§ 1

Установить архитектурно-авторское руководство
/авторский надзор/ со стороны ЦНРИ за производством,
реставрационными и ремонтно-восстановительными работами
по памятнику архитектуры в г. Иркутске с июня 1967 г.
Спасской церкви.

§ 2

Проведение архитектурного надзора возложить на авто-
ра проекта и главного архитектора проекта ОРАНСКУЮ Г.Г.

§ 3

Архитектор ОРАНСКАЯ Г.Г. обязана записывать свои
замечания в журнал архнадзора, который должен храниться
на объекте у прораба.

§ 4

Производитель работ т. МАРКОВ. обязан выполнять
указания надзора, о чем должен отчитываться в журнале.
Сроки выполнения замечаний надзора устанавливаются
в каждом случае отдельно.

§ 5

Архитектор ОРАНСКАЯ Г.Г. обязана посещать объект
не реже 3-х раз в год, а также на экстренному вызову
начальника работ.

§ 6.

Архитектор ОРАНСКАЯ Г.Г. обязана составить график
посещений объекта, согласовав его с нами.

§ 7.

Права и обязанности лиц, осуществляющих надзор, пре-
дусмотрены Положением об авторском надзоре.

Начальник ЦНРИ
А. Петров/

Нач. обл. Управления культуры
Иркутской обл.
М. Виноградова/

Приказ о возложении на Г.Г. Оранскую
авторского надзора по Спасской церкви. 1967 г.

1960

14 мая. Акт обследования храмов Иркутска [9].

1961–1962

Оранская составила, разработала и согласовала проектную документацию на охранную зону Спасской церкви [10].

1965

9 декабря. Справка о состоянии памятников истории и культуры в г. Иркутске. Состояние памятников неудовлетворительное и аварийное. В составе комиссии главный архитектор ЦНРМ Г.Г. Оранская [11].

14 декабря. Главный архитектор ЦНРМ Г.Г. Оранская составила справку о первоочередном вывозе памятников деревянного зодчества из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС и других районов Иркутской области:

Илимск — башня, церковь, крестьянские усадьбы;

Бельск — башня;

Братск — башня;

Нижеилимск, Невон — жилые дома, баня, мельница [12].

1966

23 июля. Акт об аварийном и запущенном состоянии бывшего собора Богоявления.

Из акта: «...Внутри памятника архитектуры имеются душевые комнаты...

В колокольне расположен склад соли...

Здание до сих пор не освобождено. Более того, сейчас происходит реконструкция печей. Создаются новые цеха, вводятся дополнительные агрегаты, нарушая своды здания...

...Здание Богоявленского собора продолжает эксплуатироваться на полный износ без ремонтов и обновлений...

Подписи:

Старший архитектор ЦНРМ Министерства культуры Г.Г. Оранская.

Начальник областного управления культуры А.М. Перекальская.

Заведующая городским отделом культуры А.П. Якубова.

Директор Иркутского областного художественного музея А.Д. Фатьянов.

Инспектор областного управления культуры Ю.В. Ефимов» [13].

1967

Два года (1966–1967) Г.Г. Оранская выполняла архитектурно-археологические обмеры и натурные исследования Дома декабриста Трубецкого в Иркутске [14].

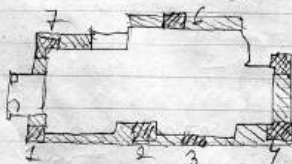
3/III-67 Спасенская церковь

Без задания обл. упр. культуры
начало производилось, косметический ремонт
по фасадам церкви - окраска фасадов
раствором из белого цемента, нижним этажом
у земли ремонтирование цемента - покраска
этим раствором каменоразводки воспринимает
и т.к. она разрушает обветшалый каменный
декор и трудно удалять, а также
скопировать и чистить лапидарную раму
целесообразно чистить лапидарную раму
на восточном и южном фасадах - окраска
фасадов раствором цемента белой штукатуркой
по расчистке (временно).

Работы по Спасенской церкви должны
производиться по заданию обл. упр. культуры
и по указанию арх.надзора
внутренней работы.

3/III-67 О.И.

8/IV-67, В соответствии с заданием на производство
первоначальной работы по Спасенской церкви
произвести ремонт шпоров с сооружением
и постройкой, по приложению плана и сохранению
всех находящихся элементов

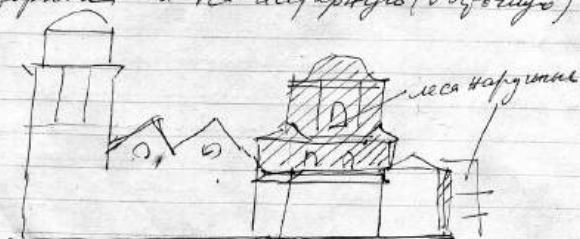

в земле, разрыв земли
должен быть срублен
каменным шпоров
заставлять по строительной
схеме, шпоров до
1 м и более, на
зубцы до 1 м
зубцы до 1 м
зубцы до 1 м

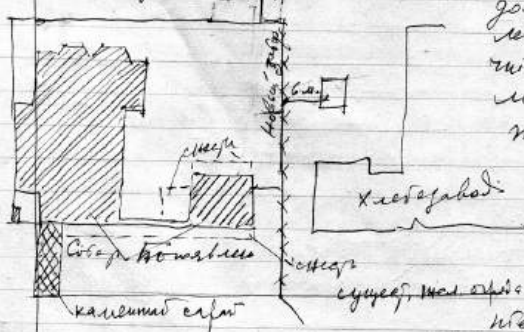
Собор Божественный

5/12-87 Работы по производству реставрации и воссоздания не начинались.
Работы должны производиться по заданным видамному горжнмремиссу отбучрвнм кульчурнм.

В первую очередь должны быть устроены леса на верхнюю часть (вспышную и северную черему) и на алгарскую (возвышенную) часть.

Установить деревянный забор плетень
между хлебозаводом и церковью

должен быть устроен
таким образом
чтобы расстояние
между холодильни-
ком и колоннами
было строго
равно нулю
причем машина
на заводе не
переносится с одной
стороны к другой
а хранится

тем, забор должен отстоять от хранилища

Страница из журнала архитектурного надзора Г.Г. Оранской.
1967 г.

1968

22 марта. Заседание секции архитектуры и искусства Иркутского отделения ВООПИиК. Повестка дня «Об охране памятников деревянного зодчества». Из выступления Г.Г. Оранской: «...По плану города определить, как пожары в старину уничтожали кварталы. Составить схему-план сохранности кварталов, не тронутых пожаром. Познакомиться с книгами домовыми. Использовать бюро инвентаризации» [15].

1969

25 декабря. Приказ Иркутского областного управления культуры об установлении авторского надзора за реставрацией главного архитектора проекта Г.Г. Оранской [16].

Г.Г. Оранская выполнила техно-рабочий проект Дома декабриста Трубецкого [17].

1970

Г.Г. Оранская выполнила рабочий проект благоустройства территории, прилегающей к Дому декабриста Трубецкого [18].

1971

31 августа. Г.Г. Оранская составила рекомендации по срочной реставрации Свято-Троицкого храма в Иркутске [19].

1972

Г.Г. Оранская вошла в оргкомитет по созданию мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» [20].

1977

Г.Г. Оранская обследовала Спасский храм в с. Урик и дала рекомендации по его консервации [21].

1980

9 октября. Оранская выступает против сдачи в текущем году реставрационного объекта «Спасская церковь» Государственной комиссии с имеющимися недоделками и нерешенными техническими проблемами [22].

1981

Оранская подготовила задания реставрационной мастерской для срочной консервации Спасской церкви в с. Урик, в октябре 1981 г. консервация была начата [23].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 67, 89, 124; Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. Р-3238. Оп. 1. Д.

29, 95, 135 и др.; архив Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области — журналы авторского надзора Г.Г. Оранской; Иркутский областной краеведческий музей — личный фонд Г.Г. Оранской.

2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2466. Оп. 7. Ед. хр. 634. Личное дело Оранской Галины Геннадьевны, 1913 г. р. (10 л.).

3. Храм Входа Господня в Иерусалим (1835). Ныне восстановлен и действует.

4. Храм во имя святой мученицы царицы Александры (1914). Снесен в 1960-х гг.

5. Храм во имя Казанской иконы Божией Матери (1892). Ныне восстановлен и действует.

6. Храм во имя свт. равноапостольного князя Владимира (1895). Ныне восстановлен и действует.

7. Храм Преображения Господня (1811). Ныне восстановлен и действует.

8. ГАИО. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 67. Л. 116–117.

9. Там же.

10. ГАИО. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 89. Л. 307.

11. Там же.

12. Там же. Л. 300. Из данного списка Оранской в музей «Тальцы» были перевезены постройки из Илимска и Нижнеилимска. Братскую острожную башню перевезли в музей «Ангарская деревня» (г. Братск), Бельская острожная башня позднее была отреставрирована на месте в с. Бельск Черемховского района.

13. ГАИО. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 89. Л. 302.

14. Иркутский музей декабристов (ИМД). ВХ ФЗК-325. Л. 1–16, 31, 33–37. Копии чертежей Г.Г. Оранской из архива ЦНРМ (г. Москва).

15. ГАИО. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 89. Л. 134.

16. Из архива Иркутского отделения ВООПИиК. Документ любезно предоставлен С.А. Утмелидзе.

17. ИМД. ВХ ФЗК-325. Л. 18, 20–30.

18. Там же. Л. 17.

19. ГАНИИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 29. Л. 16.

20. ГАИО. Р-2884. Оп. 1. Д. 124. Л. 14.

21. ГАНИИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 95. Л. 30.

22. ГАНИИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 135. Л. 36.

23. ГАНИИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 163. Л. 14.

Ладейщикова Елена Робертовна,
заместитель директора
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы» по архитектуре и развитию,
г. Иркутск.
E-mail:er.lad410@gmail.com

РЕСТАВРАЦИЯ ДОМА ДЕКАБРИСТА С.П. ТРУБЕЦКОГО 1965–1970-Х ГОДОВ

Начальный период реставрации памятников архитектуры Иркутска неразрывно связан с именем московского профессионального архитектора-реставратора Галины Геннадьевны Оранской. Под ее непосредственным руководством были отреставрированы такие уникальнейшие памятники города, как собор Богоявления, Спасская церковь, польский костел, дома декабристов С.П. Трубецкого, С.Г. Волконского. Неоценима ее роль в создании и формировании Архитектурно-этнографического музея «Тальцы».

Однако, по воспоминаниям очевидцев, все начиналось от обратного. Впервые в Иркутск Галину Григорьевну пригласили в 1959 г. для решения вопроса о сносе изрядно обветшавших и стоявших в запустении древнейших каменных храмов — собора Богоявления и Спасской церкви — в связи с предстоящим приездом президента США Эйзенхауэра. Однако, основываясь на однозначном категорическом заключении Оранской и в результате объединенных усилий местной общественности, ученых, краеведов, ВООПИиК, памятники не только удалось отстоять, но и развернуть реставрационные работы. В разное время и от разных людей неоднократно приходилось слышать восторженные воспоминания об историческом визите Г.Г. Оранской на прием к первому секретарю обкома партии Н.В. Банникову по вопросам сохранения и реставрации наиболее ценных памятников Иркутска [1]. Легко ли это было? Безусловно, не просто и потребовало от этой женщины незаурядного мужества.

Галина Геннадьевна была вынуждена заниматься не только вопросами профессиональной реставрации, она в какой-то степени формировала и меняла отношение властей к памятникам, и, что самое главное, — она фактически создала иркутскую школу реставрации. К тому времени в Иркутске не было ни специалистов-реставраторов, ни производственной базы, и все приходилось начинать с чистого листа.

Одним из первых памятников, который реставрировала Оранская на иркутской земле, стал дом декабриста С.П. Трубецкого по ул. Дзержинского, 64. Необходимо отметить, что это был не просто первый городской объект, отреставрированный именно этим человеком, а это был первый опыт профессиональной реставрации в Иркутске [2].

Перед началом реставрации были расселены жильцы многочисленных муниципальных квартир, теснившихся в этом здании, и в дальнейшем планировалась передача его музею декабристов. Благодаря своей исторической значимости в 1959 г. здание было поставлено на местную, а в 1960 г. на государственную охрану федерального значения (высшая категория), вероятнее всего, также не без участия Г.Г. Оранской.

Обычно на первый план выходит именно историческая ценность этого памятника, однако его архитектурные достоинства не менее весомы. Дом Трубецкого представляет собой небольшой одноэтажный деревянный на каменном цоколе особняк, увенчанный миниатюрным поперечным мезонином. Здание как бы скомпоновано из нескольких разновысотных объемов, составляющих стройную симметричную композицию. Внутреннее устройство выполнено подобно классицистическим дворцам — нижний полуподвальный этаж изначально был хозяйственным, в основном этаже (или бельэтаже) анфиладно располагались парадные и жилые покои; в мезонине — небольшая светелка. В общем решении и декоративном оформлении переплетены мотивы классицизма и национально-романтического, или «русского», стиля. При этом общее объемно-планировочное построение выполнено преимущественно в традициях классицизма, а в декоративном оформлении соединены элементы обоих этих стилей. Например: общая направленность оформления на имитацию каменных форм свойственна классицизму, а отдельные элементы декора явно заимствованы из архитектурных форм русского средневекового культового зодчества. Дом действительно очень интересный, отличается великолепными пропорциями, соразмерностью частей и целого, выразительной объемно-пространственной композицией. Особую ценность представляет декор фасадов, не имеющих аналогов в деревянном зодчестве Прибайкалья.

Ко времени начала реставрационных работ памятник находился в тяжелейшем техническом состоянии (ил. 1), был значительно и неоднократно перестроен. В ходе многочисленных ремонтов советского времени был упрощен некогда пышный декор лицевого фасада, утрачен эркер [3], изменены очертания оконных проемов, заменены наличники и пр., а при приспособлении под жилые квартиры — выгорожены дополнительные помещения, устроены новые входы (ил. 2).

Ил. 1. Фото 1958 г. — облик дома до начала реставрационных работ

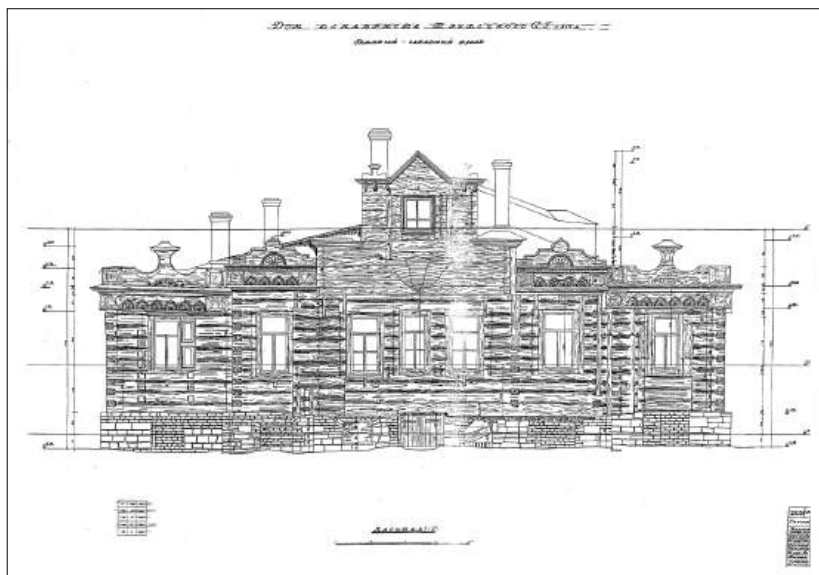
Дом Трубецких (Иркутск, Дзержинского, 64)
Вид со двора. Со снимка до 1965 г.

Ил. 2. Фото конца 1950 – начала 1960-х гг. Фото передано автору Е.А. Ячменевым. Подписано рукой Е.А. Ячменева

Специалистами Центральных научно-реставрационных мастерских (ЦНРМ) под руководством Галины Геннадьевны Оранской в 1965–1967 гг. было проведено обследование, выполнены подробнейшие архитектурно-археологические обмеры, фиксирующие состояние памятника на тот момент, разработан проект реставрации (ил. 3).

Инженерное обследование памятника принесло свои сюрпризы. Под наружными стенами южного и западного фасадов были обнаружены остатки деревянных столбчатых фундаментов (столбов), что свидетельствовало о более позднем периоде устройства каменного цоколя. Имелись нелогичности в конструктивной схеме основного объема и мезонина, говорящие о более позднем возведении последнего относительно основного объема, и пр. и пр. [4]. Таким образом, дом оказался гораздо более сложным, было очевидным наличие нескольких строительных периодов, выявлено множество поздних наслоений.

Ситуация в значительной степени усложнялась практически полным отсутствием каких-либо графических и архивных материалов по строительству. Собственно, и до сих пор остается множество неясностей и белых пятен, касающихся точного времени

Ил. 3. Главный фасад — архитектурно-археологический обмер

строительства, первоначального облика, характера отдельных перестроек, авторства и даже самой принадлежности дома семейству Трубецких.

К сожалению, не удалось обнаружить ни Пояснительную записку, ни Журнал авторского надзора, раскрывающие логику рассуждения автора проекта при принятии того или иного решения. Кроме того, неясно, была ли известна Оранской фотография начала XX в., на которой запечатлен облик дома до ремонтов советского времени с еще сохранявшимся, но уже ветхим декором (ил. 4). Мнения современников событий на этот счет диаметрально расходятся: одни утверждают, что нет, другие — что да, третьи говорят, что был известен рисунок с этой фотографии, некоторые утверждают, что фотография появилась уже в конце работ, когда было поздно что-либо менять.

**Ил. 4. Фото начала XX в.
Наиболее ранняя из известных фотографий**

Как это было в действительности, сейчас судить сложно, но очевидно, что Г.Г. Оранская в основном сохранила те формы, которые имелись к началу реставрации, но при этом демонтировала очевидные поздние пристройки, искажающие общий объем (пристройки тамбуров и веранд, наружной лестницы на дворовом фа-

саде и т. п.). Поскольку в проекте реставрации не было предусмотрено восстановление ни одного из утраченных к тому времени декоративных элементов фасада, а некоторые из сохранившихся воспроизведены в искаженном виде, можно сделать вывод, что Галина Геннадьевна при разработке проекта не учитывала эту фотографию и, скорее всего, она ей была неизвестна.

Не имея необходимой и достаточной информации, Оранская поступила достаточно мудро и дальновидно — по возможности она оставила без изменений «родные» конструкции (в том числе и фрагменты деревянного фундамента первого периода) как источник информации для будущего, убрав или перестроив лишь очевидные и грубые поздние наслоения. И что самое главное — не привнесла новаций в те формы, по которым не имелось достоверных сведений.

Галина Геннадьевна сохранила некоторые даже такие, казалось бы, очевидные для профессионала нелогичности, как, например, обрезанный до уровня мезонина центральный ризалит на главном фасаде. На доме Трубецкого ризалит — «ложный» и конструктивно выполнен чуть большим (по сравнению с боковыми частями фасада) выносом обшивки. При ремонте, произведенном в советское время (до 1950-х гг.), когда перекладывалась часть лицевого фасада и переделывались центральные окна основного этажа, часть ризалита в этом уровне была разобрана. После ремонта обшивку восстановили, но без прежнего выноса (ил. 5). Оранская сохранила этот искаженный «обрезанный» ризалит, хотя воспроизвести его на всю высоту фасада было технически просто и логично. В дальнейшем именно это решение вызывало множество вопросов и критики со стороны профессионалов. Однако, возможно, что в тех условиях это решение было наиболее целесообразным, поскольку оно предопределяло и закладывало необходимость реставрации этой части фасада в дальнейшем, с воссозданием всех утраченных элементов: формы и обрамления центральных окон, фланкирующих пилястр и пр. (ил. 6).

И еще один важнейший элемент, восстановленный с отклонением от первоначальной формы, — эркер в уровне мезонина. Оранская восстановила его трехгранным, хотя первоначально эркер был пятигранным. К началу реставрации сам эркер уже отсутствовал, но сохранилась трехгранная опорная корзина, получившая эту форму уже в советское время.

По воспоминаниям очевидца и участника событий искусствоведа В.Т. Щербина, был курьезный случай, связанный с

Ил. 5

Фрагмент фото начала XX в.

Фото 2005 г.

окраской здания. В один из приездов в ходе осуществления авторского надзора Галина Геннадьевна обнаружила, что дом покрашен снаружи. Она заставила полностью снять весь красочный слой.

Интересно, что Оранская оставила открытой и кладку цоколя. Изначально он был оштукатурен снаружи, как того требовали каноны стиля. На фотографии начала XX в. можно видеть сохранявшиеся к тому времени фрагменты штукатурки. Однако к 1950-м гг. штукатурка была почти полностью сбита. Во время реставрации 1966–1970-х гг. кладка частично поновлялась, но штукатурка не была восстановлена.

За время своего существования дом неоднократно перепланировался и приспособлялся под меняющиеся функции. Очевидно, что изначально он строился как жилой и предназначался для проживания одной семьи. Документально подтверждено, что в начале XX в. он принадлежал частным владельцам (М.С. Гасс, позже С.Л. Гортиковой) [5], однако характер использования неясен. Хозяева могли проживать сами, а могли сдавать помещения в аренду. В советское время дом был муниципализирован и раз-

Ил. 6. Облик дома после реставрации 1965–1970-х гг.

делен на несколько квартир, что повлекло частичную перепланировку — были выгорожены дополнительные помещения, в каждую квартиру устроили отдельный вход, даже в мезонине была устроена небольшая квартира с самостоятельным входом по наружной открытой лестнице. При устройстве входов неизбежно появились пристройки тамбуров, искажающие первоначальный облик памятника. Тогда же был закрыт парадный вход на правом фланге главного фасада.

Галина Геннадьевна Оранская восстановила характерное для классицистических особняков функциональное зонирование — в центральном объеме, поделенном продольным перерубом, в более широкой уличной части предполагалось расположить парадные помещения, в более узкой дворовой — хозяйственные. Были воссозданы на первоначальном месте лестницы на мезонин и в цокольный этаж. Также была раскрыта парадная анфилада [6] покоев основного этажа с расположением дверных проемов по одной оси. По историческим аналогам было восстановлено назначение помещений — парадную анфиладу помещений открывает приемная, далее следует гостиная, затем диванная (библиотека),

а замыкает — кабинет хозяина. Центральное место в анфиладе занимает почти квадратная парадная гостиная. Как наиболее значимое помещение именно гостиная изначально была выделена на главном фасаде устройством ризалита и тремя высокими арочными окнами.

С особой тщательностью были отреставрированы завершая в уровне кровли и уникальные элементы фасадного декора в уровне фриза — резные объемные пальметты [7], помещенные в килевидные арочки (ил. 7). В данном случае интересно органичное соединение классицистических по происхождению пальметт и характерных для национального стиля килевидных арок. К сожалению, в проекте не было предусмотрено воссоздание утраченных к тому времени сдвоенных пилястр, членивших главный фасад. Без таких важнейших элементов, как пилястры и центральный ризалит, нарушалась первоначальная композиционная логика построения фасада. Но при этом отреставрированный Г.Г. Оранской дом Трубецкого, пусть даже и с частично восстановленным декором, производил очень благоприятное впечатление,

Ил. 7. Фрагмент главного фасада — венчающий фриз с пальметтами и килевидными арочками, фигурное венчание в уровне кровли

отличался характерной для построек классицизма элегантностью и сдержанным достоинством.

Подводя итог, необходимо отметить, что, будучи профессионалом высокого уровня, Оранская изначально установила высочайшую планку в деле реставрации памятников и подготовила целый ряд талантливых архитекторов-реставраторов, продолживших начатое ею дело.

Р.С. В период 2007–2011 гг. проводилась вторая реставрация дома Трубецкого, в результате которой был восстановлен облик, запечатленный на фотографии начала XX в. (ил. 4) [8]. В процессе разработки научно-проектной документации было проведено инженерное исследование, которое позволило выявить этапность строительства и характер перестроек. Согласно этим данным, здание было выстроено в 1844–1850 гг. и первоначально не имело ни каменного цоколя, ни мезонина. Далее, в 1850-х гг. была проведена масштабная реконструкция, в результате которой появились цоколь, мезонин, окончательно сложилась планировочная структура. В дореволюционный период неоднократно проводились ремонтные работы с более мелкими изменениями [9].

К сожалению, ответить на вопрос, каким был первоначальный облик дома, на данный момент не представляется возможным. Учитывая время строительства и господствующие каноны архитектуры того периода, можно лишь предположить, что, скорее всего, изначально здание могло быть построено по образцовому проекту и могло иметь, например, центральный треугольный фронтон и колонный портик. Могли быть и другие варианты. Все это должно стать предметом дальнейшего изучения.

Подводя итог, можно констатировать, что история дома Трубецкого далека от завершения и основные вопросы по-прежнему пока остаются без ответов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробно об этом визите см. в воспоминаниях бывшего директора СНРПМ В.А. Борецкого в настоящем сборнике.

2. Разработка проекта реставрации выполнялась специалистами Центральных научно-реставрационных мастерских (ЦНРМ) под руководством Галины Геннадьевны Оранской в период 1965–1970-х гг.

3. Эркер — выступающий из фасадной плоскости объем с окнами, увеличивающий площадь внутреннего помещения и улучшающий его освещенность.

4. Все эти особенности были подтверждены инженерными исследованиями, проведенными в 2007 г. И.П. Пинайкиным. Подробно см.: Пинайкин И.П. Загадки старого дома (строительная история Дома-музея Трубецкого) // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 1. С. 67–73.

5. Адрес-календарь г. Иркутска: Справочная книга Иркутск, 1901; Восточно-Сибирский календарь на 1906 г.: Настольно-справочная книга со включением отдела «Весь Иркутск». Иркутск, 1906; «Весь Иркутск» с отделами Забайкальской и Якутской областей на 1909 г. Иркутск, 1909; Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 г. Иркутск, 1915.

6. Анфилада — непрерывный ряд помещений, объединенных общей осью перспективы.

7. Пальметты — декоративный мотив в виде многолопастного пальмового листа.

8. Разработчик проекта реставрации — ООО ТПО «Архпроект», главный архитектор проекта Л.К. Клайс, инженер И.П. Пинайкин.

9. Подробно см.: Пинайкин И.П. Указ. соч.

Коренева Ирина Викторовна,
*заместитель директора Иркутского областного
краеведческого музея по учету и хранению,
г. Иркутск.
E-mail: iokm.fond@gmail.com*

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА Г.Г. ОРАНСКОЙ ИЗ СОБРАНИЯ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В Иркутском областном краеведческом музее в документальном фонде хранится личный архив главного архитектора проекта Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР Г.Г. Оранской. Москвичка, в целом проработавшая в течение 25 лет на объектах культового зодчества г. Иркутска (Спасская церковь, собор Богоявления), музея народного деревянного зодчества (АЭМ «Тальцы»), музея декабристов (дом Трубецких). Фонд был сформирован Г.Н. Куценко, которая с 1969 по 1993 г. работала научным сотрудником в Иркутском областном краеведческом музее, а с 1982 по 1991 г. была заведующей архитектурно-этнографическим филиалом ИОКМ. В книге поступлений краеведческого музея данная коллекция была зарегистрирована в 1995 г. под № 14496 в количестве 70 единиц хранения. Запись в КП звучит так: «Личный архив гл. архитектора проекта АЭМ „Тальцы“ Оранской Г.Г.».

Коллекция включает в себя в основном материалы на бумажных носителях, как-то: планы, чертежи, рукописные и печатные документы (задания, письма, телеграммы), фотографии черно-белые и цветные, фотокопии. Имеется и несколько предметов (кипятильник и рулетка), принадлежавших Г.Г. Оранской.

Общая характеристика изображений на любительских фото такова: Г.Г. Оранская на фоне будущих и настоящих объектов музея на 47-м км (конец 60-х – 80-е гг. XX в.). Некоторые из них хотелось бы описать чуть подробнее. Вот Галина Геннадьевна сидит на месте будущего волостного села, подпись на фото звучит так: «Определение места под Спасскую башню»; село Бельск — Г.Г. Оранская в экспедиции по отбору памятников для музея деревянного зодчества. Фото конца 60-х гг. — архитектор Оранская на фоне деревянных изб в экспедиции. Цветное фото

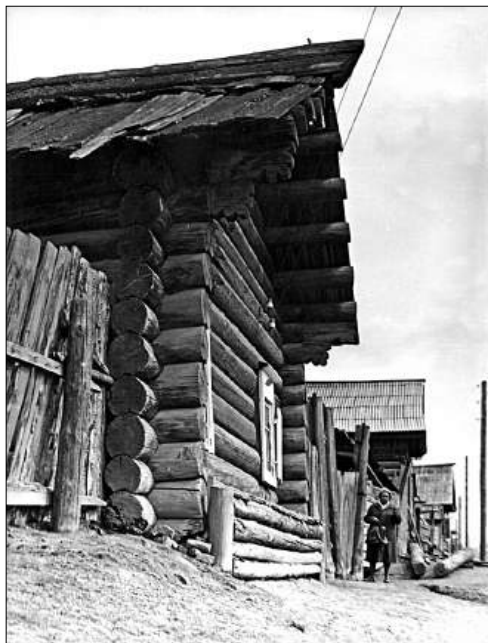
часовни во имя иконы Казанской Божией Матери Илимского острога с надписью «На память Галине Геннадьевне для лучшего восстановления церкви от автора фотографии Гумбурга, 12.11.69 г.».

Черно-белые фотокопии сделаны в основном с чертежей, планов объектов, которые реставрировала Оранская: южный фасад, план первого яруса, продольный разрез Спасской церкви, южный, северный фасады собора Богоявления; летник Алагуйского улуса, вторая стоянка, Казанская церковь из Илимска, Спасская проезжая башня Илимского острога (план крыши), план второго яруса, план первого яруса и др.

Несомненный интерес для исследователей должны представлять рабочие материалы планов-схем расположения бурятского улуса АЭФ «Тальцы», планов-чертежей Илимского острога, план мельницы АЭФ «Тальцы», чертежи бурятского улуса-летника, обмерные чертежи Илимской Казанской церкви, чертежи правого и левого боковых фасадов церкви, экспликация генерально-

*Г.Г. Оранская у дома Трубецких (дом до реставрации).
Иркутск, 1960–1970-е гг.*

***Г.Г. Оранская в экспедиции
по отбору памятников
для музея деревянного зодчества.
Село Бельск, 1974 г.***

го плана музея народного зодчества, автором которых является Г.Г. Оранская.

Рукописные документы состоят в основном из заданий для Иркутского областного краеведческого музея, в которых Оранская дает рекомендации по строительству подсобных помещений, по устройству хозяйственного и строительного дворов, по ограждению дворов забором из несгораемого материала. Помимо нескольких заданий есть от руки написанная и подписанная Оранской ведомость на осадочный ремонт домов, усадеб. Перечислены виды работ в усадьбах Серышева, Непомилуева, Прокöpfeва.

Из архитектурно-планировочного задания на строительство музея народного зодчества под открытым небом на 47-м км Байкальского тракта мы видим, что застройщиком является Иркутское областное управление культуры, а проектная организация, исполняющая заказ, — Всесоюзный производственный науч-

но-реставрационный комбинат Министерства культуры СССР. Задание датировано 1970 г.

В первом пункте этого документа описываются основания к архитектурно-планировочному заданию. Из второго пункта мы узнаем о решении Иркутского облисполкома от 9 августа 1966 г. за № 397 о создании музея народного зодчества в связи с Постановлением Совмина РСФСР от 24 мая 1966 г. за № 473; третий пункт задания гласит об отводе участка под музей Иркутским облисполкомом от 2 декабря 1966 г. общей площадью 50 га, а также то, что входит в комплекс музея с приложениями: списки древних деревянных сооружений по р. Ангаре (крестьянских дворов и их владельцев, список сооружений по р. Илим). Автором данного документа является все та же Г.Г. Оранская — главный архитектор проекта Всесоюзного объединения «Союзреставрация».

***Илимская часовня во имя иконы
Казанской Божьей Матери.
Илимск, 1969 г.***

Коллекция содержит выборочную переписку между Галиной Геннадьевной Оранской, Галиной Николаевной Куценко и Тамарой Владимировной Налётовой, в те годы работавшей директором Иркутского областного краеведческого музея. Письмо от 23. 09. 1985 г. на имя Оранской от директора музея Налётовой содержит просьбу разрешить установку Казанской церкви и дома Московского, а также строительство забора вокруг музея. В письме, адресованном Г.Н. Куценко, Г.Г. Оранская дает советы и указания проверить возможность замены некоторых объектов для усадеб — бани, амбары — постройками из других деревень.

Коллекция документов и материалов Галины Геннадьевны Оранской содержит рисунки, которые сделаны опытной рукой рисовальщика, каковой она и являлась. Рисунки характеризуют ее не только как человека творческого, но и как талантливого художника.

Дополнен личный фонд Галины Геннадьевны и вырезками из газет «Советская молодежь», «Восточно-Сибирская правда», «Красноярский рабочий» 1973–1983 гг. со статьями о московском реставраторе Г.Г. Оранской, о реставрации собора Богоявления (статья А.Д. Фатьянова), о реставрации дома С.П. Трубецкого, об отборе памятников для «Тальцов» под руководством Оранской

Г.Г. Оранская у мельницы в музее «Тальцы». 1983 г.

Рисунки Г.Г. Оранской

и Барановского (статья Л.Г. Пынько). Завершить описание коллекции представляется логичным документом: приглашением на открытие АЭМ (1-й очереди), в котором написано, что «открытие состоится 18 июля 1980 г. в 12 ч.». Все документы и фотографии из личного фонда Галины Геннадьевны Оранской отсканированы и каталогизированы и в дальнейшем могут использоваться на выставках, в экспозициях, с ними могут работать исследователи, занимающиеся архитектурой деревянного и каменного культового зодчества.

Нефедьева Александра Карповна,
*заслуженный работник культуры Российской Федерации,
заместитель директора
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы» по науке в 1997–2007 гг.,
г. Иркутск.*

ГАЛИНА ГЕННАДЬЕВНА ОРАНСКАЯ И АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ «ТАЛЬЦЫ»

В 1979 г. в связи с состоянием здоровья сына я перевелась работать из дореволюционного отдела Иркутского областного краеведческого музея в его филиал «Тальцы», в то время называвшийся музеем деревянного зодчества. Ранним летом этого года меня повезла знакомиться с местом новой работы Полина Иннокентьевна Тугарина, заведующая филиалом. Доехав до 47-го км Байкальского тракта, мы вышли из автобуса и пошли в музей. В нем еще строилась деревня-малодворка, но рядом с трактом уже были устроены въездная площадка для транспорта туристов, рабочая дорога и пешеходная дорожка, она шла от въездной площадки прямо в лес, спускаясь вниз, повторяя рельеф местности.

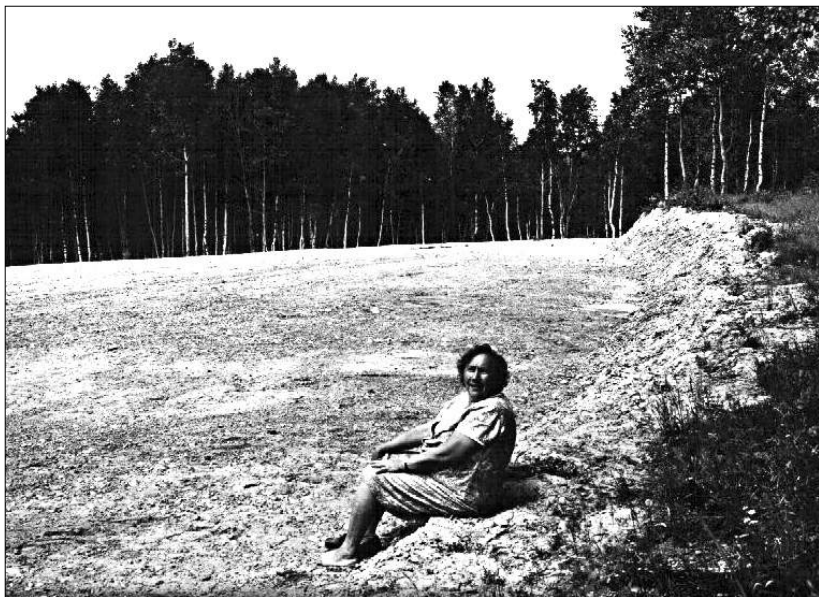
Был жаркий день, но мы не чувствовали этого, лиственный лес защищал нас от лучей солнца, отдавая свою прохладу. Мы вдыхали запах леса, любовались прекрасной дорожкой, усыпанной отсевом щебня. Настроение мое преобразилось, тихая радость охватила меня. Дорожка круто повернула к Ангаре, и Полина Иннокентьевна, показывая мне на лес, сказала, что здесь в будущем будет построена верхоленская экспозиционная зона.

Наконец, пройдя по дорожке около 800 м, мы вышли к открытому пространству — будущему волостному селу ангаро-илимской экспозиционной зоны. Площадка для него была уже готова и ждала вывезенные памятники. Мы прошли ее, и дорожка, совершив небольшой изгиб, вывела нас на улицу деревни-малодворки. Улица была устроена на высоком берегу Ангары, тянулась с севера на юг, теряясь вдали. На ней уже была построена усадьба Непомилуева, две другие усадьбы — Серышева и Прокопьева — строились. Мы прошли мимо строившихся объектов, свернули с улицы на рабочую дорогу и вышли к сторожке. Нашим глазам открылась широкая поляна, окаймленная лесом и деревней-малодворкой. Там, где сейчас находится экспозиционное

кладбище музея, из леса выходила рабочая дорога, разделяясь на две. Одна шла прямо к усадьбам Непомилуева и Серышева, другая — к столярке, от нее свернула направо и шла параллельно долине безымянного ручья, текущего в Ангару, и у сторожки соединилась с первой дорогой. Недалеко от сторожки стояли три огромных сарая, покрытых тесом и толем. В двух из них в разобранном состоянии хранились вывезенные Галиной Геннадьевной Оранской памятники, отобранные ею для волостного села, в третьем — уникальные памятники XVII в. — Спасская проезжая башня Илимского острога и Илимская Казанская церковь. Через дорогу, напротив сараев, были вкопаны в землю ванны, наполненные специальным раствором. Над ними на высоких столбах была устроена крыша, чтобы дождевая вода не разбавляла раствор, в который на некоторое время помещали бревна памятников, чтобы они на новом месте не заразились грибом.

Все, что было сделано в музее, было основано на глубоких знаниях и творческой воле одного человека — Галины Геннадьевны Оранской. Она ясно видела, каким должен был быть музей, подчиняя всех начальников и рабочих одной цели: чтобы деревня выглядела так, как будто ее строили сами хозяева: усадьбу Непомилуева — Непомилуев, усадьбу Серышева — Серышев, Прокопьева — Прокопьев. Этой цели она упорно добивалась. Помню, как-то раз рабочие закончили реставрацию амбара усадьбы Прокопьева, заменив сгнившие бревна новыми без Галины Геннадьевны, она жила в Москве. Вскоре приехав, она пошла оценить работу реставраторов и заставила рабочих разобрать амбар. Напрасно начальник реставрационного участка В.Г. Дёмин с рабочими протестовали, Оранская была непреклонна, амбар разобрали. Рублен он был «в обло», и чашки новых бревен были выполнены слишком широко. Между их краями и вставленными в них бревнами образовался зазор, равный сантиметру.

Как-то я спросила Галину Геннадьевну, почему она не реставрирует уникальные памятники — Спасскую проезжую башню и Казанскую церковь, широко известные всей России. Они сразу бы принесли известность музею, подняв его до высокого уровня музеев «Малые Карелы» и «Кижи». Она ответила мне, что рабочие еще не готовы к их реставрации и она вынуждена учить их на деревенских усадьбах, как правильно рубить дерево. Она объясняла рабочим, что такое музей и какая ответственность лежит на них. Музей показывает высокую культуру народа, проявившуюся в зодчестве, планировке сел и деревень, быту и земледелии. Я была потрясена ответом Галины Геннадьевны, она мыслила на

***Г.Г. Оранская на очищенной площади в музее «Тальцы»,
подготовленной под строительство волостного села***

государственном уровне — нужно было так выполнить порученное дело, чтобы пришедшие в музей люди оценили по достоинству своих предков, испытывали уважение к ним и гордились ими. В восстановлении памятников требовалась максимальная точность, и она добивалась этого.

Позже, 18 июля 1980 г., была открыта для посетителей первая очередь музея — деревня-малодворка. Народу приезжало так много, что мы даже не могли спокойно поесть, на ходу глотая что-нибудь, брали группы и уводили их на экскурсии. Интерес к музею был огромен. Это и понятно — все мы вышли из деревни и многие приходили сюда, вспоминая детство, юность, может быть, даже зрелость. Многие и говорили об этом. Мне в душу запал один эпизод. Я провела экскурсию и возвращалась обратно, но, услышав разговор, остановилась. Небольшая группа людей шла по улице, видимо, один из них был иркутянин, он вел ее. Мужчину спрашивали, откуда вывезли дома в музей. Тот ответил, что они тутешние, хозяев выселили, а дома и усадьбы превратили в музей.

И правда, деревня выглядела так естественно, как будто стояла на этом месте 100, а может и больше, лет. Выбранное Оранской для деревни-малодворки место было таким красивым, что казалось: если бы крестьяне выбирали место для новой деревни, они также остановились бы на нем.

Галина Геннадьевна жила в Москве и работала во Всесоюзном производственном научно-реставрационном комбинате. Она была приглашена областным управлением культуры для реставрации памятников Иркутска. Позже, в 1969 г., ее назначили на должность главного архитектора вновь образованного музея деревянного зодчества. Ей и поручили выбрать место для музея. Она осмотрела предложенные варианты: в с. Урик, Верхоленскую гору под Иркутском и центр Иркутска, но не выбрала ничего и была в раздумье. Однажды, совершая поездку на Байкал по Байкальскому тракту, Галина Геннадьевна увидела проселочную дорогу, удаляющуюся от тракта в лес, в сторону Ангары. Ей сказали, что эта дорога вела в бывший поселок Тальцы, в настоящее время затопленный водами Иркутского водохранилища. Оранская попросила водителя свернуть на дорогу. Вскоре лес закончился, и открылась поляна, поросшая травой, кое-где виднелись кусты

Г.Г. Оранская в музее «Тальцы»

черемухи и боярышника — наследие бывших жильцов. Вдали виднелась Ангара.

Поселок Тальцы был основан в конце XVIII в. купцом Александром Барановым и известным шведским ученым Эриком Лаксманом, построившим на р. Тальцинке стекольный завод. Поселок строился на низменном берегу Ангары и р. Тальцинке, впадавшей в нее. В советский период поселок разросся, и часть его заняла склон горы. Место было уютным, обжитым и никем не занятым. Внизу в Ангаре бежал ручей. Галина Геннадьевна воскликнула: «Здесь и будет музей!» Слева от ручья на горе стояли три усадьбы, хозяева

***Рабочий-реставратор
в музее «Тальцы»***

которых не захотели переселиться ни в Большую Речку, ни в Тулун, куда перевезли с заводом часть населения.

Байкальский тракт обеспечил будущему музею стабильную посещаемость. Оранская начала работать над проектом, изучала этнографическую литературу о жизни людей Предбайкалья, ездила в экспедиции, разговаривала с жителями сел. Особенно плодотворными были поездки в Братский и Нижнеилимский районы, где она отобрала 28 памятников в селениях, подлежащих затоплению водами водохранилища Усть-Илимской ГЭС. В 1970 г. они были вывезены на территорию музея.

Галиной Геннадьевной Оранской первой был применен принцип историко-культурного зонирования Иркутской области, по которому в музее необходимо экспозиционно представить семь историко-культурных зон: четыре русских — ангаро-илимскую, верхоленскую, витимскую, центральную, позднее переименованную в трактово-подгородную; а также три национальных — бурятскую, эвенкийскую, тофаларскую.

В 1980 г. в музей пришел работать Олег Викторович Бычков — этнограф, окончивший Ленинградский университет, отделение этнографии. Как он говорил нам, на курсе у них училось восемь человек. Обучение велось серьезно, каждый студент обучался практически индивидуально. В летнее время студенты под руководством докторов наук ездили в экспедиции, изучая народ того или иного региона. Будучи студентом, О.В. Бычков уже побывал в этнографических экспедициях на Кавказе, в Сибири, в средней полосе России и был хорошо подготовлен к работе этнографа. Обладая многими хорошими качествами, он был честолюбив и амбициозен, всегда стремился занять ведущее положение в обществе, в котором находился. Не всегда был объективен. Олег Викторович пришел в музей, когда уже сдана была деревня-малодворка и музей открылся. Он сразу стал в оппозицию к Оранской, критикуя ее за то, что она поставила избы Непомилуева и Серышева окнами на север. Дома свои русские никогда не ставили окнами на север. В отношении деревни-малодворки он был прав, крестьяне, ставившие свои дома в один ряд, не могли прорубать окна на север. Но Оранская, выбирая памятники по их качествам,

Г.Г. Оранская на объекте «Усадьба Серышева»

***Подготовка территории деревни-малодворки
к сдаче в эксплуатацию. 1980 г.***

не могла не выбрать дом Непомилуева, он был построен в русских традициях, высокий, объемный дом выглядел внушительно. Вырванные из своего исконного места и привезенные в музей дома заняли здесь место с ориентацией на улицу, которая тянулась вдоль Ангары. Можно было развернуть дом — хозяйственную избу поставить во дворе, а горницу на улицу, тогда бы они стали выходить окнами на юг. Но такие дома на связи строились, как правило, не в одно время, так было и с домом Непомилуева. В конце XVIII — начале XIX в. была построена одна изба, отапливалась она по-черному. Семья росла, и пришло время построить вторую избу. Ее построили рядом с первой избой, соединив сенями. Вторая изба была построена в то время, когда уже стали класть печи с трубой. Хозяйственная изба выходила на улицу, и Оранская так и поставила ее. Тем более что дворовые окна были защищены от северо-западных ветров высокими воротами, заплотом и двухъярусным амбаром. Главное, деревня выглядела подлинной, с курицами и деревянными трубами. Она стала совершенным памятником — символом заселения Сибири. Каждая деревня разрасталась, превращалась в село, сельскохозяйственных угодий

жителям уже не хватало, тогда некоторые из них шли на новые земли, никем не освоенные, и ставили новую деревню. Таким образом заселялась вся Сибирь. Типичная деревня-малодворка и показана в нашем музее — в этом заслуга Галины Геннадьевны Оранской. Она учила нас малые хозяйственные объекты народов показывать в музее полностью, крупные — фрагментарно.

В 1982 г. Г.Г. Оранская приступила к восстановлению Спасской башни Илимского острога (1667 г.), расположив ее в центре площади волостного села ангаро-илимской зоны. Реставрация завершилась в 1984 г., от башни отходили в ту и другую сторону тыновые стены. Стены были показаны фрагментарно, каждая состояла из шести бревен.

Уникальный памятник выглядел куце, затерялся в строениях волостного села, ни мощи, ни величия в нем не было. Видимо, поэтому ученый совет производственного научно-реставрационного комбината предложил Оранской создать в музее фрагмент Илимского острога — построить ряд башен, объединив их тыновыми стенами, но она отказалась: «Я занимаюсь только памятниками, новоделы не строю». В 1986 г. Галины Геннадьевны не стало, пришедшие ей на смену архитекторы Е.А. Шутов и

Г.Г. Оранская в музее «Тальцы» возле усадьбы Прокопьева

А.А. Субботин выполнили решение ученого совета, запроектировав еще две башни, соединенные со Спасской тыновыми стенами. Башни и стены окончательно были построены в 2002 г. И все изменилось, острог стал выглядеть мощным укрытием, защищающим жителей от недругов. Тогда я поняла, что восстанавливать в музее утраченные памятники можно, и даже предложила восстановить утраченную в 60-е гг. XX в. Илимскую Введенскую церковь.

В 1990-е гг. был развален Советский Союз и экономике России был нанесен существенный урон, как и культуре. В 1991 г. в Иркутске закрылись реставрационные мастерские, занимавшиеся реставрацией памятников города и архитектурно-этнографического музея. Появились частные предприниматели, имевшие настоящих плотников, хотя и было их все же мало. Именно они закончили в 2002 г. последнюю, третью, башню Илимского острога, спроектированную Е.А. Шутовым и А.А. Субботиным. Музей жил, развивался. В 2011 г. в него пришла работать заместителем директора по науке Надежда Натановна Красная. Я восприняла это известие с радостью. Надежда Натановна — архитектор, долгое время возглавляла ЦСН, защищая культурное наследие города и области. «Теперь музей в надежных руках», — думала я. Затем я услышала, что В.В. Тихонов и Н.Н. Красная решили полностью восстановить Илимский острог: приказную избу, гостиный двор, соляной и хлебный амбары, Спасскую церковь и дом воеводы... Все памятники XVII в. От такого решения дух захватывало. «Восстановленный в полном объеме острог будет музеем в музее», — замирая от восторга, думала я. В том же году Н.Н. Красная ушла из музея, но ее ставленник, господин Куликов, частный предприниматель, остался. Я посетила музей в 2013 г., осмотрела восстанавливаемые памятники и тут же вспомнила слова Оранской: «Я занимаюсь только памятниками, новоделы не строю». Памятники не тянули даже на конец XIX в., так плохо были выполнены работы. У В.В. Куликова, восстанавливавшего памятники, была одна цель — добыть деньги. Его не интересовали ни музей, ни памятники. Сейчас В.В. Тихонов создает свою бригаду, чтобы изменить ситуацию при реставрации памятников. Я пожалела об Оранской, как бы она пригодилась музею с ее неимоверной требовательностью к делу...

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Щербин Валерий Трофимович*,
архитектор-искусствовед,
член Совета ИРО ВООПИиК,
г. Иркутск

**О ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТИ
НОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА УЧАСТКЕ,
ЗАНИМАЮЩЕМ УГЛОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
(УЛИЦЫ ГРЯЗНОВА И ТИМИРЯЗЕВА) В КВАРТАЛЕ
№ 94 ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ИРКУТСКА
(Теория и практика реставрации-реконструкции
архитектурно-пространственной исторической среды
сибирского города. Материалы к корректуре
Историко-архитектурного опорного плана и Проекта зон
охраны объектов культурного наследия г. Иркутска)**

*Автор благодарит предпринимателей Кононенко Ирину
Владимировну и Коваленко Андрея Леонтьевича за инициативу
и финансовую поддержку в разработке данного исследования.*

**Предпосылки вопроса
и выбор парадигмы исследования**

Архитектурно-градостроительное памятниковедение имеет серьезную мировоззренческую, правовую и профессионально-регламентную предысторию, ставшую ощутимо жестким компонентом современности. Охранительная методология развивается в двух сопряженных направлениях: реставрационная консервация исторических объектов и использование ценного исторического наследия в качестве градоформирующих факторов в процессе регенерации и реконструкции архитектурно-пространственной среды города. Количество научно-исследовательской документации, подтверждающей культурную значимость памятников и вы-

* В связи со скоростной смертью Валерия Трофимовича Щербина, произошедшей 8 июля 2013 г., тексты его выступлений на чтениях не были подготовлены к печати. В данном сборнике мы помещаем две другие близкие по тематике работы В.Т. Щербина, выполненные им в 2007 г. и ранее не публиковавшиеся. — *Отв. ред.*

явленных объектов, возрастает, а физическая деградация исторической среды становится все более ощутимой. Охранительная терапия утрачивает эффективность, а предопределенность хирургических преобразований расслаивает еще недавно прочное единство в стане охранителей наследия (государственных управленцев и общественности).

Застройка улицы Грязнова — юридически заповедная зона. Желание владельцев исторического объекта и землевладения по ул. Грязнова, 23 убрать «заповедную» постройку и возвести на участке офисно-жилое здание противоречит предписанию государственного органа охраны объектов культурного наследия по вопросам охраны, содержания и использования этого объекта культурного наследия. Автор данной работы не только поддерживает возможность нового строительства в заповедной зоне, но определяет его как социальную и градостроительную необходимость. Налицо конфликт, требующий разрешения с учетом социальной онтологии развития исторической среды, прав собственника как инвестора деградированной среды и правонормативности без юридической казуистики.

Означенная проблематика определяет выбор направления исследования. Конкретизируем его, хотя бы частично, рядом установочных тезисов.

Стратегия тотального охранительства как заведомо неосуществимый идеал. Идея охраны архитектурно-градостроительного наследия в развивающемся организме исторического города — безусловно благородная задача. Она не вызывает сомнений у людей даже с чрезмерной прагматикой мышления. И без рациональной основы результативно управлять наследием невозможно. Памятник — это, как правило, образец архитектурно-строительной культуры прошлого и как образец имеет право на сохранение, на градостроительную опорность. В числе памятников регионального (местного) значения без особого труда можно выделить действительно достойные, которые следует сохранять, и в будущем — даже методом новодельной реставрации. В заповедных деревянных зонах Иркутска их число не превышает 30–40 процентов. Неучет этого факта продолжает питать «концепцию среднего подхода», практически неосуществимую. При этом истинные памятники теряют значимость, т. е. право на охрану, в глазах обычного обывателя (обычного — в культурологическом смысле). Сохранить все намеченное физически, и даже новодельно, невозможно. Сама социальная среда (не историко-культурная) высту-

Выступление В.Т. Щербина на чтениях, посвященных 100-летию Г.Г. Оранской. Музей «Тальцы», 7 июня 2013 г.

пает — и все решительней — против романтики охранительного благодушия.

Частный предприниматель — друг или враг градостроительной регенерации? Вопросительность тезиса не случайна. В кардинально изменившейся социально-экономической ситуации структуры гражданского общества во многом сохраняют менталитет предшествующей управленческой системы. Наследие — товар с обременительным содержанием. В случае с Грязнова, 23 обременение и отрешенность управления от интересов потенциального инвестора заведомо инициировали ситуацию, ставшую предметом данного исследования.

Закон не гарантирует профессиональную этику в охране наследия. Болевая точка, похоже, всех времен. Охрана наследия — вполне самодостаточная сфера социальной деятельности, ставшая профессией с явными признаками причастности к монополизму. Внешнее соблюдение закона и власть, данная законом, сами по себе не способны быть гарантом адекватного соответствия социальным запросам общества.

В процессе работы использованы научно-методические разработки в области охраны наследия, решения проблем преемственности, учета наследия при реконструкции массовой и особо ценной застройки, а также научно-исследовательская документация по изучению исторических объектов и фрагментов исторической среды г. Иркутска, что определило трехаспектность исследования.

Наше обращение к Федеральному закону от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями от 27 февраля 2003 г., 22 августа, 29 декабря 2004 г., 3 июня, 31 декабря 2005 г., 18, 29 декабря 2006 г.) и к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации“» с предполагаемым вступлением в силу с 1 января 2008 г., а также к Закону Иркутской области от 28 мая 2004 г. № 29-ОЗ «О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в Иркутской области» (с изменениями от 3 мая 2005 г., 21 июня 2007 г.) убеждает в правомерности проведенного исследования.

Культурно-исторический аспект формирования застройки ул. Грязнова, ставшей заповедной

Селитебное освоение территории с исследуемым местом и улицей начинается в 1770-е гг. Первородный протограф будущего по нумерации 94-го квартала отмечен планом г. Иркутска 1784 г. Красные линии застройки регулятивно намечаются первым Генеральным планом города 1792 г. И далее потребовалось почти 100 лет, чтобы они стали визуально прямыми. Квартал остался вне общегородского пожара 1879 г. Однако в нем сохранился только один допожарный дом — Грязнова, 17, датировки 1870-х гг. Дом второго поколения, что соответствует хронологии сменяемости деревянной застройки Иркутска.

Грязнова, 23, дом мещанина Д.Л. Озерянского, возводится в 1898 г., также второго поколения. На углу Грязнова и Тимирязева до конца 1990-х гг. сохранялся старый деревянный дом с лавкой. В начале XX в. в усадьбе строится каменный двухэтажный дом, выходящий на ул. Преображенскую, и усадьба получает максимально возможную плотность застройки (каменный дом вскоре был демонтирован по причине резкой осадки фундаментов).

Приостановленная и возвращенная тенденция преобразования

На рубеже XIX и XX столетий оживляется общегородской строительный процесс. По красной линии 3-й Солдатской (Грязнова) появляются двухэтажные доходные дома и значительно возрастает плотность застройки, за счет дополнительного строительства в глубине усадеб — веяния рыночных отношений в условиях частной собственности на недвижимое имущество, сказавшейся также в повышении стоимости самой земли.

Советское время уничтожило традицию частного инвестора застройки. При этом замедлился сам процесс обновления застройки, процесс развития самобытного деревянного домостроительства... и неизбежной для первородного исторического центра Иркутска смены «дерева камнем». При всем положительном, что дала советская власть и что отрицать невозможно, мы получили проблему нехватки жилья, коммуналки и... деградированную историческую среду, регенерация которой остается злободневным вопросом настоящего...

О непростом статусе заповедности ул. Грязнова

Трудный путь возвращения к корневым основам отечественной культуры начинался не с 1991 г. Движение по охране наследия — одна из его многих и надежных тропинок.

В 1981 г. разрабатывается Историко-архитектурный опорный план г. Иркутска, где впервые ул. Грязнова отмечена как сохранившая на отрезке между улицами Дзержинского и Тимирязева историческую застройку, что и было закреплено Проектом зон охраны 1982 г. В 1985 г. решением Иркутского облисполкома застройка ул. Грязнова определена как заповедная зона (на участке от пер. Пионерского до ул. Тимирязева). Мне как одному из авторов подготовки данного решения совершенно ясно, что полученный статус не имел и не мог тогда иметь адекватного содержания, был номинально декларативным. Таковым остается и сегодня.

Принципиальный акцент раздела

Ясно, что заявленный вопрос о возможности и даже необходимости нововведения на угловом участке улиц Грязнова и Тимирязева связан с разработкой методических принципов реконструкции заповедных зон, но об этом конкретно скажем в заключительном разделе. Речь идет о другом. Город исторически развивался естественным путем, включая и природные катаклизмы, которые легче, чем катаклизмы социальные, мобилизуют усилия общественного сознания. И в этой связи у оппо-

нений нововведения, а таковые, уверен, будут, возникает как бы альтернативный вопрос: а надо ли ускорять процесс, надо ли способствовать «напору» инвестора, если результат заведомо неизвестен... и могут быть иные варианты? Вопрос представляется более риторическим, ибо запретительная стратегия сродни «ничегонеделанию».

Правонормативный аспект охраны как возможного преобразования в соответствии с частным заказом

В принципе не столько новый аспект, сколько усилительное прояснение вышеизложенного.

Не вызывает сомнения, что не только регенерация заповедной зоны, что, впрочем, очевидно, но и реконструкция с возможными нововведениями с точки зрения законодательной возражения не встречает. Реконструкция была и останется прерогативой методического контекстуального проектирования.

Охранное обязательство на Грязнова, 23 — правонормативная казуистика?.. Охранное обязательство на памятник архитектуры — документ особой социальной значимости. И двусторонней ответственности. От ошибок, неточностей никто не застрахован. Но сказать об этом, применительно к Грязнова, 23, следует.

В 2006 г. выполняется заказная работа «Оценка историко-культурной значимости объектов квартала № 94 Правобережного округа г. Иркутска», которая рекомендует исключить объект по Грязнова, 23 из «Списка памятников истории и культуры г. Иркутска, подлежащих государственной охране», 2000 (СГО-2000). Почти одновременно оформляется охранное обязательство. Сейчас не важно знать — это досадное рассогласование в действиях или давняя превентивная мера из арсенала охранительной стратегии, сберегающая заповедную улицу как напроць законсервированную (чему способствует отработанная система контроля в соответствии с инструктивными предписаниями на основании закона). Сбереечь ее в данном случае, как подсказывает опыт, не удастся и не следует.

Здесь — и к вопросу профессиональной этики, и к репутации Госоргана по охране: покупатель заведомо знал, что Грязнова, 23 — никакой не памятник, но подписал охранное обязательство вынужденно! И об этом не стоило бы писать, не будь в рекомендациях по исключению объекта из списка «СГО-2000» благодушного продолжения: «Перенести на территорию усадьбы и установить по красной линии два деревянных памятника архитектуры».

А это уже дополнительные... и весьма серьезные обременения, которые могут отодвинуть необходимую здесь реконструкцию на неопределенное время.

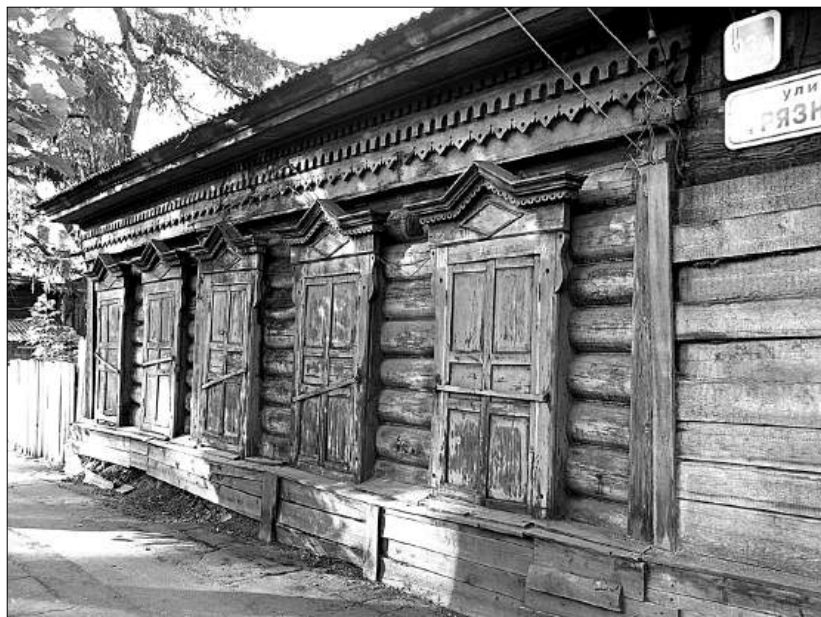
Видится три варианта развития событий:

1. Оформить юридически вывод объекта, без предварительного «научного изучения объекта» (наука без его изучения, уверяю, не обеднеет, да и факт изучения уже состоялся).

2. Затвердить рекомендацию о переносе сюда двух памятников... (что, как представляется, останется «бумажным» актом).

3. Изъять земельный участок путем выкупа для государственных нужд в связи с переносом ценных памятников архитектуры.

Можно рефлексировать о «переносах памятников», о «новоделе»... И все равно придешь к варианту, который диктуется постулатом: частный инвестор застройки и регенерации является надежным партнером местного самоуправления. При этом встречный аргумент о дефиците мест для переноса памятников считаем несостоятельным (надуманным).

Фасад дома по ул. Грязнова, 23 в Иркутске

**К архитектурно-градостроительному аспекту
регенерации-реконструкции заповедной зоны ул. Грязнова
с нововведением на угловом участке**

Поставленную задачу о возможности и даже предопределенности нововведения, если исходить из общей ситуации, включая и онтологию развития исторической среды Иркутска, наработанного методического и практического опыта, можно считать решенной.

Обратим внимание на моменты, связанные с предпроектными исследованиями общегородского масштаба, и на проект реконструкции 94-го квартала, выполненного в 1995 г.

Проект охранных зон и зон регулирования застройки и ландшафта центральной части г. Иркутска 1982 г. сохраняет свое нормативно-методическое значение, и не потому, что в нем участок на углу Грязнова и Дзержинского предложен к нововведению, с высотой до 10 м. Высотный регламент может быть уточнен, ибо даже архетипы исторической застройки более либеральны, чем это принято считать.

Неосуществленный проект 94-го квартала 1995 г. практически отвечает самым жестким требованиям охраны периметральной и отчасти внутриквартальной исторической застройки. Проект, очевидно, обладает рядом архитектурно-функциональных, историко-культурных и пластических достоинств. Обратим внимание на то, что максимальная высота в нем — 4 этажа, а в основном — 2–3 этажа. И именно малый выход площадей стал одной из главных причин его не востребованности.

Основные выводы исследования

1. Предлагается вывести объект культурного наследия Грязнова, 23 лит. Б из состава опорных объектов заповедной зоны ул. Грязнова.
2. Определить означенный участок для нововведения с учетом регламентов предпроектного цикла в составе будущего проекта.
3. Проект согласовать в установленном порядке.

Архитектор-искусствовед,
автор Историко-архитектурного опорного плана Иркутска,
1981 г.;

автор Проекта зон охраны памятников истории и культуры
г. Улан-Удэ, 1984 г.;

бывший руководитель Региональной лаборатории архитектурного наследия Восточной Сибири (Иркутский политехнический институт);

эксперт корректуры Опорного плана и Проекта зон охраны в составе Генерального плана Иркутска, 2006 г. В.Т. Щербин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ С КРАТКИМ ПРЕДДВЕРИЕМ

Нет ничего удивительного в том, что сроки выполненной работы (два месяца) несопоставимы со временем, которое потребуется даже для беглого прочтения приведенной здесь литературы. Сам список, как и преддверие к нему, — не отчет о необходимых и ранее затраченных усилиях, не призыв к мгновенному действию. Это признание несомненности того, что существуют ценности выше памятников архитектурно-строительной деятельности, что узкая специализация без духовной стержневины приводит к мировоззренческой зашоренности, размывая национально-государственные интересы и жизнедеятельность корневой культуры в целом.

1. Андреев Л.В. Основы реконструкции исторического города: курс лекций. М.: Изд. МАРХИ, 1982.

2. Афанасьева Т., Трутнев Э., Якубович Е. Градостроительное законодательство России на пути реформ: (Сравнительный анализ и концепция реформирования). М.: Фонд «Международный институт развития правовой экономики», 1996.

3. Барановский Е. Проектирование историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1978. С. 43–60.

4. Беккер А.Ю., Щенков А.С. Современная городская среда и архитектурное наследие: Эстетический аспект / ЦНИИ теории и истории архитектуры. М.: Стройиздат, 1986.

5. Белов В.А. Образ науки в ее ценностном измерении: (философский анализ). Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1995.

6. Большаков В.И. Грани русской цивилизации. М.: Москва, 1999.

7. Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. М.: Наука, 1979.

8. Бояркин Д. Теория собственности. Новосибирск: Экор, 1994.

9. Буфеев К. Православное вероучение и теория эволюции. СПб., 2003.

10. Бух В.Ф. Город исторический, город современный // Архитектура СССР. 1981. № 8. С. 20.

11. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004.
12. Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки-размышления. М.: Политиздат, 1991.
13. Ванчугов В.В. Очерк истории философии «самобытно-русской». М.: РИЦ «Пилигрим», 1994.
14. Власюк А.И. Эволюция строительного законодательства России в 1830-е — 1910-е годы // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. М.: Наука, 1985. С. 226-242.
15. Глазычев В.Л. Архитектура: энциклопедия. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»: Астрель: АСТ, 2002.
16. Глазычев В., Забельшанский Г. Заповедная зона: заповедник или заповедь? // Строительство и архитектура Москвы. 1980. № 10. С. 29-31.
17. Городская среда. Технология развития: Настольная книга / В.Л. Глазычев, М.М. Егоров, Т.В. Ильина и др. М.: Ладья, 1995.
18. Градостроительная охрана памятников истории и культуры: сб. науч. тр. М.: Изд. НМС МК СССР, 1987.
19. Грац Р. Город в Америке: жители и власти / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Ладья, 1995.
20. Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992.
21. Гуревич П.С. Современный гуманитарный словарь-справочник. М.: Олимп, ООО «Фирма «Издательства АСТ», 1999.
22. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В.С. Степин, А.А. Гусейнов; Ин-т философии. М.: Наука, 2005.
23. Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейа, 2002.
24. Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.
25. Еремин Б.К. Преемственность в развитии исторических городов // Архитектурное наследие и реставрация: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.М. Дворяшина. М., 1988. С. 107–117.
26. Заварихин С.П. Русская архитектурная критика (середина XIII – начало XX вв.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.
27. Захаров Н.А. Система русской государственной власти / вступ. ст., примеч. М.Б. Смолина. М.: Москва, 2002.
28. Злобин Н. Культурные смыслы науки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

29. Ивашковская Т.В., Павлов В.А. Социальная философия: конспект лекций. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000.
30. Иконников А. Искусство, среда, время: Эстетическая организация городской среды. М.: Советский художник, 1985.
31. Иконников А. О ценностях подлинных и мнимых // Наше наследие. 1990. № 3. С. 1–4.
32. Ильин И.А. Большевицкая политика мирового господства: Планы III Интернационала по революционизированию мира. Взгляд в даль // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 8.
33. Ильин И.А. Наши задачи: статьи 1948–1954 гг. // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 1.
34. Источники и методы исследования памятников градостроительства и архитектуры: сб. науч. тр. / ЦНИИП градостроительства; под ред. А.В. Рябушина. М.: Стройиздат, 1980.
35. Историко-культурное наследие: сохранение, освоение и использование (по материалам совещания 1988 г. в СА РСФСР). М., 1989.
36. Капустин П.В. «Средовой подход» и перестройка профессии // Городская среда: сб. материалов Всесоюз. науч. конф. ВНИИТАГ и СА СССР. М., 1989. Ч. II. С. 17–25.
37. Катков М.Н. Имперское слово. М.: Москва, 2002.
38. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. М.: Искусство, 1986.
39. Кисилев И. Памятники архитектуры — консервация или реставрация // Архитектура СССР. 1988. Янв.-февр. С. 102–105.
40. Князев К.Ф. Зоны охраны памятников культуры // Памятники Отечества. М.: Современник, 1977. Кн. 3. С. 43–53.
41. Кожаева Л. Морфотипы застройки центра Москвы // Архитектура СССР. 1987. № 5. С. 102–107.
42. Кожин В.В. Правда сталинских репрессий. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006.
43. Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом: О логике перехода от развитого социализма к этическому и демократическому капитализму: Очерки персоналистской философии. СПб.: Экон. школа, 1997.
44. Комеч А.И. Культурный ландшафт России: до основания, а затем... // Наше наследие — XX век. 2001. № 56.
45. Кондаков И.В. Культурология: история культуры России: курс лекций. М.: ИКФ Омега-Л, Высшая школа, 2003.
46. Корзун А.В. Архитектура Иркутска на рубеже столетий // Земля Иркутская. 2001. № 15. С. 8–10.

47. Краткая философская энциклопедия. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Энциклопедия», 1994.
48. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1986.
49. Маслов А. Московский квартал: генезис, типология, перспективы реконструкции // Архитектура СССР. 1987. № 5. С. 96–101.
50. Маслов А. Проектирование в сложившейся среде // Строительство и архитектура Москвы. 1975. № 12. С. 18–19.
51. Маслов Н.В. Градостроительная экология. М.: Высшая школа, 2003.
52. Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002.
53. Методология истории: учеб. пособие для студ. вузов / Гуманит. Эконом. Негос. Ин-т Респ. Беларусь. Минск: НТООО «Тетра-Системс», 1996.
54. Мильчик М.И., Попова Г.С. Методические аспекты разработки историко-градостроительного опорного плана Выборга // Архитектурное наследие и реставрация: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.М. Дворяшина. М., 1988. С. 118–130.
55. Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания: учебник. М.: Гардарики, 2005.
56. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004.
57. Новиков Ф.А. Формула архитектуры: эссе. М.: Детская литература, 1984.
58. Оглы Б.И. Иркутск: О планировке и архитектуре города. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982.
59. Ополовников А.В. Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974.
60. Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Земля Иркутская, деревянная... М.: ОПОЛО, 2004.
61. Орфинский В.П. Осколки архитектурного континента. Кризис или катастрофа // Тальцы. 2002. № 1, 2, 3.
62. Паин Э., Попов А. Горожанин и город: демократизация // Архитектура СССР. 1990. № 4. С. 32–35.
63. Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / под общ. ред. А.С. Щенкова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002.
64. Памятники архитектуры и современная городская застройка: сб. М.: Стройиздат, 1973.

65. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
66. Паперный В. Культура «Два». М.: Новое лит. обозрение, 1996.
67. Перевезенцев С.В. Смысл русской истории. М.: Вече, 2004.
68. Попадюк С.С. Об историко-архитектурных исследованиях // Архитектура и историческая городская среда / сост. С.С. Попадюк. М.: Отд. информ.-изд. деятельности РААСН, 2000. С. 118–126.
69. Попов Г.Т., Бурак Л.Я. Техническая экспертиза жилых зданий старой застройки. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд.-ние, 1986.
70. Пруцын О.И., Рымашевский Б., Борусевич В. Архитектурно-историческая среда. М.: Стройиздат, 1990.
71. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983.
72. Ранинский Ю.В. Основные принципы сохранения и использования памятников архитектуры в ансамбле города; Основы сохранения памятников архитектуры в преемственном развитии ансамбля: курс лекций. М.: Изд. МАРХИ, 1980.
73. Раппапорт А.Г., Сомов Г.Ю. Форма в архитектуре: Проблемы теории и методологии. М.: Стройиздат, 1990.
74. Распутин В.Г. Выступление на X Русском Народном Соборе // Сибирь. 2007. № 1. С. 107–111.
75. Рафаил (Карелин), архимандрит. Векторы духовности. М.: Православное изд-во «Лествица», 2003.
76. Резервация умирающего наследия: Интервью журналистки Тепляковой И. с Прокудиным А. // Проект-Байкал: архитектура, дизайн, градостроительство, технологии. 2004. № 3. С. 10–11.
77. Реконструкция центров исторических городов: Сов.-фр. науч.-техн. сотрудничество. М.: Стройиздат, 1987.
78. Рождение метрополии. Москва 1930–1955. Воспоминания и размышления: сб. статей и интервью / под ред. А. Латур. М.: Изд-во «Искусство-XXI век», 2002.
79. Розин В. Семиотические исследования. М.: ПЕР СЭ. СПб.: Университет. книга, 2001.
80. Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.В. Рябов. М.: Изд-во МГУ, 1994.
81. Рузавин Г.И. Методология научного исследования: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.
82. Руководство по планировке и застройке городов с памятниками истории и культуры / ЦНИИП градостроительства. М.: Стройиздат, 1980.
83. Русский авангард 1910–1920-х годов и проблема экспрессионизма / отв. ред. Г.Ф. Коваленко. М.: Наука, 2003.

84. Рябушин А., Дворжак К. Прогностика в архитектуре и градостроительстве: Совм. сов.-чех. изд. М.: Стройиздат, 1983.
85. Рябушин А.В., Шукурова А.Н. Творческие противоречия в новейшей архитектуре Запада. М.: Стройиздат, 1986.
86. Славина Т.А. Исследователи русского зодчества: Русская историко-архитектурная наука XVIII – начала XX века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
87. Соколова Т.Н. Возрождение традиций повседневной городской жизни и реконструкция и развитие исторических городов России // Городская среда: сб. материалов Всесоюз. науч. конф. ВНИИТАГ и СА СССР. М, 1989. Ч. II. С. 72–81.
88. Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста: сб. М.: ООО «Изд-во АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
89. Теория архитектуры. сб. науч. трудов (Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т по градостроительству) / под ред. И.А. Азизян. М., 1988.
90. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
91. Устав строительный / сост. Дм. Бутырский. М.: Изд. книжно-го магазина «Правоведение» И.К. Голубева, 1908.
92. Формирование современного архитектурного облика исторических городов: (Обзорная информация) / Т.Н. Соколова, Н.Н. Чедаева, А.С. Щенков. М., 1986.
93. Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. М.: Эксмо, 2002.
94. Что с нами происходит? // Записки современников. М.: Современник, 1989. Вып. 1.
95. Шафаревич И.Р. Две дороги к одному обрыву. М.: Айрис-пресс, 2003.
96. Шпаковская Е.С. Проблемы оценки качества городской среды // Городская среда: сб. материалов Всесоюз. науч. конф. ВНИИТАГ и СА СССР. М, 1989. Ч. II. С. 27–33.
97. Шульгин П.М. Современные подходы к формированию программ в сфере культуры и наследия // Наследие и современность: информ. сб. М.: Ин-т наследия, 1999. Вып. 7.
98. Щедровицкий Г.П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. М.: Путь, 2004.
99. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университет. книга, 2001.
100. Яргина З.Н. Градостроительный анализ. М.: Стройиздат, 1984.

Щербин Валерий Трофимович,
архитектор-искусствовед,
член Совета ИРО ВООПИиК,
г. Иркутск

**ГРЯЗНОВА, 2, ЛИТ. Б — ДЕРЕВЯННЫЙ ФЛИГЕЛЬ
СО СВЕТЕЛКОЙ В БЫВШЕЙ
УСАДЬБЕ РЕМЕСЛЕННИКА Д.Е. ЕГОРОВА:
СТРОИТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ДАТИРОВКА И К ВОПРОСУ
«НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ» В СВЯЗИ
С ФОРМИРОВАНИЕМ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕЕСТРА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ОТНОСИТЕЛЬНО ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО
ЗОДЧЕСТВА ИРКУТСКА**

**Методические материалы к Историко-архитектурному
опорному плану города Иркутска**

К методическому аспекту исследования

Обращение к Грязнова, 2, лит. Б — «выявленному объекту культурного наследия» — продиктовано двумя обстоятельствами: проводимой историко-культурной экспертизой на предмет целесообразности включения его в Единый государственный реестр объектов культурного наследия по г. Иркутску (далее — Реестр) и разработкой (коррективом) Историко-архитектурного опорного плана (далее — Опорный план) и Проекта зон охраны. Исследование не подменяет проводимую историко-культурную экспертизу и изначально не ставит под сомнение ее завершительный вывод, который нам неизвестен. Выводы экспертиз «выявленных объектов» (да и не только выявленных) инструктивно носят рекомендательный характер. Окончательное решение — за Службой по охране наследия, которая принимает его с учетом мнения Научно-методического совета.

Исследуемый объект Грязнова, 2, лит. Б относится к тем типологически редким объектам культурного наследия Иркутска, архитектурная особость и культурная ценность которых раскрывается не сразу и нуждается по возможности в тщательном предварительном изучении. В изучении объектом и в сопоставлении с другими памятниками деревянной архитектуры города как целостным культурным явлением.

Ситуативно и с точки зрения процедурного рассмотрения исследование адресуется Научно-методическому совету как обоснование возможной постановки флигеля Грязнова, 2, лит. Б на государственную охрану. Относительно методологии — исходим из постулата, что изучение каждого конкретного объекта формирует методическую базу памятниковедения в диалектическом взаимодействии научного описания и решения научно-практических вопросов реестровой опорности наследия. Это и определило содержание и характер данной работы.

Строительная культура объекта

Исходная установка раздела: здесь «строительная культура объекта» — понятие системное. Это не только конструктивные приемы, шире — строительная технология, но и архитектоника, в которой заявляет о себе стилевая онтология объекта, т. е. народные или академические представления, реализованные в процессе замысла и строительства; отступления от нормативных предписаний, нарушение последних или «изобретательность» в обход, в «полунарушение» их, дабы в случае надзорного освидетельствования иметь оправдательную защиту; а также социаль-

ные факторы: состоятельность владельца, его возможное участие в строительстве, влияние кортомы и уставных положений на планировку усадьбы и, относительно флигеля, на рациональность, экономичность самого строительства и на облик постройки.

Начнем с градостроительной культуры обустройства дворового места (дворовое место — традиционный синоним усадьбы). Усадьбу, восстановленную после общегородского пожара 1879 г., следует отнести к усадьбам средней плотности застройки, а с позиций социальной типологии — к полукортомному подтипу: из двух жилых построек основной дом сдавался внаем, а во флигеле жил владелец усадьбы.

Правая межа (при выходе со двора) отмечена большей плотностью застройки, нежели левая, в чем сказались требование городского положения об обязательном возведении брандмауэра при постройках впритык к левой меже или на расстоянии менее четырех саженей от нее. Отметим, при восточной лицевой стороне усадьбы, как в нашем случае, постановка жилья на правой меже неблагоприятна для традиционной ориентации (город — не деревня, в городе дефицит земли неизбежно препятствовал оптимальной инсоляции). С этой позиции флигель ставится самым лучшим образом, что дает серьезный аргумент в пользу предположения о том, что в нем проживала семья владельца усадьбы.

Прежнее зонирование на двор с постройками и обширный огород на задах ушло в прошлое, и небольшой огород, вероятно, еще сохранялся какое-то время после 1920 г., когда началась муниципализация домовладений и резко возросла плотность населения. Завершая пространственное зонирование усадьбы, укажем еще на наличие двух небольших садов, которые сохранялись, вероятно, до 1960-х гг.

Постановка флигеля на левой меже, пусть и не вплотную, требовала брандмауэра. Конструктивно он возводится не как самостоятельный элемент, а как глухая северная стена постройки. Пример для Иркутска не единственный, но и не распространенный — в городе всего около десятка подобных решений: дом по Б. Хмельницкого, 12, флигель в усадьбе Грязнова, 8 (не сохранился), флигель по Декабрьских Событий, 46, лит. Б и др. К брандмауэру еще вернемся в связи с образно-стилевым анализом постройки.

Мы не ставим задачу последовательного описания объекта — это задача историко-культурной экспертизы. Выделим только те строительные приметы и приемы, которые проясняют рациональ-

ность и экономичность строительства, а главное — работают на стиливую образность памятника.

Флигель — двухэтажная постройка. Его суммарный жилой объем, в сущности, есть мезонин, но продолжение двускатной крыши до габаритов основного этажа с образованием двух небольших чердаков по сторонам светелки сообщает объемно-пространственному решению постройки типологическую редкость (светелка, применительно к нашему случаю, т. е. верхняя светелка, по В.И. Далю, — теремочек, мезонин; и это не только наше название, оно есть и в материалах БТИ по данному объекту).

Конкретизируем основные строительные приемы. Причем, касаясь «известного», переносим акценты сравнительного обобщения на ранее «неизвестное» в нем.

Флигель рублен «в лапу» — наиболее распространенная вязка венцов в городском домостроительстве Сибири XIX – начала XX в. Из бревен «весьма толстых» и близких к ним (весьма толстыми бревнами по принятой классификации считались от $7\frac{3}{4}$ вершка = 34,8 см в обрубе; обруб — тонкий конец, обращенный к вершине). Замеры видимой толщины бревен на углу сруба дали разбежку от 29 до 34 см (чередование обруба и комля). Учитывая «утрату» толщины бревна по вертикали стенок в 3–4 см, имеем строительный диаметр соответственно в комле и обрубе 40–42 и 34–36 см. Лес однородный и почти без сращивания сквозных бревен.

Использованием такого леса решались две задачи: пластичность сруба и оптимальная на теплоудержание толщина стен — 25 см. Это предельная, без учета обшивки и штукатурки, толщина стен подавляющего числа добротных построек Иркутска (Грязнова, 17; Тимирязева, 19 и т. д.). Обратим внимание на особенность сибирского домостроительства, наиболее приметную в Иркутске и достигшую отточенности на примере Грязнова, 2Б. Почти строгая вертикаль внешней стены сруба специально выдерживалась путем снятия, обтески округлости бревен. Открытая пластика получала особую, рукотворную выразительность. При этом решались и ряд других задач — тектонического и рационального характера. Укажем на одну из них. По горизонталям сопряжения верхней горбины и дугообразного паза — в местах, граничащих до обтески с болонью, диаметр бревен наибольший. По нашему предположению, «полуболоневая» мягкость способствовала уплотнению венцов, а ее сохранение при обтеске с возможным прихватом даже части болони давало ощутимую экономию леса — до одного венца в одноэтажном доме.

Далее, в наработку данных относительно экономичности и рациональности местной строительной школы перечислим выявленные приметы. Размеры оконных проемов: 147 x 92 см (по внутреннему контуру наличников), что заметно меньше не только чем в доходных домах, но и в крупных особняках, стоящих по красной линии застройки. Оконные колоды — глубокие с откосами вовнутрь и значительного выноса за «плоскость» наружной стены — в потребность иметь широкий подоконник. Окна светелки — «лежащие», первоначально двучастные, без ставней. Ставни нижних окон и входные двери — щитовые, плотницкой работы. Боковые чердаки на заднем щипце дощатые — подчеркнута иерархия фасадов. Внутренняя лестница — без отделки, с врезанными в тетиву проступями и подступенками, с крутой линией всхода.

Флигель был покрыт железом — это сразу дороже, но в сумме экономичней. Фундамент — деревянные стулья — нарушение предписаний... (а нарушение их во все времена — актуальная тема).

Деревянные стулья — наиболее дешевый и в то же время наименее надежный способ устройства фундаментов. Отмеченное в данном случае нарушение едва ли можно объяснить исключительно «скупостью» заказчика. Владелец усадьбы, т. е. заказчик, а возможно и сам строитель, в Иркутск пришел крестьянином и стал в 1880-е гг. ремесленником, старшиной цеха. Был ли он плотником, архивных данных нет. Но сама постройка как бы «не иркутская», не совсем городская. Что за этим? Крестьянские дома испокон веков ставили на стулья или лежки. Разумеется, это не могло служить оправданием. Кроме того, Егоров допустил еще одно нарушение — брандмауэр (добротной кирпичной кладки, шириной 68 см) выполнен под крышу, буквально как стена дома, т. е. без необходимого возвышения над кровлей (по Строительному уставу не менее 0,33 сажени). Остается предположить, что означенные нарушения связаны либо с послаблениями надзора, либо с «авторитетом» владельца усадьбы как профессионального строителя.

Экономичность строительных приемов в сопряжении с эстетикой определяют индивидуальность постройки. Все в меру, в потребность — и ничего лишнего. Выразительность открытого сруба здесь работает больше, чем в привычных домах Иркутска. Она здесь более открыта и подчеркнута равнозначна с декоративными элементами: кромками резного подзора, выпусками резных слег (на шипцовом фасаде) и резных стропильных ног (на боковом). Местный традиционный карниз отсутствует за ненадобно-

стью, однако значительный вынос соответствует местным приемам. Наличники — упрощенные на пределе, но это не обедняет постройку. Некоторая разница наклонов размашистой двускатной крыши и крыши небольшого прируба парадных сеней исходит от русского народного зодчества, которое и в признанных шедеврах, и в нередких образцах массового домостроительства всегда и во всем, как правило, органично и потому современно. Такова стилевая онтология и вполне адекватная, незавышенная культурная значимость исследуемой постройки.

Уточнение датировки

Архивных данных на постройку флигеля не обнаружено. Известно только, что он был построен в промежутке с 1891 по 1899 г. — документированная хроника событий. Попытка уточнить датировку — задача методически интересная и необходимая, если речь идет о памятнике, претендующем на место в Реестре. Здесь возможны два пути: поиск косвенных исторических фактов и сопоставление с постройками подобного типа, датировка которых известна, а также анализ художественных приемов, если они позволяют сократить означенные временные ножницы.

Обращение к косвенным историческим фактам позволяет сделать вывод о том, что хозпостройка в усадьбе Иодловского с каменной межевой стенкой была возведена до 1895 г., а каменный флигель в этой же усадьбе появился не позднее 1895 г. Следовательно, флигель Егорова поставлен до 1895 г., если иметь в виду намеренную и последовательно осуществленную «каменную замкнутость» усадьбы Иодловского.

Более конкретной представляется датировка 1892–1893 гг. Известно, что до постройки основного дома Егоров снимал жилье в усадьбе казака по 3-й Солдатской, 10. Основной дом в своей усадьбе Егоров начал сдавать внаем в 1890 или 1891 г. (после его постройки и отделки). Вероятно, и сам жил в этом доме какое-то время, до постройки своего семейного флигеля (исследуемого объекта). Не исключаем и залоговую операцию, которая позволила получить сумму, необходимую для безотложного строительства флигеля, — это отработанная в то время практика. Это подтверждает предложенную датировку.

Из методических соображений следует отметить, что, решая данный вопрос, мы вначале обратились к подкарнизной резьбе флигеля и выявили его как тип пропильной резьбы в более чем 20 постройках центральной исторической части Иркутска: Бабушкина, 15; пер. Черемховский, 22; Декабрьских Событий, 62,

76; Дзержинского, 37, 39, 56; Свердлова, 16; Грязнова, 24; Байкальская, 75, П. Осипенко, 4; Марата, 41, 43 и т. д. Число построек с карнизным подзором данного рисунка может быть значительно продолжено. И похоже, что здесь, на ул. 3-й Солдатской с пересечением пер. Власовского, был родовой очаг подзора: сам флигель по Грязнова, 2Б, по Грязнова 4, 6 (не сохранились), пер. Пионерский, 2, 4, а также Грязнова, 7 (подтип, заметно измененный развитием). Но если учесть эволюцию рисунка от незначительных различий и далее, через усложнение, до почти полной утраты исходного образца, то приходим к выводу, что данный тип был одним из немногих возникших и распространенных в домостроительной декоративной практике Иркутска в 1890-е гг. А карнизный подзор по Грязнова, 2Б представляется в этом ряду одним из начальных. Это подтверждает предложенную датировку флигеля как 1892–1893 гг. Ясно, что датировка эта остается предположением, но вполне применима в учетной документации до всегда теоретически возможного абсолютного уточнения.

К вопросу «независимой экспертизы»

Грязнова, 2Б юридически есть «выявленный объект культурного наследия». В Опорном плане 2006 г. значится как «ценная историческая опорная постройка» — это не что иное, как предложение к постановке на государственную охрану. Данное исследование подтверждает его ценностный опорный потенциал. И если считать, что Опорный план завершен, вполне адекватен количеству и качеству наследия Иркутска, то остается ждать его утверждения в установленном порядке. А до этого проведение историко-культурной экспертизы правомерно с любым исходом для памятника.

Памятник находится в месте, не связанном с модернизацией городской магистрали или с предполагаемым строительством особой общественной значимости. Памятник — частное владение, и собственник вправе иметь виды на исключение его из списка выявленных объектов, чтобы в дальнейшем распоряжаться объектом по собственному усмотрению, вплоть до сноса. И именно с этой целью он в соответствии с законодательством заказывает и оплачивает проведение историко-культурной экспертизы. Подобная экспертиза изначально перестает быть независимой. Это реальная практика, подтвержденная десятками, если не сотнями подобных экспертиз. Почему и как она сложилась, благо это или зло для оптимизации реального Реестра? Вопросы очевидные, и

разрешение их лежит не в правовой, а в профессионально-этической плоскости.

Описание, анализ любого исторического объекта из «списка выявленных» на предмет наличия или отсутствия «предметов охраны» и «признаков объекта культурного наследия» зависит от заданности экспертизы и формально подгоняется к нужному ответу.

Более того, в практике Иркутска есть примеры вывода объектов из списка памятников, получивших охранный статус опорности еще в советское время. Здесь, как и в случае выявленных объектов, обстоятельства вывода и утрат разные, но сущность, как правило, одна — невостребованность и объективная невозможность сохранить исторические объекты массовым порядком.

Проясняющие аргументы привести несложно. Противоположные воззрения привлекательны, но заведомо неисполнимы. Выход видится в одном — необходим реальный охранный Реестр. Реальный — значит качественный. И способный сообщить государственному органу охраны неформальный авторитет в интересах регенерации культурной среды, реконструкции и инвестиционного развития исторического центра Иркутска.

Заключение

Рассмотренная выше культурная значимость флигеля по Грязнова, 2Б, его архитектурная особенность, примечательные исторические условия замысла и строительства позволяют внести предложение о государственной охране объекта.

Техническое состояние Грязнова, 2Б — достаточно удовлетворительное, чтобы не подменять реставрацию новоделом — еще одна важная и не затронутая здесь проблема формирования Реестра и практической реставрации.

Нетрудно предположить, что в сложившейся ситуации встанет вопрос выбора: сохранение на месте или перемещение памятника из соображений не только усадебного обустройства. Оптимальным представляется перенос в «усадьбу» АЭМ «Тальцы» на Грязнова, 22.

Исаев Андрей Юрьевич,
историк, археолог, краевед,
г. Иркутск.
E-mail: isaev65@rambler.ru

«И ДУШУ РАДУЯ, И ПОЛЬЗУ ПРИНОСЯ»: ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ПРОПИЛЬНОЙ РЕЗЬБЫ НА ПОДЗОРАХ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ ИРКУТСКА

Подзоры — сравнительно поздний элемент русского деревянного зодчества, придающий потрясающую живописность карнизам, фризам и очельям наличников жилых домов и хозяйственных сооружений.

Первоначально они появились в церковном зодчестве, поскольку в декоре жилых и хозяйственных срубов с кровлей на самцах им попросту не было места (рис. 1).

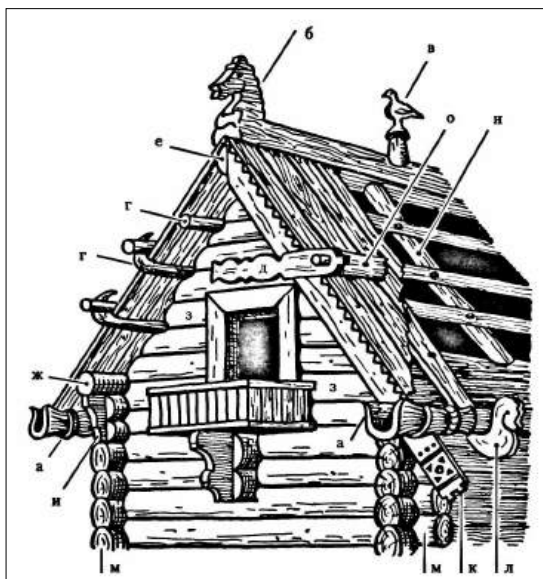

Рис. 1. Схема устройства крыши на самцах (по М.В. Красовскому):
а – желоба; б – охлупень; в – стамик; г – следи; д – огниво;
е – князевая слега («кнес»); ж – повальная слега; з – самец;
и – повал; к – причелина; л – курица; м – пропуск; н – бык; о – гнет.
(Из кн.: Шангина И.М. Русский традиционный быт. СПб., 2003. С. 83)

Появление подзоров на карнизах многоярусных деревянных церквей XVI–XVII вв. было вызвано желанием оживить довольно суровый облик культовых сооружений.

Широкое распространение подзоров в жилом и хозяйственном строительстве в конце XVIII–XIX в. стало следствием перехода от кровли на самцах к кровле на стропилах. Необходимость предохранения пиленых торцов стропил от загнивания вызвала к жизни прикрывшие их подзорные доски, со временем ставшие частью карниза.

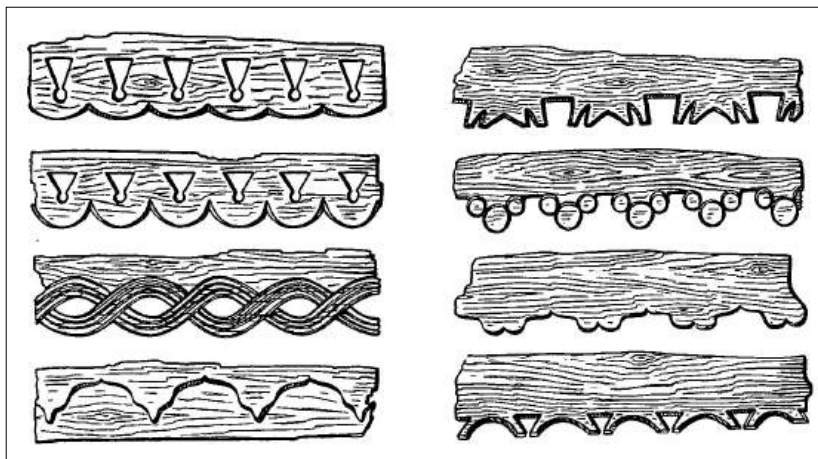
Своеобразными предшественницами подзоров стали причелины деревянных срубов с самцовой кровлей, органично соединившие в себе практическую функциональность, эстетику декора и сакрально-защитную роль древних оберегов.

Создавая подзоры стропильных конструкций, русские мастера восприняли и творчески развили приемы оформления и декора причелин, украшавших фронтоны деревянных срубов и прикрывавших торцы слег самцовой кровли.

Раскопки в Новгороде, почвы которого неплохо сохраняют изделия из дерева, показали, что сквозная резьба (ставшая своего рода предшественницей пропильной) была знакома древнерусским мастерам по крайней мере с XI в. и применялась для украшения причелин, наличников, балясин и других деталей деревянных сооружений [1]. Однако в силу трудоемкости создания «сквозные узоры чаще всего лишь слегка оживляли гладь тесаной доски, были крупными по размеру и довольно далеко отстояли друг от друга» [2]. Гораздо большее разнообразие наблюдается в это время в обработке края причелин: это различной формы ступенчатые вырезы, полукруги, аркообразные фигуры, трапециевидные и треугольные зубцы (рис. 2, 3).

Сквозная резьба, применявшаяся при отделке причелин и подзоров деревянных храмов XVII в., имела меньший диаметр сквозных отверстий и более мелкий шаг ритма узора, чем в новгородских образцах. Нижняя часть подзорных досок оформлялась в виде полукругов, между которыми довольно часто делались заостренные зарубки. Плоскость досок украшалась сквозной резьбой, представлявшей равномерный ряд отверстий, нанесенных с помощью коловорота, с подработанными резцом краями [3]. Таков, например, декор сохранившихся прионежских церквей XVII в. в Карелии.

Следует отметить, что архитектурный декор причелин, составленный системой разного рода сочетаний сквозных круглых отверстий, волнистых и зигзагообразных линий, полукругов, зубцов

**Рис. 2. Приемы оформления края причелин Новгорода XII–XV вв.
(по материалам археологических раскопок).
(Из кн.: Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 475)**

и разного рода вырезов по краю досок, не был простой суммой отдельных знаков, а являлся защитой от вездесущих сил зла «при помощи макрокосма, тщательно воспроизведенного во всех своих основных элементах в декоре жилища, которое становилось микрокосмом семьи. Этот, созданный руками человека, микрокосм повторял картину мира, возникшую где-то в глубинах бронзового века» [4].

Эта древняя космогония выделяет три составляющие мироздания:

1) «верхнее небо» («хляби небесные»), которое представлено на причелинах русских изб зигзагообразной линией (устойчивая архаичная идеограмма воды), волнистым орнаментом или узором из городков, на расстоянии тоже воспринимаемых как волны. Нередко волны избяного «небосвода» идут в два-три ряда, как бы подчеркивая глубинность и неиссякаемость хлябей небесных (рис. 3);

2) «среднее небо» (по которому осуществляется движение солнца и луны, отделенное от верхнего «твердь небесной» /небесным сводом/), как правило, представлено рядом полукругов, городков или парных изображений женских грудей, связанных с представлением о небесных богинях-рожаницах, проливавших дождь на поля. Нередко полукруги и городки прорезаны сквозными круглыми отверстиями. Часто встречается сочетание в одном

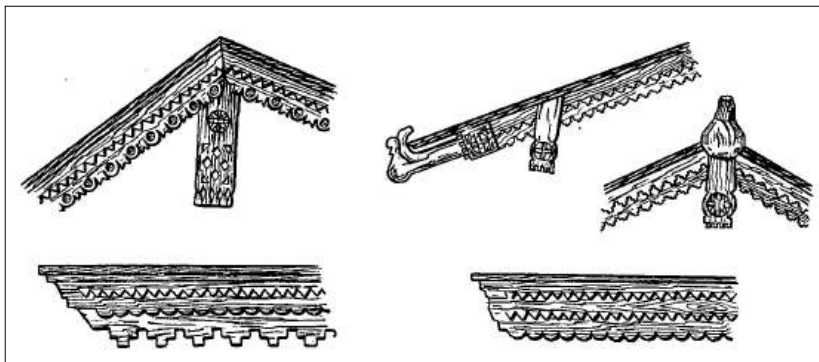

Рис. 3. «Верхнее небо» («хляби небесные») на причелинах Новгорода XII–XV вв. (по материалам археологических раскопок). (Из кн.: Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 475)

ряду прорезанных полукругов и коротких зигзагов между ними, которые можно толковать как добавление идеограммы воды к изображению туч-грудей;

3) землю [5].

Подобное оформление подзоров и причелин стало традицией или даже бессознательным пережитком прошлого, со временем утратив космогонию представлений и сакрально-охранительные функции, заложенные изначально.

Во второй половине XVIII в. в связи с катастрофическим уменьшением площади лесов и развитием лесопильного производства вводится запрет на производство и использование тесаных досок: на смену им приходит тонкий пиленный тес, работать с которым, пользуясь привычным набором инструментов, становится довольно проблематично. В арсенал плотничьих артелей прочно входят пилы, известные на Руси еще с XI в., но долгое время не находившие широкого применения. Края подзоров и причелин, обрабатывавшиеся до этого топорными срезами несложного профиля, начинают разнообразно опиливаться. Мастера пытаются усложнять узоры на плоскости самой доски, применяя приемы древнерусской сквозной резьбы и геометрической резьбы бытовых изделий, используя мотивы кружков, розеток, городков, треугольных зубчиков, овалов, S-образных завитков, крестов, зигзагов и других несложных фигур [6].

В первой половине XIX в. пропиленная резьба начинает все больше определять характер декора крестьянской избы. Коловоротные отверстия уменьшаются в диаметре, а их расположение занимает все большую поверхность доски. Пила, прорезая края

досок самым причудливым образом, все решительнее уходит вглубь. Резчик, просверливая ряд мелких отверстий, соединяет их друг с другом при помощи лучковой пилы в различном сочетании под самыми разными углами [7].

Во второй половине XIX в. пропильная резьба становится основным видом декора жилого зодчества России. Ее триумфальное шествие вызвано изобретением лобзика, широкой публикацией разнообразных эскизов и предельным упрощением весьма трудоемких и дорогостоящих ранее операций: весь орнамент создается с помощью одной пилы по заранее нанесенному рисунку, путем соединения просверленных отверстий с минимальной доработкой одним-двумя штрихами резца или даже вовсе без нее.

К концу XIX — началу XX в. усложняются мотивы орнамента, достигается равновесие фона и узора, которые начинают восприниматься равноценно. Помимо известных геометрических элементов (кругов, розеток, треугольников, крестов, сердечек, S-образных завитков, поставленных на угол ромбов и квадратов) появляется трилистник, заключенный в сердечкообразную форму. Различные сочетания узора образуют весьма живописные композиции, резьбе придается эффект ажурного кружева [8].

Дальнейшее развитие и совершенствование пропильной резьбы шло по пути усложнения геометрического, создания и совершенствования растительного, зооморфного и антропоморфного орнаментов. Со второй четверти XX в. к привычным элементам пропильной резьбы добавляется советская символика: пятиконечные звезды, серп и молот, позднее — изображения голубей, ракет, космонавтов...

Значительную роль в народном зодчестве всегда играл цвет, являясь немаловажным средством повышения декоративности постройки и придания ей выразительности и жизнерадостности. В ряде случаев декоративные детали пропильной резьбы по-прежнему раскрашиваются в яркие цвета — красный, желтый, синий, образующие смелые и выразительные сочетания. Однако в отличие от привычных принципов построения цветовой композиции при окраске зданий, в декоре которых используется пропильная резьба, происходит постепенный отказ от полихромии и все более широко применяется двухцветная окраска. Одноцветная окраска обшивки дополняется окраской декоративных элементов в другой цвет, чаще всего — в белый. На фоне ровного сплошного цвета обшивки фасада белоснежная вуаль пропильной резьбы становится еще более воздушной, подвижной, как бы колеблющейся от малейшего дуновения ветра...

Как уже говорилось, подзорные доски украшают карнизы, фризы и очелья наличников деревянных зданий. Объектом настоящего исследования стали основные мотивы пропильной резьбы на карнизах зданий, являющих собой как бы границу перехода от кровли крыши к плоскости стены. Материалы, легшие в основу данной статьи, получены в результате сплошного полевого обследования деревянного Иркутска, осуществленного автором в 2006–2011 гг.

Располагая лишь самой малой толикой времени и интересом к прошлому, чуть-чуть свернув с основных транспортных артерий и ненадолго покинув каменную многоэтажность Иркутска, оторвав свой взгляд от привычной серости тротуаров, вы с удивлением и восхищением погрузитесь в давно позабытый, а то и вовсе неведомый мир причудливых переплетений деревянного декора, вызванный к жизни мастерством и вдохновением теперь уже неизвестных нам Мастеров.

Вы непременно встретитесь и со скупой лаконичностью декора, присущей зданиям в силу особенностей ряда архитектурных стилей, и просто с глухими подзорами, не тронутыми резцом Творца, порожденными недостатком средств, а то и вполне понятным желанием предельно уменьшить стоимость строительных работ. Встретится вам и предельная простота декора в виде зигзагообразных линий или рядов полукружий по нижнему краю подзорных досок, довольно часто «оживленных» одним-двумя рядами круглых сквозных отверстий разного диаметра и дополненных изгибами линий нижнего края накладных досок, чаще всего в виде простых квадратных городков (рис. 4, 5).

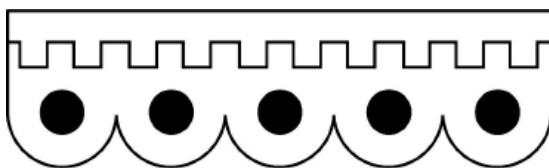

Рис. 4. Ул. Дальневосточная, 31. Фрагмент подзорной доски

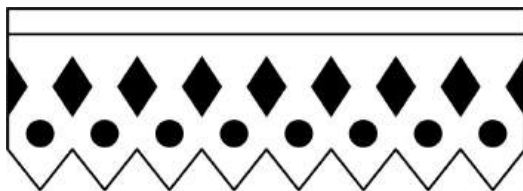

Рис. 5. Ул. Лопатина, 39. Фрагмент подзорной доски

Но и в самых простых элементах декора Мастеру скучна шаблонность и монотонность, поэтому даже в эту простоту Он вносит небольшие, но существенные вставки и замены: то за счет уменьшения диаметра прорези круга между ним и полукругом профиля возникает дугообразный пропил (рис. 6); то, практически ничего не меняя в существующем сочетании прорезей доски, Мастер слегка раздвигает полукружия, достигая иного восприятия той же самой композиции (рис. 7). Формально в построении узора — едва ли не полная идентичность: полукружье, пропил, сквозное отверстие. Только теперь совсем другая картина получается. Если посмотреть, а не просто походя скользнуть взглядом на бегу.

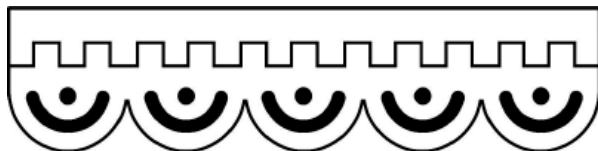

Рис. 6. Ул. Борцов Революции, 12. Фрагмент подзорной доски

Рис. 7. Ул. Пшеничная, 18а. Фрагмент подзорной доски

Но может ли настоящий Мастер на этом остановиться? Да ни в коем случае! И вот строгая ритмичность ряда полукружий прерывается вставкой небольших зубцов между ними, добавляется еще одна линия небольших сквозных отверстий по краю усложненного профиля, слегка уменьшается длина пропиленных дуг — и вновь радикальное изменение картины (рис. 8). Но не революция, конечно.

Рис. 8. Ул. Франк-Каменецкого, 6а, утрачен. Фрагмент подзорной доски

Однако вот другой Мастер, слегка сдвинув зубцы в глубину доски и добавив линию ритмично чередующихся отверстий и пропилов-полумесяцев, эту революцию все же производит. Не в построении рисунка — в его восприятии. Взглянув на него, можно от души посмеяться над внезапно появившейся рожицей лопухого одноглазого циклопа, который тоже от души не то смеется, не то улыбается (рис. 9)...

Рис. 9. Ул. Щетинкина, 4. Фрагмент подзорной доски

Заметим, что древняя традиция включения в ритм ряда полукруглых заостренных зубцов, размеры которых, как правило, значительно уступают размерам полукруглых, широко представлена на подзорах Иркутска. При этом Мастера существенно варьируют их очертания, сочетания, соотношения и размеры. Порой сквозные отверстия соответствуют только полукругьям профиля края подзорной доски (рис. 10), но значительно чаще зарубки-зубцы также прорезаны сквозными отверстиями, только меньшего диаметра, расположенными в одну линию с прорезами полукруглых (рис. 11, 12); время от времени подобные конфигурации дополняются еще одной линией сквозных отверстий (рис. 13).

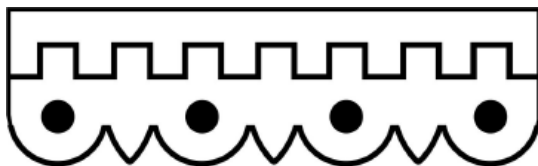

Рис. 10. Ул. Богграда, 5, утрачен. Фрагмент подзорной доски

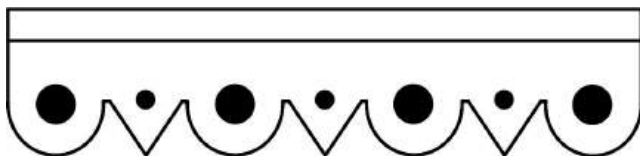

Рис. 11. Ул. Борцов Революции, 6в. Фрагмент подзорной доски

Рис. 12. Ул. Байкальская, 80. Фрагмент подзорной доски

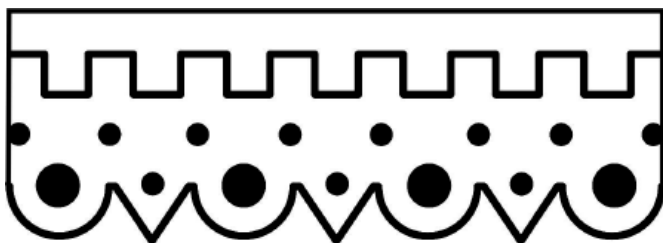

Рис. 13. Ул. Дальневосточная, 20. Фрагмент подзорной доски

Дополняя подобное оформление подзорной доски внесением дугообразных пропилов и узкими врезками в полотно доски между зубцами и полукружьями, Мастер создает совершенно другую картину полотна подзора, где равновеликие отверстия по-прежнему идут в один ряд, но полукружья — уже более чем полукружья, а зубцы и вовсе в маковки-луковки превратились (рис. 14) — еще один пример неистощимости фантазии подлинного Таланта и бесконечности вариаций самых простых элементов пропильной резьбы.

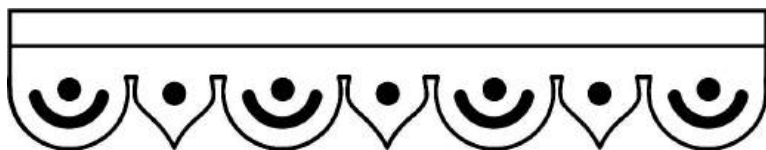

Рис. 14. Пер. Милицейский, 6. Фрагмент подзорной доски

Практика небольших врезок в край доски гораздо шире представлена в оформлении внешних профилей традиционных зигзагообразных линий, оживленных круглыми сквозными отверстиями. Добавлением нескольких дополнительных пропилов, на которые и внимание-то не сразу обратишь, Мастер создает сложное сочетание ромбов и квадратов, в единении с линиями сквозных отверстий являющее собой пусть самый простой, но уже РИ-СУНОК (рис. 15, 16, 17, 18).

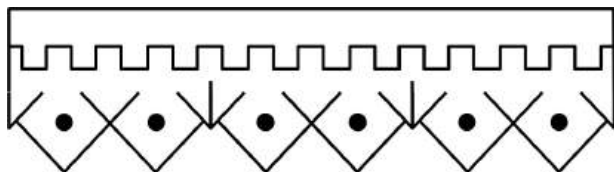

Рис. 15. Ул. Байкальская, 126. Фрагмент подзорной доски

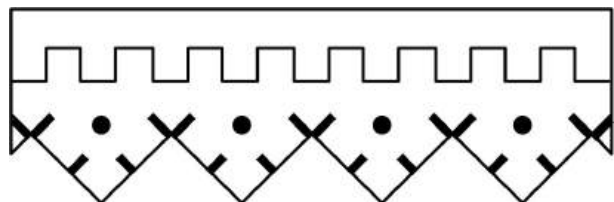

Рис. 16. Ул. Горького, 5а. Фрагмент подзорной доски

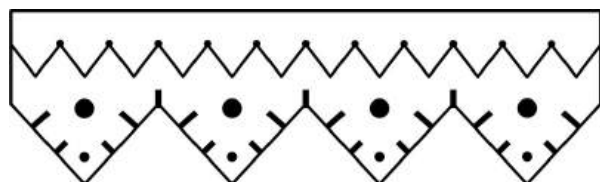

Рис. 17. Ул. Грязнова, 38. Фрагмент подзорной доски

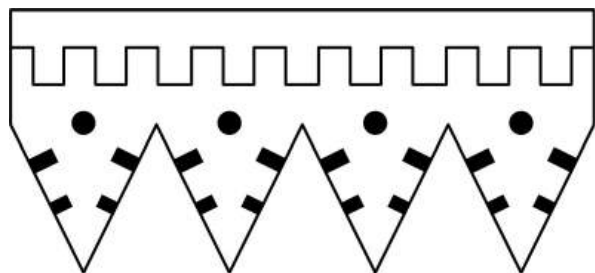

Рис. 18. Ул. Грязнова, 16а. Фрагмент подзорной доски

И все это — всего лишь небольшая выборка из множества достаточно простых приемов оформления подзорной доски, плоскость которой в указанных случаях еще достаточно сложно назвать пропиленной. Но, несмотря на это, даже такая простота сочетаний профиля края доски, прорезей и пропилов являет не-

вероятную многовариантность композиций, ставшую украшением иркутских улочек благодаря фантазии и таланту Мастеров деревянного зодчества.

Первым довольно простым, широко распространенным и весьма живописным мотивом оформления подзорных досок является чередование больших и малых полукружий, прорезанных сквозными круглыми отверстиями разного диаметра, большее из которых как бы разорвано пропилом и представляет собой своего рода стилизованную подкову, обращенную вниз (рис. 19–40). В большинстве случаев ее очертания четко обозначены парами полулунных пропилов (рис. 27–40), а края имеют то прямоугольную (рис. 23, 28–32, 34, 36–38, 40), то округлую (рис. 33, 35), то приостренную (рис. 19–22, 24–27, 39) форму.

Малые полукружья, как правило, прорезаны сквозными круглыми отверстиями различной величины (рис. 21–40) и в сочетании с парами полулунных пропилов представляют собой капельки различных форм и размеров (рис. 27–40). Изредка прорези-круги заменяются капельками (рис. 19) или вытянутыми овалами (рис. 20). Когда над прорезами полукружий располагаются дугообразные пропилы, они принимают форму просверленных кругов (рис. 21–23). Встречаются случаи парных круглых прорезей, расположенных вертикально, над которыми размещаются линии полулунных прорезей (рис. 24), нередко в сочетании со сквозными кругами (рис. 25, 26). Иногда такие пары составлены прорезанными кругами и четырехугольниками (рис. 29).

Чаще всего встречается пропильный декор, где очертания «подков» больших и капелек малых полукружий выделены парами полулунных прорезей (рис. 27–40), над которыми располагается линия, составленная сочетанием прорези кругов и квадратов (рис. 30–31), кругов и ромбов (рис. 32), кругов и треугольников (рис. 33, 34), кругов и сердечек (рис. 35), кругов и овалов (рис. 36). Иногда такие линии составлены лишь прорезями кругов (рис. 38–40) или квадратов (рис. 37).

Разумеется, не только сочетания, но и размеры различных составляющих данной композиции сильно варьируются, что также ведет к увеличению разнообразия в оформлении подзоров.

Профиль нижнего края накладных досок представлен линией квадратов-городков (рис. 19, 22–25, 27–30, 34, 36, 38–40), зигзагообразной линией (рис. 20, 33, 35), сочетанием зубцов и полукружий (рис. 26), зубцов и стрелок (рис. 31).

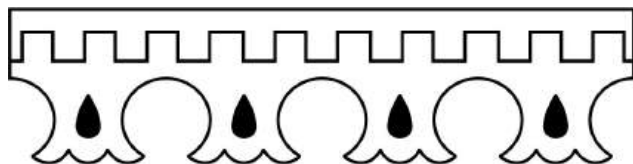

Рис. 19. Пер. Учительский, 10. Фрагмент подзорной доски

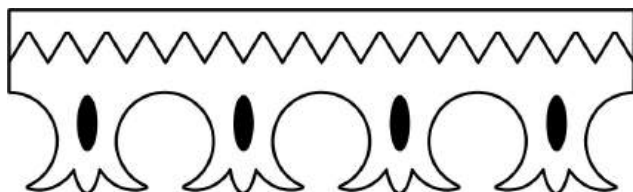

Рис. 20. Ул. Декабристов, 6. Фрагмент подзорной доски

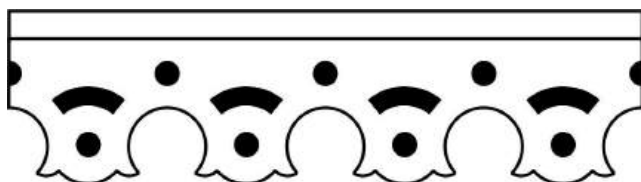

Рис. 21. Ул. Грязнова, 26. Фрагмент подзорной доски [9]

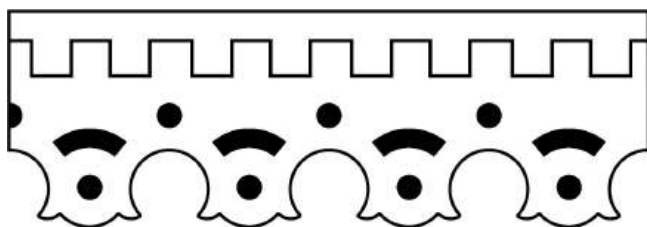

Рис. 22. Ул. Горького, 34. Фрагмент подзорной доски

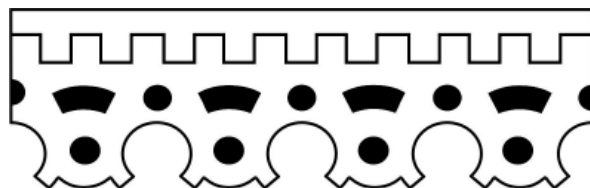

Рис. 23. Ул. Халтурина, 10а. Фрагмент подзорной доски [10]

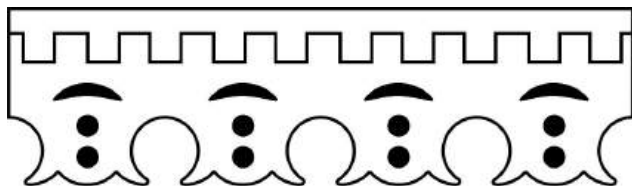

Рис. 24. Пер. Пионерский, 2. Фрагмент подзорной доски

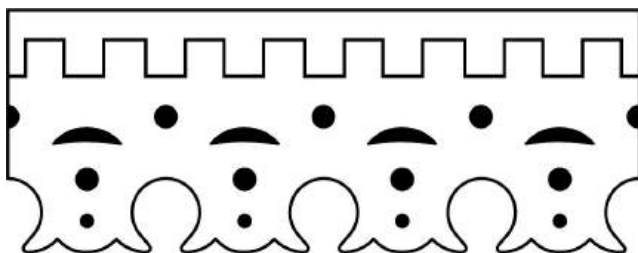

Рис. 25. Ул. Чкалова, 22, утрачен. Фрагмент подзорной доски

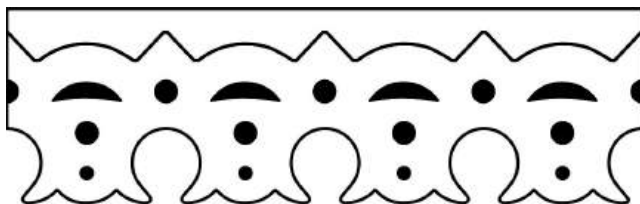

Рис. 26. Ул. П. Осипенко, 4. Фрагмент подзорной доски [11]

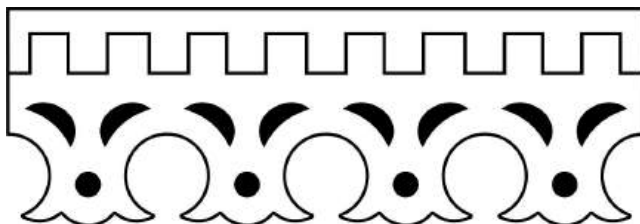

Рис. 27. Ул. Франк-Каменецкого, 24. Фрагмент подзорной доски

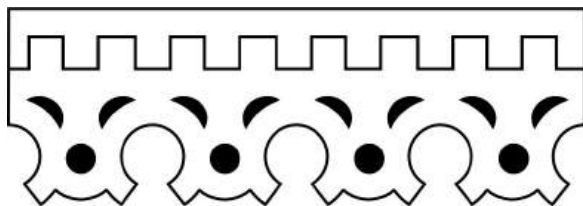

Рис. 28. Ул. Дзержинского, 38. Фрагмент подзорной доски [12]

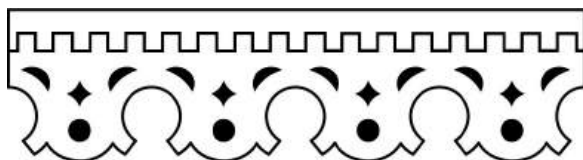

Рис. 29. Ул. 25-го Октября, 57. Фрагмент подзорной доски [13]

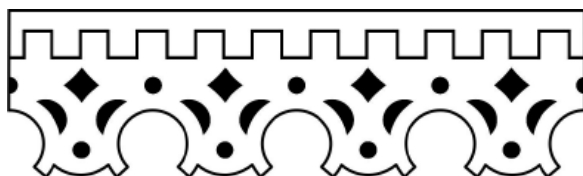

Рис. 30. Ул. 5-й Армии, 53. Фрагмент подзорной доски [14]

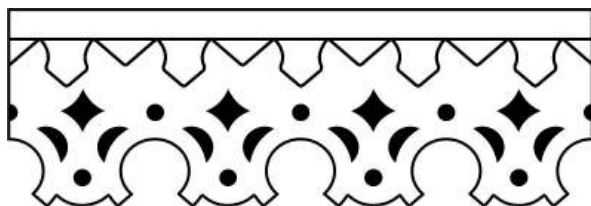

Рис. 31. Ул. Коммунаров, 7. Фрагмент подзорной доски

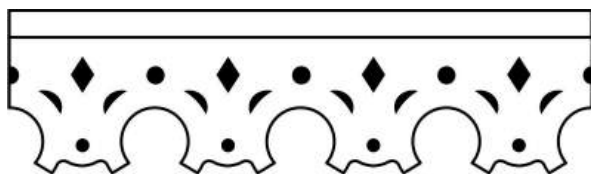

Рис. 32. Ул. Байкальская, 106. Фрагмент подзорной доски

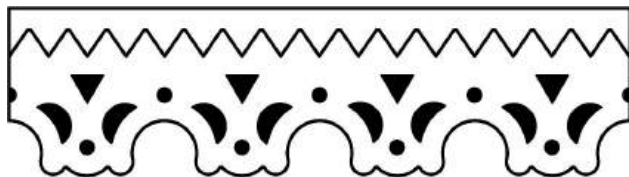

Рис. 33. Ул. 3-я Железнодорожная, 48. Фрагмент подзорной доски

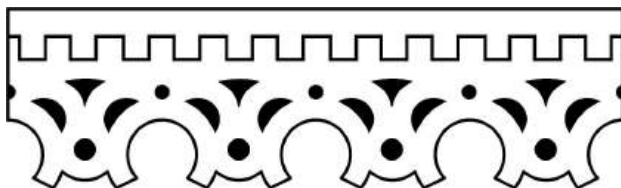

Рис. 34. Ул. Кайская, 26. Фрагмент подзорной доски

Рис. 35. Ул. 2-я Железнодорожная, 60. Фрагмент подзорной доски

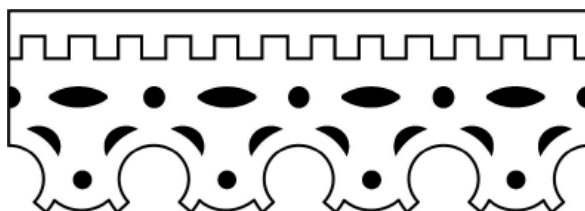

Рис. 36. Ул. Красных Мадьяр, 62. Фрагмент подзорной доски [15]

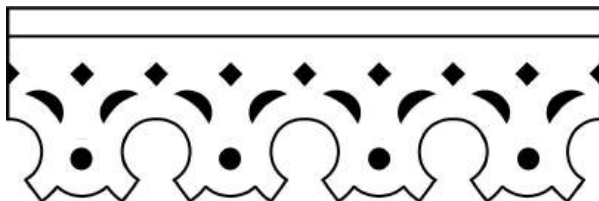

Рис. 37. Ул. Декабрьских Событий, 25. Фрагмент подзорной доски

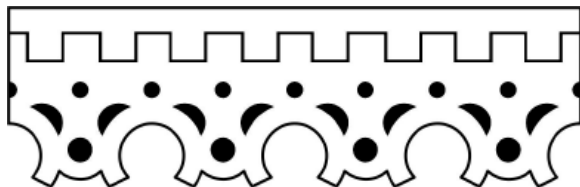

Рис. 38. Ул. Подгорная, 14а. Фрагмент подзорной доски

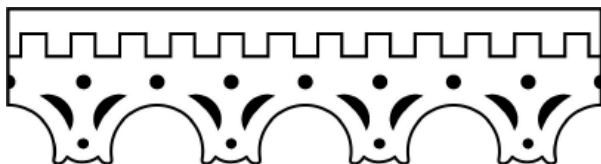

Рис. 39. Ул. 1-я Советская, 37а. Фрагмент подзорной доски

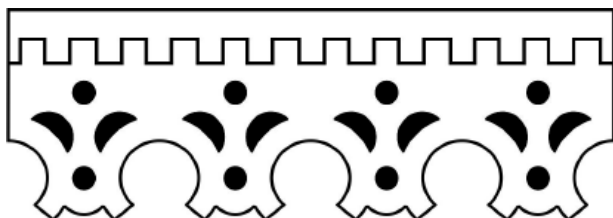

Рис. 40. Ул. Ф. Энгельса, 15б, утрачен. Фрагмент подзорной доски

В данном построении композиции пропильного декора при бесконечном множестве вариаций прорези полотна подзорной доски профиль ее нижнего края достаточно устойчив, а внутреннее пространство подковы ничем не заполнено. Но всякое правило имеет исключения — и однажды во внутреннее пространство подковы неведомый Мастер вписал трилистник (рис. 41).

Рис. 41. Ул. 6-я Советская, 88. Фрагмент подзорной доски

Трилистник — один из излюбленных и довольно часто используемых элементов декора, едва ли не фирменный знак пропиленной резьбы Иркутска. Независимый и свободно ниспадающий, заключенный в замкнутые и открытые круги, овалы, сердечкообразные формы, возникающий в процессе объединения пары округлых завитков... — невообразимое множество вариантов, мотивов, композиций. Но если уж мы упомянули трилистник, вписанный в «разорванную» пропилом окружность, начнем с этого мотива построений композиций с трилистником.

Трилистник, вписанный в разомкнутую округлую форму (рис. 42–48). Пожалуй, одна из самых сложных в описании групп. Ее трилистники мало схожи друг с другом, обладают индивидуальной формой и объемом, различными соотношениями своих частей, способов и мест сочленений с окружающей их разомкнутой окружностью. Внешняя поверхность окружности имеет правильную форму, а внутренняя то представляет собой равномерно ниспадающие кривые, попарно образующие затейливые Х-образные фигуры (рис. 42–44), то бугрится рядом криволинейных «всплесков», придавая ниспадающим дугам окружности достаточно реалистичный вид листьев растения, в которые и вписывается трилистник — не то цветок, не то ягода (рис. 45–48). Верхние дуги листьев-полукружий образуют линии, составленные прорезью неправильной формы треугольников (рис. 47, 48), треугольников и кругов (рис. 44), четырехугольников (рис. 45), четырехугольников и «парашютов» (рис. 42, 46), сдвоенными дугами, дополненными в центральной части наростами неопределенной формы, вследствие чего напоминающими профиль то ли птицы, то ли летучей мыши в полете (рис. 43). Некоторые трилистники прорезаны четырехугольниками в центральной (рис. 42) или верхней части (рис. 43, 44). Профиль нижнего края накладных досок представлен линией квадратов-городков (рис. 42–48).

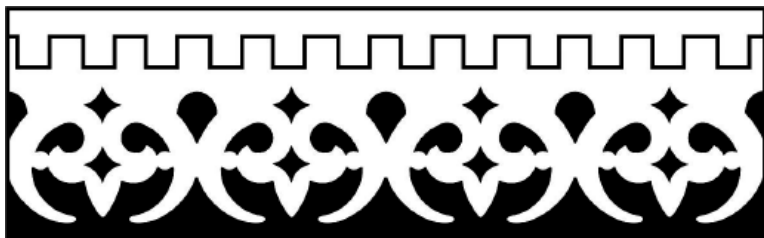

Рис. 42. Ул. Красных Мадьяр, 40. Фрагмент подзорной доски

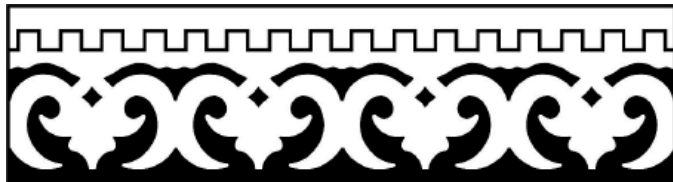

Рис. 43. Ул. Латвийская, 15. Фрагмент подзорной доски

Рис. 44. Ул. Каштаковская, 20. Фрагмент подзорной доски

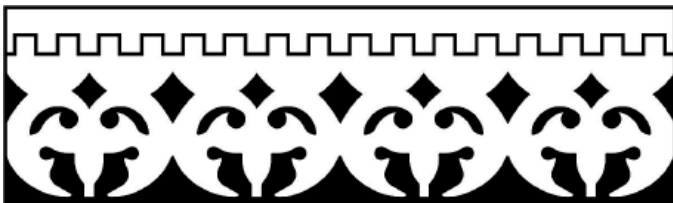

Рис. 45. Ул. Тимирязева, 34. Фрагмент подзорной доски

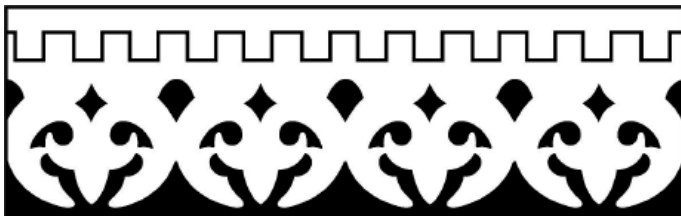

Рис. 46. Ул. Трилисера, 55. Фрагмент подзорной доски

Рис. 47. Ул. Марата, 66. Фрагмент подзорной доски

Рис. 48. Ул. Декабристов, 8. Фрагмент подзорной доски

Трилистник, вписанный в округлую форму (рис. 49–54). Группа не слишком представительная, но достаточно характерная для пропильного декора Иркутска. Линия профиля нижнего края подзорной доски представлена полукружьями (рис. 49), которые в ряде случаев разделяют выступы зубцов (рис. 50, 51). Трилистники различной формы вписаны в окружности, образованные сочетанием полукружий края подзорной доски и:

а) парами несимметричных ромбов-квадратов (рис. 49);

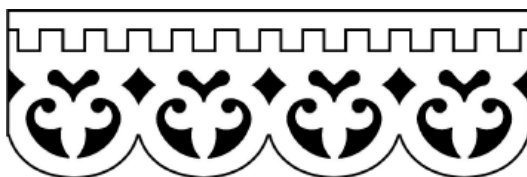

Рис. 49. Ул. Некрасова, 14. Фрагмент подзорной доски

б) сердечками (рис. 50);

Рис. 50. Пер. Большевицкий, 13. Фрагмент подзорной доски [16]

в) сердечками и капельками (рис. 51).

Рис. 51. Ул. Горького, 12. Фрагмент подзорной доски

Основания трилистников выделяются прорезью сердечек (рис. 50), сердечек-галочек (рис. 49), капелек (рис. 51). Профиль нижнего края накладных досок представлен линией квадратов-городков (рис. 49–51).

Следует выделить особые построения композиции, связанной с трилистником, вписанным в округлую форму.

Трилистник, вписанный в округлую форму, тянется вверх (рис. 52). Достаточно распространенное положение трилистника в русской пропильной резьбе, совершенно не характерное для Иркутска. Выделение углубленным пропилом основания трилистника вносит определенный диссонанс в оформление нижнего края подзорной доски, который образован сочетаниями групп из трех полукружий, обособленных друг от друга прорезями углублений в основании трилистника. Стоит также обратить внимание на линию сквозных круглых отверстий в основании профиля накладной доски, что тоже не характерно для пропильной резьбы Иркутска.

Рис. 52. Ул. Красноказачья, 20. Фрагмент подзорной доски

Трилистник, вписанный в округлую форму, в окружении свободно ниспадающих трилистников, выполненных в художественной (рис. 53) и условной (рис. 54) манере.

Рис. 53. Ул. Красных Мадьяр, 19. Фрагмент подзорной доски

Рис. 54. Ул. Баррикад, 99. Фрагмент подзорной доски

Трилистник, вписанный в сердечкообразную форму (рис. 55–57). Несмотря на то что вписанный в сердечкообразную форму трилистник является одним из любимых и часто употребляемых элементов пропильной резьбы России, данное сочетание — достаточно редкое явление в оформлении подзорных досок карнизов нашего города.

Рассмотрим одну из композиций подобного рода. Сердечко, в которое заключен трилистник, образовано штрихами зигзагообразной линии достаточно простого профиля и парными боковыми пропилами, представляющими собой не то шахматные пешки, не то офисные штампы. Помимо них плоскость доски прорезана лишь простыми симметричными пропилами внутри сердечка, формирующими собственно трилистник (рис. 55). Поразительно, но, в нарушение всех приемов формирования данного профиля в иркутской пропильной резьбе, основание трилистника ничем не обозначено: ни кругом, ни ромбом, ни квадратом, ни сердечком, ни капелькой, ни зигзагом, что оставляет форму сердечка как бы незаконченной.

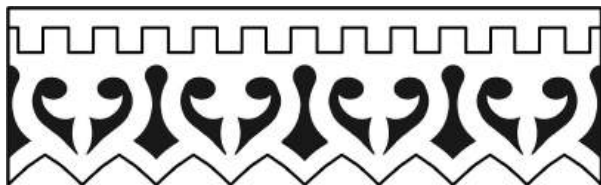

Рис. 55. Ул. Красноказачья, 15. Фрагмент подзорной доски

Еще одна композиция с достаточно сложным профилем нижнего края пропильной доски. Основание трилистника, заключенного в сердечкообразную форму, также ничем не обозначено, да и сама форма сердечка достаточно схематична (рис. 56).

Рис. 56. Ул. Напольная, 51. Фрагмент подзорной доски [17]

И наконец, еще один эксклюзив в пропильной резьбе Иркутска. Достаточно сложный профиль нижнего края пропильной доски, представленный чередованием куполообразных выступов и зубцов между ними, несколько непривычные пропорции трилистника, капелька-прорезь в его основании, линия круговых прорезей между вершинами сердечка и вписанного в него трилистника, схематичность формы самого сердечка (рис. 57).

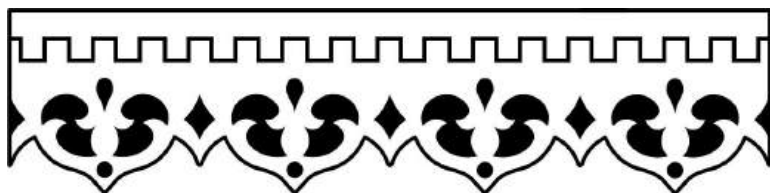

Рис. 57. Ул. Киевская, 36а. Фрагмент подзорной доски

Трилистник, образованный в процессе объединения пары округлых завитков (рис. 58–66). Трилистники этой группы также имеют самые разнообразные формы, размеры и соотношения своих частей. Некоторые из них имеют круговые прорезы в верхней (рис. 63), центральной (рис. 60–62) или нижней (рис. 65–66) части. Боковые лепестки трилистника образованы несложными пропилами-запятами различной толщины (рис. 58–66); центральные — небольшими выступами зубцов (рис. 58, 59, 61, 63–66) или (рис. 60, 62) полукружий, которые в сочетании со сдвоенными большими полукружьями составляют профиль нижнего края подзорной доски (рис. 58–64). Реже этот профиль составляет ритмичное чередование полукружий и разделяющих их зубцов (рис. 65–66). Округлость верхней части Х-образных фигур, лежащих между трилистниками, создают линии треугольников (рис. 58–62), треугольников и кругов (рис. 63), четырехугольников (рис. 65). Иногда округлые завитки не имеют выделяющих их пропилов и не объединяются в Х-образных фигуры (рис. 64, 66). Профили нижнего края накладных досок представлены линиями квадратов-городков (рис. 58, 61, 64–66) и прорезанных кругами полукружий (рис. 62), зигзагообразными линиями (рис. 60), линиями сложного профиля (59).

Рис. 58. Ул. Дзержинского, 54б. Фрагмент подзорной доски

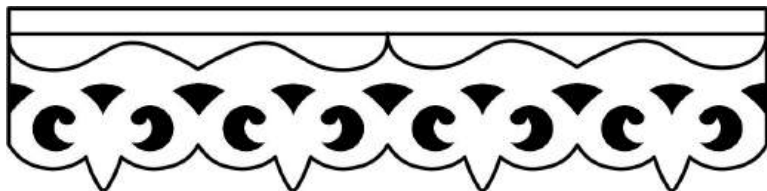

Рис. 59. Ул. Красных Мадьяр, 4. Фрагмент подзорной доски

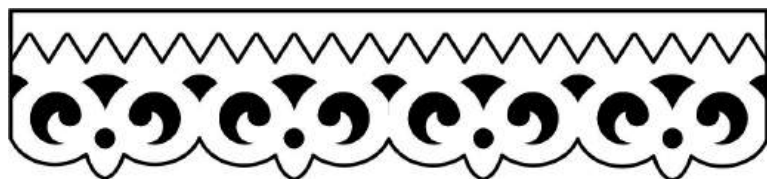

Рис. 60. Ул. Седова, 37. Фрагмент подзорной доски

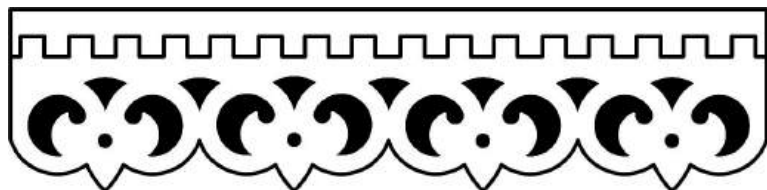

Рис. 61. Ул. Дзержинского, 13. Фрагмент подзорной доски [18]

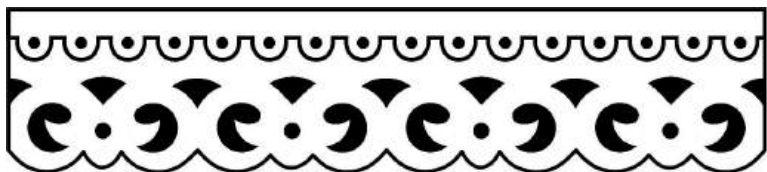

Рис. 62. Ул. Киевская, 29. Фрагмент подзорной доски

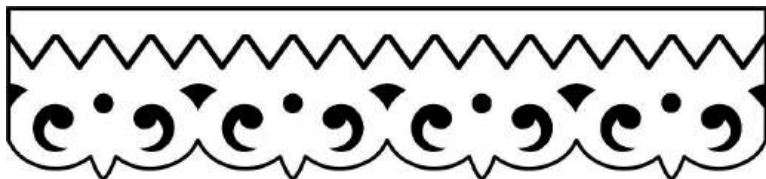

Рис. 63. Ул. Партизанская, 52. Фрагмент подзорной доски

Рис. 64. Ул. Пискунова, 18. Фрагмент подзорной доски

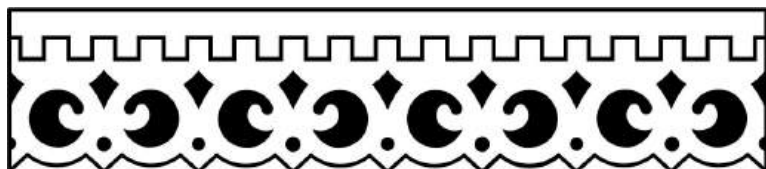

Рис. 65. Ул. Провиантская, 29. Фрагмент подзорной доски

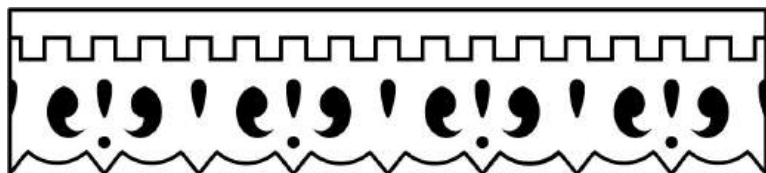

Рис. 66. Ул. Ф. Энгельса, 23. Фрагмент подзорной доски [19]

Х-образные фигуры (рис. 67–70). Очень близка предыдущей группа, в которой пропилены-завитки, линии завитков (рис. 67), треугольников (рис. 68) или сердечек (рис. 69–70), а также сложный профиль нижнего края доски, составленный полукругьями и различной формы выступами, четко выделяют Х-образные профили (рис. 67–70). Фигуры же, лежащие между ними, лишь с большой долей условности можно принять за весьма стилизованное изображение трилистника.

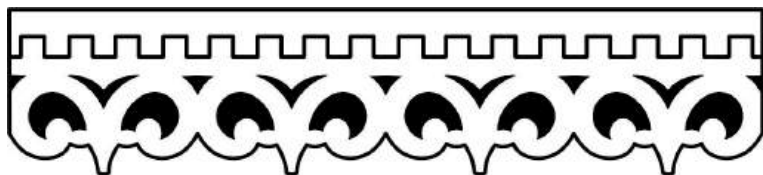

Рис. 67. Ул. Борцов Революции, 106. Фрагмент подзорной доски

Рис. 68. Ул. Волжская, 15. Фрагмент подзорной доски

Рис. 69. Ул. Каштаковская, 38. Фрагмент подзорной доски

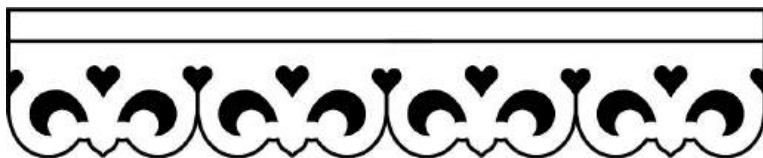

Рис. 70. Ул. Ушаковская, 37а. Фрагмент подзорной доски

Трилистник как часть более сложной композиции (рис. 71–75). Побродив по улочкам деревянного Иркутска, можно встретить и более сложные композиции пропиленной резьбы. Очень часто трилистник играет в них далеко не главную роль, а порой и вовсе не приметен с первого взгляда в затейливых сочетаниях фона и узора, где даже форму пропилов трудно определить (рис. 71–73).

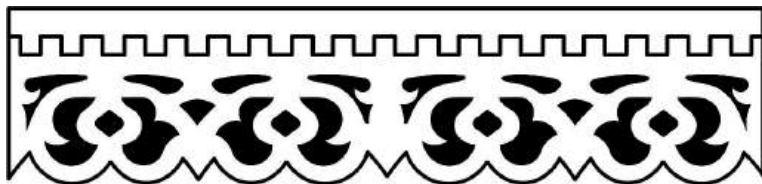

Рис. 71. Ул. Некрасова, 12а. Фрагмент подзорной доски [20]

Рис. 72. Ул. Грязнова, 18. Фрагмент подзорной доски

Рис. 73. Ул. Кайская, 4. Фрагмент подзорной доски

Порой сложно описать не только построение и содержание такой композиции, но даже линию профиля подзорной доски, составленную свесами ромбов и трапеций, куполообразными врезками и порезками неопределенной формы. Всмотрись в устремленный к небу профиль трилистника — и предстанут тебе его боковые листья нахмуренными бровями какого-то рассерженного монстра, а рядом и чуть ниже явятся составной частью головок прильнувших друг к другу птах (рис. 74–75).

Рис. 74. Ул. Седова, 70. Фрагмент подзорной доски [21]

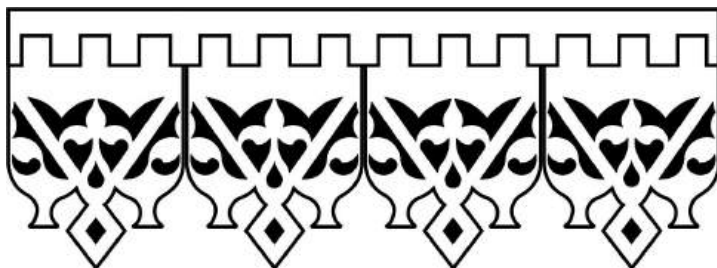

Рис. 75. Бул. Гагарина, 16. Фрагмент подзорной доски

Трилистник как основа композиции (рис. 76–78). Но бывают и совершенно другие ситуации, в которых сочетание различных видов трилистника является даже не основой, а единственным содержанием композиции. В центре — вписанный в сердечкообразную форму трилистник-цветок, в свою очередь прорезанный сердечком и окруженный короной из прилегающих к нему листочков. А ниже, по краю профиля подзорной доски, — еще один трилистник-цветок, ниспадающие листья которого, склоняясь друг к другу, тоже образуют трилистник (рис. 76–78). Впрочем, подобная композиция на подзорах карнизов — достаточно большая редкость: нам она встретилась только в трех местах города на карнизах четырех зданий и представлена здесь в полном объеме. А вот на подзорах фризов она представлена широко и повсеместно в огромном множестве вариаций. Но это уже объект дополнительного исследования.

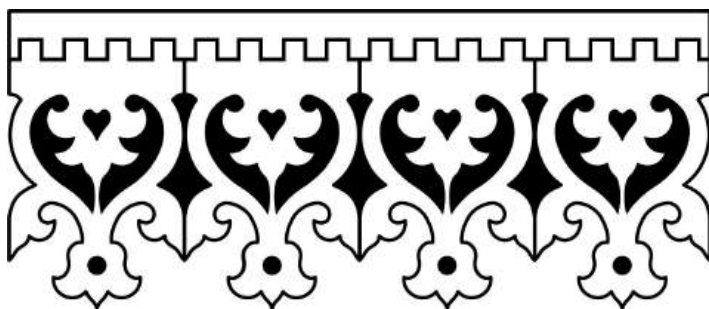

Рис. 76. Ул. С. Разина, 22. Фрагмент подзорной доски

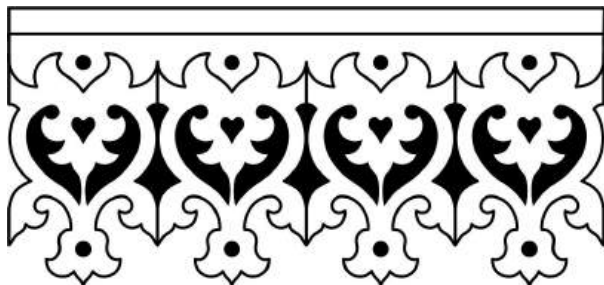

Рис. 77. Ул. Марата, 30. Фрагмент подзорной доски

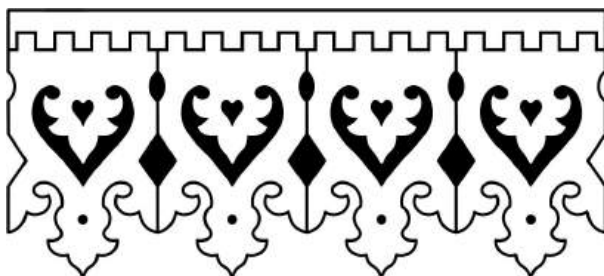

Рис. 78. Ул. 5-й Армии, 35. Фрагмент подзорной доски

Все вышесказанное касается лишь симметричных форм трилистника. Однако на подзорах Иркутска широко представлена во множестве вариаций еще одна форма трилистника, не симметричная сама по себе, не нисходящая, а свисающая подобно ветвям трав или деревьев, вписанная в сведенные попарно круги с соблюдением принципа зеркальной симметрии. Во избежание путаницы данную форму мы будем именовать парными трилистниками.

Ниспадающие парные трилистники (рис. 79–81). Эта группа трилистников напоминает попарно склоненные к земле верхушки трав. Профиль нижнего края пропиленной доски образуется либо чередованием полукружий (рис. 81), либо включением в этот ритм остроконечных зубьев, прорезанных сквозными круглыми отверстиями для сохранения абриса окружности (рис. 79, 80), образованной профилем края доски снизу и линиями треугольников или чередующихся кругов и квадратов сверху. Сами трилистники формируются при помощи двух–четырех вырезов, соответственно имея разное количество сочленений с внутренней поверхностью окружности. Профили нижнего края накладных досок представлены линиями квадратов-городков (рис. 79–81).

*Рис. 79. Ул. К. Либкнехта, 85, утрачен.
Фрагмент подзорной доски [22]*

Рис. 80. Ул. Герцена, 16. Фрагмент подзорной доски [23]

Рис. 81. Ул. Горная, 14. Фрагмент подзорной доски

Объемные парные трилистники (рис. 82–85). Данная группа трилистников напоминает свисающие ветви хвойных растений. Правда, приходилось слышать, что эти пары ветвей представляют собой рога лося или сохатого. Но это уж, как говорится, дело вкуса. Профиль нижнего края пропиленной доски образован чередованием двойных полукружий и выступов зубьев. Внешняя поверхность окружности образована профилем края доски и треугольными фигурами с вогнутыми краями (рис. 83–85) или даже просто прямыми порезками (рис. 82), внутренняя — линией пропила. Профили нижнего края накладных досок имеют много вариантов исполнения, включающих линии квадратов-городков (рис. 83), чередования зубцов и полукружий (рис. 84) или даже одинарных и сдвоенных остроконечников (рис. 85).

Рис. 82. Ул. Декабрьских Событий, 46б. Фрагмент подзорной доски

Рис. 83. Ул. Борцов Революции, 10а. Фрагмент подзорной доски [24]

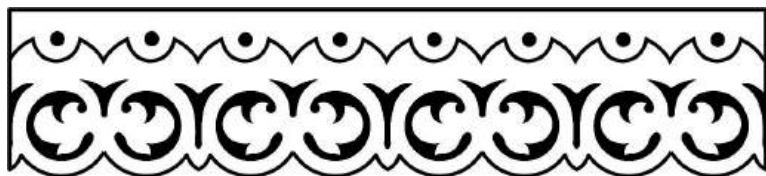

Рис. 84. Ул. Грязнова, 9. Фрагмент подзорной доски

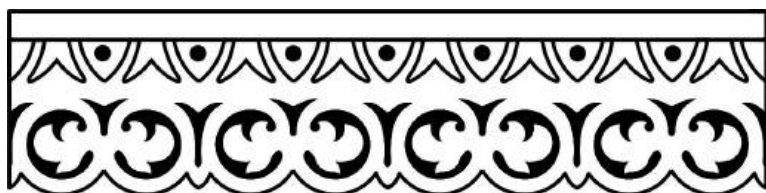

Рис. 85. Ул. 5-й Армии, 43, 45. Фрагмент подзорной доски

Вытянутые парные трилистники (рис. 86–90). Средний лист трилистников данной группы сильно вытянут, порою смыкаясь с внутренней поверхностью окружности. Профиль нижнего края пропиленной доски образован чередованием одинарных или двойных полукружий с выступами зубьев. Внешняя поверхность окружности образована профилем края доски и различными фигурами с вогнутыми краями: сердечками (рис. 86), треугольниками различных очертаний (рис. 88, 89) и другими фигурами (рис. 87–90), внутренняя — линией пропила. Профили нижнего края накладных досок образованы линиями квадратов-городков.

Рис. 86. Ул. К. Либкнехта, 11. Фрагмент подзорной доски [25]

Рис. 87. Ул. Франк-Каменецкого, 12. Фрагмент подзорной доски

Рис. 88. Ул. Горная, 196. Фрагмент подзорной доски

Рис. 89. Ул. Щетинкина, 8, утрачен. Фрагмент подзорной доски

Рис. 90. Ул. Уткина, 6. Фрагмент подзорной доски

Стилизованные парные трилистники (рис. 91–92). Средний и нижний листы трилистника выдвинуты вперед. Профиль нижнего края пропиленной доски образован чередованием полукружий и выступов зубьев. Внешняя поверхность окружности образована профилем края доски и сердечками, внутренняя — линией пропила. Профили нижнего края накладных досок образованы линиями квадратов-городков (рис. 91) или городков сложного профиля (рис. 92).

Рис. 91. Ул. Декабрьских Событий, 75. Фрагмент подзорной доски [26]

Рис. 92. Ул. Фабричная, 5. Фрагмент подзорной доски

Разумеется, богатство пропильного декора подзорных досок карнизов деревянного Иркутска далеко не исчерпывается представленным многообразием. На тихих и уютных улочках города вы встретите и широко распространенные в России композиции, основой которых служат обращенные друг к другу S-образные завитки (рис. 93); и усложненные профили нижних краев подзоров, зигзагообразные линии которых напоминают то верхнюю часть керамических сосудов (рис. 94), то маковки храмов (рис. 95), а то и просто не поддаются описанию.

Рис. 93. Ул. Дзержинского, 58. Фрагмент подзорной доски [27]

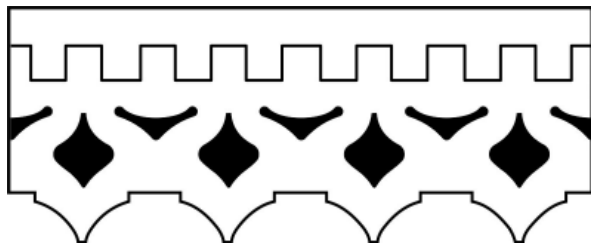

Рис. 94. Ул. Верхняя Набережная, 105. Фрагмент подзорной доски

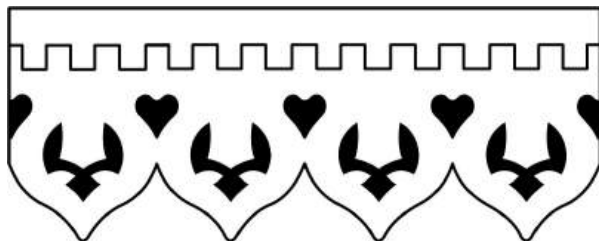

Рис. 95. Ул. Дзержинского, 48. Фрагмент подзорной доски

Встретите вы и более замысловатые композиции, сюжет которых открывается далеко не сразу. Не торопитесь — и в переплетении линий пропильного узора проглянет то забавная рожица (рис. 95), то личина античной трагедии (рис. 96), то маска средневекового карнавала (рис. 97).

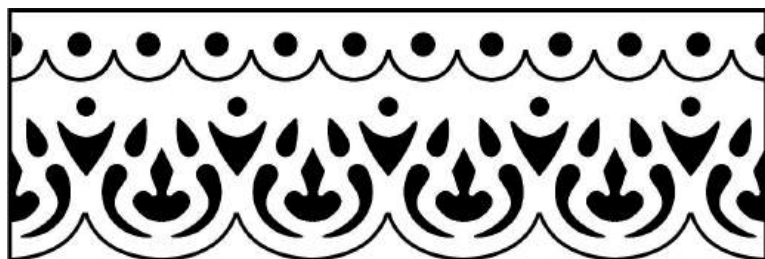

Рис. 96. Ул. Кожова, 136. Фрагмент подзорной доски

Рис. 97. Ул. А. Невского, 16, утрачен. Фрагмент подзорной доски

Причем, несмотря на индивидуальность и несерийность двух последних композиций, они, несомненно, различны по истокам и происхождению. Личина (рис. 96) создавалась Мастером специально, неважно, по шаблону или по вдохновению, и не имеет аналогий в пропильной резьбе города. А маска (рис. 97) — результат безудержного полета фантазии Мастера, внесшего весьма незначительные изменения в достаточно распространенный сюжет

(рис. 98, 99). Круги и четырехугольники верхней линии прорези заменены треугольниками; попарно соединены средние прорези не то солнца, не то цветка; в округлую врезку добавлен пропиленный полукруг; изменен профиль нижнего края накладной доски. В результате — совершенно иное восприятие сюжета пропиленной доски, как будто бы ничего общего с предшествовавшим ему и не имеющего.

Рис. 98. Ул. Седова, 64б. Фрагмент подзорной доски [28]

Рис. 99. Пер. Осенний, 2. Фрагмент подзорной доски [29]

Впрочем, и данный сюжет также имеет множество мотивов и вариаций оформления края и плоскости подзорной доски, из которых мы приводим далеко не все (рис. 100, 101, 102, 103).

Рис. 100. Ул. Дзержинского, 62б. Фрагмент подзорной доски [30]

Рис. 101. Ул. П. Осипенко, 15. Фрагмент подзорной доски [31]

Рис. 102. Ул. Партизанская, 9. Фрагмент подзорной доски

Рис. 103. Ул. Байкальская, 37д. Фрагмент подзорной доски, утраченной в процессе ремонта

Среди множества сюжетов оформления плоскости подзорных досок и профиля их нижнего края, зачастую представленных на подзорах карнизов одного-двух зданий, приведем еще два, имеющих достаточно широкое распространение и множество вариаций. Оба варианта имеют довольно сложную линию профиля края подзорной доски и различные вариации оформления ее плоскости (рис. 104, 105, 106).

Рис. 104. Ул. С. Перовской, 31. Фрагмент подзорной доски [32]

Рис. 105. Ул. Марата, 62. Фрагмент подзорной доски

Рис. 106. Ул. Бабушкина, 13а. Фрагмент подзорной доски [33]

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем сказать, что иркутские мастера пропильной резьбы достаточно строго следовали сложившимся в течение столетий практике и приемам оформления профиля нижнего края подзорных и накладных досок, скорее всего, уже не вкладывая в это оформление сакрально-охранительных функций, присущих ему изначально. Это большей частью зигзагообразные и волнообразные линии, линии городков различной сложности профиля или различные сочетания этих элементов, как правило — приостренные выступы в месте сочленения полукружий волны. Довольно часто применяется прием «разрыва» полукружий профиля, при этом полученное в результате пропилов пространство далеко не всегда заполняется геометрическим или растительным орнаментом.

В оформлении плоскости пропильных досок иркутские мастера проявляют гораздо больше индивидуальности и фантазии, хотя и используют достаточно стандартный набор элементов пропильной резьбы (треугольники, ромбы, квадраты, круги, овалы, дуги, сердечки, трилистники и другие довольно простые геометрические фигуры). Следует отметить, что наши мастера очень редко используют такие широко распространенные элементы, как розетки, кресты и S-образные завитки.

Несмотря на то что свободно ниспадающий или заключенный в различные геометрические очертания трилистник является одним из излюбленных и часто употребляемых иркутскими мастерами элементов пропильной резьбы, на подзорах крыш Иркутска практически не встречается такое широко распространенное в России сочетание, как трилистник, заключенный в сердечко.

Искусство резьбы иркутских мастеров характеризуют яркая индивидуальность, неприятие каких-либо шаблонов и устоявшихся стереотипов, стремление к максимальному разнообразию в оформлении даже самых простых композиций, бесконечная вариативность в сочетании сравнительно несложных элементов пропильной резьбы, вдохновение и фантазия. Вследствие этого мы можем говорить даже не о бесконечных вариациях оформления сюжетов и композиции подзоров Иркутска, а именно о мотивах данного оформления. Мотивах, которые практически невозможно ввести в шаблоны схем и классификаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Колчин Б.А. Новгородские древности. Кн. 2: Резное дерево. М., 1971. С. 24–34.
2. Скворцов А.И. Русская народная пропильная резьба. Л., 1984. С. 15.
3. Там же. С. 20.
4. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 494.
5. Там же. С. 471–477.
6. Скворцов А.И. Указ. соч. С. 25–29.
7. Там же. С. 31.
8. Там же. С. 35.
9. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Партизанской, 41.
10. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Декабристов, 26; Ф. Энгельса, 24.
11. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Сурикова, 11.
12. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Б. Хмельницкого, 22.
13. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. 25-го Октября, 34; Трилиссера, 15.
14. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Бабушкина, 19а; Бабушкина, 19б; Байкальской, 26; Байкальской, 75б; Баррикад, 127; бул. Гагарина, 12а; Горной, 5; Грязнова, 24; Дальневосточной, 7; Декабристов, 13; Декабрьских Событий, 76; Дзержинского, 37а; Каштаковской, 4; Кочубея, 32; К. Либкнехта, 116 (утрачен); Партизанской, 85; Партизанской, 127; Профсоюзной, 48; С. Разина, 36; Свердлова, 11а; Свердлова, 16; Тимирязева, 36а; Тимирязева, 38; Франк-Каменецкого, 14; Фурье, 7а; Чехова, 7; Чкалова, 22 (утрачен); Ф. Энгельса, 15а (утрачен).
15. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Володарского, 2в; Пискунова, 24; С. Перовской, 40.
16. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Борцов Революции, 4а.
17. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Напольной, 61; Уткина, 36.
18. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. 1-й Советской, 34; Некрасова, 19; Гончарной, 8; Пискунова, 8; Провиантской, 13; Провиантской, 21.
19. Аналогичным образом были оформлены подзоры здания по ул. Пискунова, 33 (утрачено).

20. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Горького, 16; Свердлова, 3; Тимирязева, 11а; Гоголя, 90; Горной, 17а; Польских Повстанцев, 14.

21. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Коммунистической, 13а; Марата, 34; С. Перовской, 34.

22. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Дзержинского, 44б; К. Либкнехта, 78.

23. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Звездинской, 13.

24. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Дзержинского, 8.

25. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Грязнова, 30б; пер. Пионерский, 10а.

26. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Декабристов, 20; Декабрьских Событий, 71; К. Либкнехта, 77; Ф. Энгельса, 21.

27. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Байкальской, 4; Кайской, 5.

28. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Седова, 66.

29. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. К. Либкнехта, 111. В подобной же манере, но весьма-весьма вольной, выполнены подзоры зданий по ул. Б. Хмельницкого, 23; К. Либкнехта, 72; Седова, 53б; Тимирязева, 23а.

30. Аналогичным образом были оформлены подзоры здания по ул. К. Либкнехта, 83.

31. Аналогичным образом оформлены подзоры здания по ул. Седова, 53б.

32. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Борцов Революции, 9; Лапина, 33; Подгорной, 2б; Подгорной, 28; Седова, 20; Подгорной, 44 (вариации пропилов плоскости доски); Горной, 23 (упрощение линии профиля края доски).

33. Аналогичным образом оформлены подзоры зданий по ул. Сурикова, 22; Сурикова, 22а.

Зарубина Наталья Александровна,
ведущий специалист-эксперт
Службы по охране объектов культурного
наследия Иркутской области,
г. Иркутск.
E-mail: natali.a.zarubin@yandex.ru

СИБИРСКОЕ БАРОККО: ТИПЫ САНДРИКОВ В ДЕРЕВЯННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ ИРКУТСКА*

«Сибирское барокко» — термин, обозначающий одно из широко распространенных стилистических направлений в декорировании каменных культовых сооружений на территории Сибири. В отношении деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска XIX в. данный термин используется для указания на особый вид оконных наличников с сандриком в виде двух встречных волют и акротерия (ил. 1).

Убранство деревянных домов в стиле «сибирское барокко» до настоящего времени углубленно не изучалось и не систематизировалось. В трудах многих исследователей, таких как В.Т. Щербин, Е.Ю. Барановский, Б.И. Оглы, Н.М. Полунина, Э.Г. Павлюченкова, А.В. Корзун, отмечаются характерные особенности объемно-планировочных решений деревянных домов нашего города, а также разнообразие их декоративного убранства. Среди описаний мы встречаем и упоминание о наличниках в стиле «сибирское барокко», но четкая характеристика данного направления не приводится.

Из современных публикаций необходимо отметить альбом-путеводитель «Иркутск деревянный», подготовленный коллективом иркутских исследователей Л. Басиной, А. Гаращенко, И. Калининой, Е. Ладейщиковой и фотографом И. Бержинским. Издание содержит богатый материал, описывающий основные особенности объемно-планировочного и декоративного решения сооружений — наиболее ярких представителей самобытной деревянной гражд-

* Данное сообщение является промежуточным результатом продолжающегося исследования, начатого 2,5 года назад в рамках историко-теоретической научно-исследовательской дипломной работы, посвященной исследованию феномена «сибирское барокко» в деревянной гражданской архитектуре г. Иркутска XIX в. Автор выражает благодарность Марку Григорьевичу Мееровичу и Елене Робертовне Ладейщиковой за бескорыстную консультационную помощь на протяжении всего периода исследования.

Ул. К. Либкнехта, 31

Ул. Фурье, 13

Ул. Тимирязева, 21

Ул. Володарского, 6

Ил. 1. Сибирское барокко в деревянной гражданской архитектуре г. Иркутска XIX в. — оконные наличники с сандриком в виде двух встречных волют и акротерия (фото Н. Зарубиной)

данской архитектуры г. Иркутска. Особого внимания заслуживает труд И.В. Калининой и Н.Н. Красной «Город и дерево. Архитектура и ремесло», который охватывает широкий спектр вопросов: от характеристики этапов развития деревянного домостроения Иркутска до выявления композиции и типологии декора фасадов, его классификации. В данном издании впервые не только описывается барочный декор, но и приводится его систематизация исходя из различного характера сандрика, волют, акротерия и т. д.

Для выделения конкретного материала исследования (зданий, относящихся к стилистике сибирского барокко) и сравнительно-сопоставительного анализа декоративных ансамблей различной стилистической направленности самостоятельно и совместно с аспирантом кафедры архитектурного проектирования Валентиной Асманкиной была осуществлена фотофиксация объектов сохранившейся рядовой деревянной застройки г. Иркутска. Сформированная фотографическая база составила 1 061 объект.

В ходе предпроектного анализа было выявлено, что около сотни иркутских домов имеют в своем оформлении барочные мотивы: 78 объектов — в центральной части города, 5 — в предместье

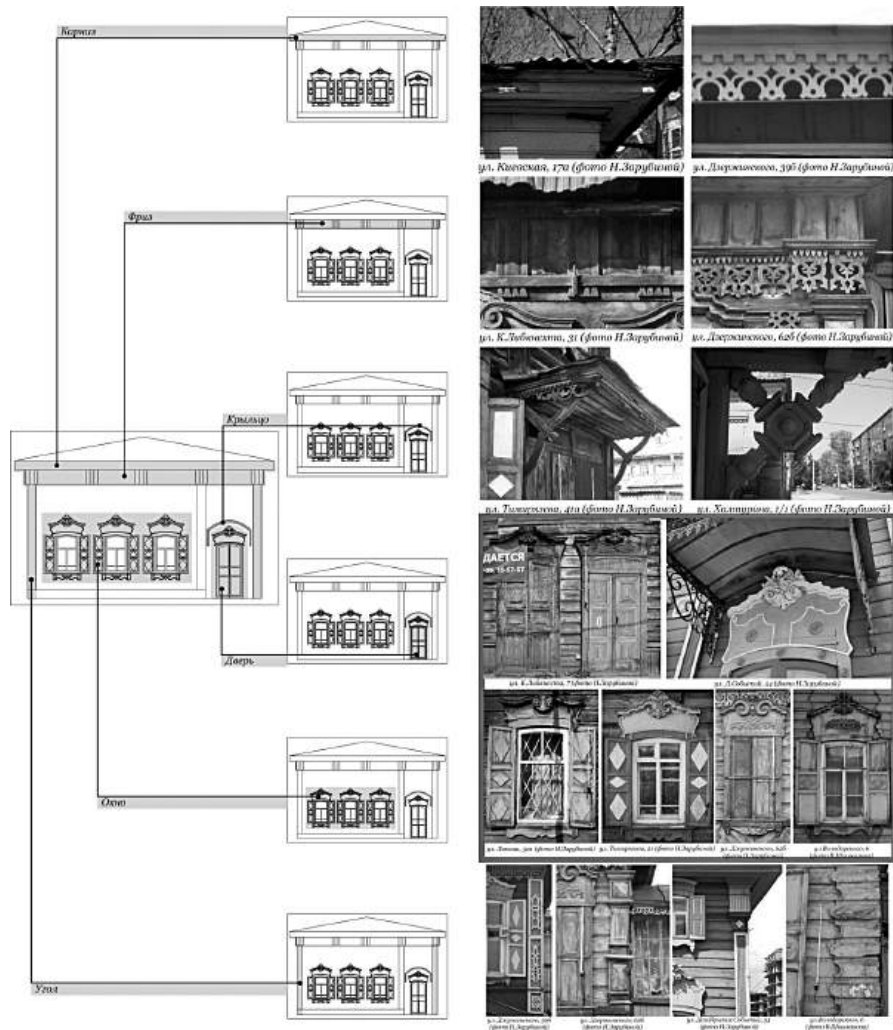
Глазково и 15 — в предместье Рабочее. Это примерно 90 процентов сохранившихся на данный момент деревянных средовых объектов, относящихся к стилю «сибирское барокко».

Исследование решало задачу выявления характерных мест расположения барочного декора на фасадах домов. Для этого был проведен стилистический анализ каждой из частей фасада — карниза, фриза, оконных и дверных проемов, общего поля стены — и обобщены характерные художественно-образные признаки декоративных элементов, располагающихся на этих частях фасада (ил. 2). В результате выявлена особенность расположения барочных элементов на фасадах деревянных домов — они присутствуют лишь в оформлении оконных и, реже, дверных проемов. Другие части фасадов иркутских деревянных домов, содержащих барочные формы, декорированы элементами, относящимися к иным стилям — классицизму, древнерусскому, восточному и т. п. Барочные элементы соседствуют с этими стилями, формируя единый художественно-образный ансамбль.

Работа по выявлению типов наиболее характерных элементов сибирского барокко — сандриков наличников оконных проемов — была проведена впервые в истории изучения стиля «сибирское (иркутское) барокко» в деревянном зодчестве г. Иркутска. Основу анализа составила фотографическая база сохранившейся деревянной застройки города. Архивные материалы не рассматривались. Следует отметить, что при составлении типологии также не учитывались хронологические и территориальные факторы, повлиявшие на развитие и трансформацию барочных наличников. Это задачи дальнейшего развития темы данного исследования. Все разновидности сандриков были схематизированы и систематизированы исключительно по формальным признакам и расположены в порядке упрощения форм.

По характеру сандрика, завитков и акротерия было выделено восемь типов барочных наличников. Каждому из них присвоено условное название и дана краткая характеристика.

Первый тип — развитый усложненный криволинейный профилированный сандрик ступенчатой формы с объемной проработкой завитков волют и модифицированным акантовым листом. Данный тип наличников относится к сложному виду высокорельефной домовой резьбы. Сандрик симметричный, ступенчатый, профилированный, с различным количеством, разными размерами и конфигурациями полочек. Характер акротерия сложный, насыщенный растительными детально проработанными элементами — листьями, бутонами цветов, розетками. В завер-

Ил. 2. Места расположения элементов декоративного убранства в стилистике барокко на фасадах деревянных домостроений г. Иркутска XIX в.

Ил. 3. Наличник первого типа*

**Ил. 4. Примеры наличников первого типа:
ул. Декабрьских Событий, 66; ул. Б. Хмельницкого, 9;
ул. Ударника, 5а (фото Н. Зарубиной)**

шении центрального элемента — изящный, тонко проработанный акантовый лист, который, изгибаясь, нависает над растительными элементами, подчеркивая ось симметрии. Завитки волют пышные, имеют развитую скульптурную проработку (ил. 3). Данный тип наличника — кульминация развития барочной стилистики в оформлении оконных проемов деревянных домов г. Иркутска (ил. 4).

Второй тип — развитый усложненный криволинейный профилированный сандрик ступенчатой формы с объемной проработкой завитков волют и деталью картуша в акротерии. Для этого типа характерна объемная проработка завитков встречных волют с незначительно разомкнутой спиралью витка. В акротерии — стилизованные бутоны цветов. Венчающую часть центрального элемента в виде акантового листа заменяет деталь картуша. Нижняя часть представлена в виде перевернутого бутона лилии. Между завитками встречных волют — четырехлепестковая розетка (ил. 5, 6).

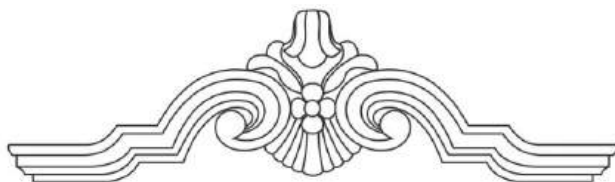
Ил. 5. Наличник второго типа

* Все графические схемы выполнены автором.

Ил. 6. Примеры наличников второго типа:
ул. К. Либкнехта, 26 (фото А. Матвеевой); ул. К. Либкнехта, 7;
ул. Каландаришвили, 3 (фото Н. Зарубиной)

Третий тип — развитый усложненный криволинейный профилированный сандрик ступенчатой формы с объемной проработкой завитков волют и акантовым листом. В зависимости от вариаций состава деталей акротерия, количества и размера полочек данный тип наличника имеет множество под-типов. Сандрик сохраняет свое ступенчатое строение, остается профилированным. Волюты сохраняют объемную проработку завитков. Акантовый лист в завершении центрального элемента упрощен, проработан менее детально. Остальные детали акротерия — растительного происхождения (ил. 7, 8).

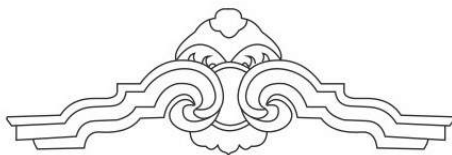
Ил. 7. Наличник третьего типа

Ил. 8. Примеры наличников третьего типа:
ул. 2-я Железнодорожная, 38 (фото Н. Зарубиной);
ул. Желябова, 18 (фото В. Шишканова); ул. Каландаришвили, 3
(фото Н. Зарубиной)

Четвертый тип — развитый усложненный криволинейный профилированный сандрик ступенчатой формы с рокайльным элементом в акротерии. Для сандрика данного типа характерна детальная проработка завитков волют, одна-

ко в сравнении с предыдущими типами она менее объемная. В оформлении центрального элемента отчетливо прослеживается наличие растительных мотивов. Место акантового листа занимает трехлепестковый цветок. Нижняя часть декорирована стилизованным элементом рокайльного орнамента (ил. 9, 10).

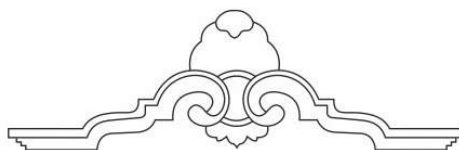

Ил. 9. Наличник четвертого типа

Ил. 10. Примеры наличников четвертого типа: ул. Тимирязева, 21; ул. Грязнова, 22; ул. Седова, 13 (фото Н. Зарубиной)

Пятый тип — криволинейный профилированный сандрик ступенчатой формы с разомкнутой спиралью витка волюты. Является упрощенным видом предыдущего типа. Встречные волюты представляют собой более разомкнутую спираль с незначительной проработкой завитков. Акротерий имеет больший размер, в его оформлении — элементы растительного происхождения, не получившие детальной проработку. В завершении — трехлепестковый цветок (ил. 11, 12).

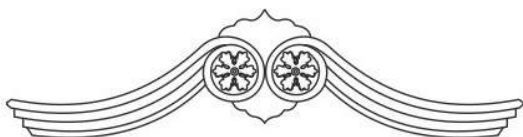

Ил. 11. Наличник пятого типа

Ил. 12. Примеры наличников пятого типа: ул. Халтурина, 1/1;
ул. 25-го Октября, 8; ул. Кожова, 38а (фото Н. Зарубиной)

Шестой тип — простой криволинейный профилированный сандрик с резными розетками. Характерной чертой данного типа является наличие в центре волютных завершений резных классицистических розеток. Центральный элемент выдержан в строгих формах, не имеет декора. Образцом данного типа является сандрик наличника дома по ул. Тимирязева, 45а. Подобное сочетание элементов встречается в декоративном убранстве домов по ул. Грязнова, 17а и ул. Лапина, 31а. Розетки в данных примерах практически идентичны, меняются только очертания изгиба сандрика (ил. 13, 14). Примеров такого типа наличника всего три.

Ил. 13. Наличник шестого типа

Ил. 14. Примеры наличников шестого типа: ул. Тимирязева, 45а;
ул. Грязнова, 17а; ул. Лапина, 31а (фото Н. Зарубиной)

Седьмой тип — простой криволинейный профилированный сандрик с «плетенкой» между завитками волют. Между завитками встречных волют размещается резной элемент в виде двух переплетающихся колец. Центральный элемент лаконичен, не имеет другого декора (ил. 15, 16). Встречные волюты представляют собой объемную спираль с двумя-тремя витками и ярко выраженным глазком в центре. Примеров данного типа наличника также три.

Ил. 15. Наличник седьмого типа

Ил. 16. Примеры наличников седьмого типа:
ул. Фурье, 13 (фото Н. Зарубиной); ул. Бабушкина, 17а (фото А. Матвеевой); ул. Декабрьских Событий, 26 (фото Н. Зарубиной)

Восьмой тип — простой криволинейный профилированный сандрик. Характер волюты плоский, лаконичный. Волюта состоит из одного витка с глазком в центре. Центральный элемент практически не имеет декора (ил. 17). Образцом данного типа является сандрик наличника дома по ул. К. Либкнехта, 31. Подобный элемент с незначительными изменениями в пластике и характере волют встречается также в декоративном убранстве домов по ул. Киевской, 20, ул. Борцов Революции, 11 и др. (ил. 18).

Ил. 17. Наличник восьмого типа

Ил. 18. Примеры наличников восьмого типа: ул. К. Либкнехта, 31; ул. Киевская, 20; ул. Борцов Революции, 11 (фото Н. Зарубиной)

Есть основание полагать, что последних три типа являются первичными (исходными) вариантами появления барочных наличников в декоративном убранстве жилых деревянных домов г. Иркутска.

Следует указать на наличие некоторого числа вариаций наличников (ил. 19), которые по своим признакам не составляют обособленной группы и не могут быть отнесены ни к одному из вышеописанных типов.

**Ил. 19. Ул. Бабушкина, 196; ул. Грязнова, 21а;
пер. Черемховский, 8 (фото Н. Зарубиной)**

Предположительно причиной появления этих разновидностей является возросшая популярность барочных завитков в оформлении оконных проемов и одновременно недоступность для простых горожан дорогостоящей объемной резьбы. Желание же украсить свой дом именно такими формами и привело, в конечном итоге, к возникновению упрощенных (примитивных) вариантов барочных сандриков.

В единственных экземплярах представлены и следующие разновидности барочных сандриков (ил. 20).

**Ил. 20. Ул. Освобождения, 74; ул. Лапина, 24б;
ул. Писарева, 10 (фото Н. Зарубиной)**

Необходимо отметить, что сформированная классификация барочных сандриков не является окончательной. Каждый тип наличника в зависимости от формы сандрика, характера волюты и состава декоративных элементов акротерия имеет несколько подтипов.

Более углубленное построение типологии барочных элементов декоративного убранства деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска XIX в. позволит перейти к решению задачи установления хронологических зависимостей их трансформации и замещения одними разновидностями других, т. е. к выявлению причин происхождения, общего характера эволюции и особенностей модификации стиля «сибирское (иркутское) барокко».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Барановский Е. О типологии жилых домов Иркутска // Земля Иркутская. 2002. № 1. С. 23–29.

Иркутск деревянный: Альбом-путеводитель / фото И. Бержинского, текст Л. Басиной, А. Гаращенко, И. Калининой, Е. Ладейщиковой. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2010. 160 с.: ил.

Калинина И.В., Красная Н.Н. Город и дерево. Архитектура и ремесло. Иркутск: ООО Агентство «МаиР», 2013. 452 с.: ил.

Корзун А.В. Традиции деревянной жилой застройки Иркутска // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 25–28.

Оглы Б.И. Иркутск: о планировке и архитектуре города. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 112 с.: ил.

Павлюченкова Э.Г. Деревянное зодчество Иркутска. Иркутск: ред.-изд. отдел Упрполиграфиздата, 1989.

Павлюченкова Э.Г. Иркутск уходящий: о декоре деревянных и каменных домов. Иркутск: Оттиск, 2008. 70 с.: ил.

Полунина Н.М. Живая старина Приангарья. М.: Искусство, 1990. 174 с.: ил.

Прокудин А.Н. Стильное «дерево» Иркутска // Областная газета. 2009. № 045 (470).

Щербин В.Т. Историко-архитектурный опорный план г. Иркутска: Пояснительная записка. Иркутск, 1981. 116 с. Машинопись // Архив Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области. № 216.

Павлюченкова Элита Георгиевна,
краевед, журналист,
г. Иркутск.

E-mail: egp27@yandex.ru

ЭЛЕМЕНТЫ ДРЕВНЕГО МАКРОКОСМА В ДЕКОРЕ ДЕРЕВЯННЫХ ДОМОВ

Изменения вокруг нас происходят так быстро, что иногда явление, предмет или животное исчезают с лица земли раньше, чем специалисты его успевают изучить и оценить. Кажется, именно это произошло с деревянным зодчеством XIX в.

Испокон веку на Руси строили деревянные дома «как мера и красота укажут», однако понятие меры и красоты менялось, за сто лет фасады домов претерпели кардинальные изменения. Если в XVIII в. красота виделась в пропорциях сруба и высокой крыши колпаком, то во второй половине XIX в. стали появляться дома, украшенные безо всякой меры, фасады их представляли сплошное узорочье от кровли до земли.

Искусствоведы говорят об эклектичности такого декора; и действительно, на фасадах деревянных домов можно увидеть в удивительном сочетании элементы классической архитектуры и мотивы, пришедшие из древнеславянских языческих времен.

Известно, что античные формы появились в Сибири вместе с образцовыми фасадами в начале XIX в. Все эти классические ионики, розетки, пальметты, аканты предельно совершенны по форме, которая отрабатывалась веками. При их изготовлении требовалось не просто соблюдать пропорции, требовалось умение сочетать простоту с утонченностью. И сибирские мастера великолепно с этим справлялись, мы и сейчас можем любоваться наличниками на доме по ул. Декабрьских Событий. Тонко выполненная пальметта и две розетки вполне могли украшать интерьер или фасад древнегреческого дома. Поражает эта культурная преемственность, для которой не преграда ни тысячи лет, ни тысячи километров (фото 1).

Классические элементы воспроизводились мастерами довольно точно, но были формы, которые варьировались бесконечно. На них как бы оттачивались мастерство и фантазия резчиков. Это волюты.

Волюта — завиток в виде спирали с «глазком» («зрачком») в центре. Ее принято считать барочным украшением, наверное потому, что в барокко она встречается особенно часто. Однако как

**Фото 1. Классические формы декора допожарного дома
на ул. Декабрьских Событий, г. Иркутск**

архитектурное украшение она была известна еще в бронзовом веке. Искусствоведы находят прообразы волют и в изображениях Древнего Египта, и в ассирийских рельефах.

Волюты чрезвычайно полюбилися иркутским мастерам, более века они развивали этот мотив, изобретая самые разнообразные формы. Волютные завитки использовались в качестве декоративного элемента повсеместно в России, но только в Иркутске они стали излюбленным украшением оконных наличников, что способствовало появлению многочисленных вариантов. Их использовали в качестве украшения и до пожара 1879 г., но особое распространение они получили в последнюю треть XIX в., несмотря на то, что их изготовление требовало определенного мастерства и времени.

Основная тема: две встречные волюты, между ними розетка, сверху стилизованный лист аканта (фото 2). Этот мотив варьировался мастерами бесконечно. В моем небольшом архиве более 40 фотографий волют самых разнообразных, мастера как будто стремились перещеголять друг друга в оригинальности и сложности исполнения.

И мне кажется, что существует некая связь между возникновением стиля «сибирское барокко» и пристрастием иркутян к пышным барочным волютам. И в том и другом случае прослеживается некое тяготение к нарядной монументальности.

Во второй половине XIX в. в каменной архитектуре на смену классицизму приходит эклектизм, резко возрастает роль скульптурного декора в украшении фасадов. Мастера-ремесленники создают различные композиции лепного декора — смесь разных стилей — для украшения фасадов каменных зданий.

Так же возрастает роль декора и в деревянном зодчестве. Это время, когда Иркутск начинает застраиваться после пожара 1879 г. Вместо уютных особнячков со сдержанным классическим декором появляются дома, щедро украшенные пропильной резьбой.

Стилевое единство исчезло, наступило время эклектики, в которой соединялись совершенно разнородные элементы. На фасадах деревянных домов спокойно уживаются классические фризы, консоли и пилястры с языческими «хлябями» и солнышками. Вот к этим последним стоит пристальнее присмотреться.

Пропильная, а точнее — плоско-графическая, резьба с незапамятных времен является элементом народной культуры. Станным образом с появлением новомодной пропильной резьбы в домовый декор возвратились очень древние традиции.

Для наших далеких предков-славян (и не только) окружающий мир был обиталищем злого начала, населен духами зла навиями и вурдалаками, которые всячески стремились вредить людям. От

Фото 2. Волюты. Самое распространенное украшение наличников иркутских домов

злых духов была разработана сложная система защиты, в которую входили и заклинательные украшения.

Дом был крепостью, снабженной достаточным количеством символов-оберегов на самых уязвимых местах: фасаде, окнах, дверях, воротах. А в целом декор содержал в себе элементы древнего макрокосмоса — внешнего мира, каким он представлялся древним народам.

Космологической защитой являлось само небо, которое в представлении древних делилось на верхнее и среднее, водное и воздушно-солнечное. Между ними была твердая прозрачная преграда — небесная твердь.

Именно там, за небесной твердью, хранились запасы воды — хляби небесные, отсюда шли благодатные для урожая дожди.

Древнейшая картина мира выглядела так:

На самом верху располагалось верхнее небо с запасами воды.

Ниже было среднее небо — воздушное пространство, по которому ходят звезды, солнце и луна.

Еще ниже земля, почва с растениями.

Двускатная кровля дома отождествлялась с верхним небом — хлябями небесными и украшалась (оторачивалась) волнистым орнаментом.

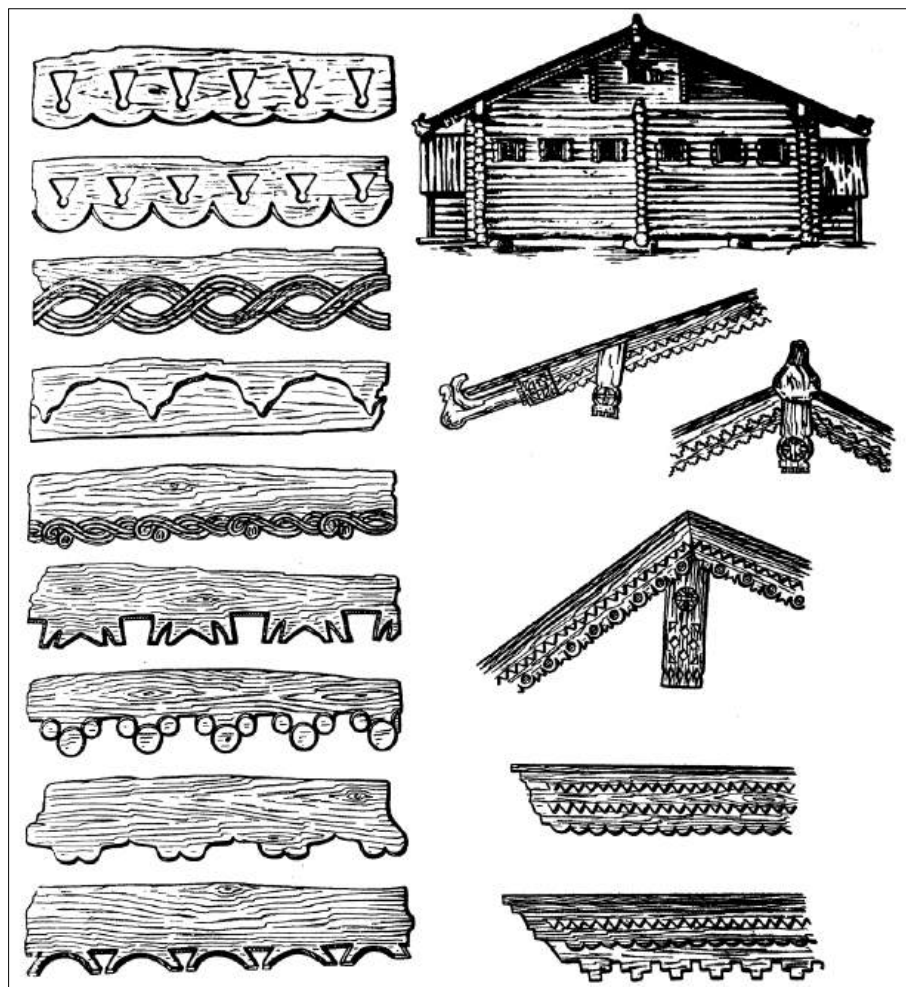
«Причелины русских изб, — пишет Б.А. Рыбаков, — украшались в 2–4 ряда. Верхний ряд был занят зигзаговой линией, являвшейся архаичной идеограммой воды, „хлябей небесных“, недостижимых дождевых запасов... Ниже шел ряд городков или парных изображений женских грудей, которые... по мысли земледельцев, проливали дождь на поля» [3, с. 476] (фото 3).

Ниже помещались изображения солнца или полусолнца, которые считались одними из самых сильных оберегов. Свет солнца прогонял тьму, а вместе с ней и сонмы всяких чудовищ, порожденных тьмой.

Солярные знаки в декоре русских изб никогда не помещались выше небесно-водной зоны — хлябей небесных. Чаще всего этот знак изображался на наличниках окон. Окно — это ведь не только око в мир, но и отверстие, через которое могут проникнуть злые силы.

Еще ниже помещалось изображение земли, поля в виде квадрата, ромба или ростка.

«С удивительной строгостью соблюдалась эта древняя картина мира в системе архитектурного убранства, явившемся повторением макрокосмоса в микрокосме славянского жилища», — отмечает Б.А. Рыбаков [3, с. 480].

**Фото 3. Формы хлябей небесных на фасадах старинных домов.
(Из кн. Б.А. Рыбакова «Язычество Древней Руси»)**

Декор древнего дома представлял собою сложную, глубоко продуманную, созданную тысячелетием систему защиты от злых сил.

Удивительно, но во многих случаях домовая резьба XIX в. на Севере и в Сибири содержала почти все элементы небесно-водяной символики, разумеется, она была много сложнее резьбы славянских жилищ.

С появлением пропильной резьбы произошел не просто возврат к языческому искусству, народные мастера перерабатывали древние мотивы и свободно соединяли их с классическими формами.

На многих иркутских домах можно было увидеть эти отголоски древних верований. Недавно я присмотрелась к одному деревянному дому на ул. Свердлова, на такие дома мы обычно не обращаем внимания: и сруб, и резьба на нем давно приобрели одинаковый монотонный темно-серый цвет (фото 4). Здесь есть и фриз, и пилястра, украшенная резьбой, дань классицизму, но есть и двухслойные хляби, а под ними изображение полусолнышка, а еще ниже прямоугольнички, символизирующие пашню. Растительный орнамент на пилястре напоминает языческий символ плодородия. Весь древний макрокосм налицо.

На фото 5 — дом на ул. Дзержинского, здесь на небесных хлябях особенно четко видны капельки дождя, ниже — два превосходных изображения солнца.

На следующей фотографии (фото 6) —

**Фото 4. Декор дома на ул. Свердлова
с хлябями и полусолныцами,
г. Иркутск**

та же схема: хляби, солнце и ниже, на наличниках окон, изображения птиц.

На фото 7 уже не так четко прослеживается последовательность, но основные элементы присутствуют.

Фото 8. Этот фасад украшен весьма оригинальными формами декора, однако и здесь элементы макрокосма налицо.

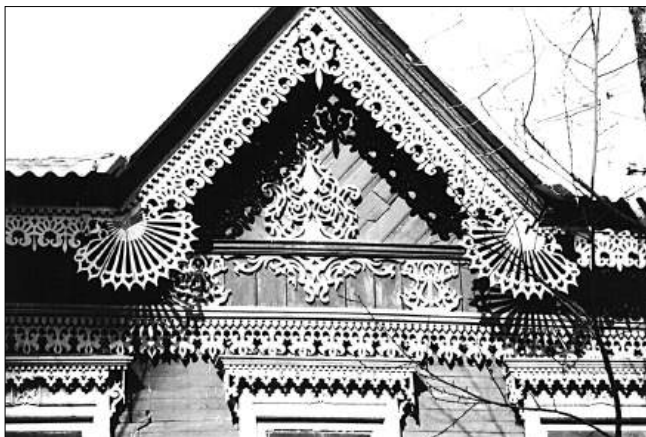

Фото 5. Подзор на фронтоне с изображением капель дождя (Иркутск, ул. Дзержинского)

Фото 6. Дом на ул. Киевской, г. Иркутск

Фото 7. Дом на ул. Тимирязева, г. Иркутск

Фото 8. Дом на ул. Рабочей, г. Иркутск

**Фото 9. Амбар, украшенный пропильной резьбой
(Иркутск, ул. Седова)**

Возможно, что и традиция украшать хозяйственные постройки усадьбы: ворота, калитки, амбары — не что иное, как отголоски древнего обычая защищать от враждебных сил наиболее уязвимые места своего жилища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оглы Б.И. Иркутск: О планировке и архитектуре города. Иркутск, 1982.
2. Павлюченкова Э. Иркутск уходящий. Иркутск, 2008.
3. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
4. Скворцов А.И. О русской народной пропильной резьбе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985.

Макогон Галина Николаевна,
*директор Заларинского районного
краеведческого музея,
пос. Залари Иркутской области.
E-mail: makogonzalari@mail.ru*

О ЛЬВАХ И РАЙСКИХ ПТИЦАХ В СИБИРИ (ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА ИЗ Д. КРАСНОЕ ПОЛЕ ЗАЛАРИНСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

На стене одного из зданий современного Иркутска, принадлежащих банку, я прочитала такие слова Сенеки: «Умение сохранить — искусство не менее необходимое, чем собрать». Речь в данном случае шла о деньгах. Можно ли называть богатством то, о чем пойдет речь, — старый дом, стоящий на обочине одной незаметной деревушки в Восточной Сибири и подобно «осколку», по академику В.П. Орфинскому, грозящий уйти в небытие? Имеет ли оно цену, и если да — то какую?

В данной работе я хотела бы остановиться на истории одного дома, в своем роде уникального и вобравшего в себя историю жизни людей, вращавшихся в общественном круговороте событий подобно песчинке в урагане.

Дом находится в д. Красное Поле Заларинского района (ул. Механизаторов, 31), в ее старожильческой части, в 12 км от районного центра по старой дороге на север: Залари — Бажир — Красное Поле — Целинный, в Нукутский район — Балаганск.

Позднее Балаганскую трассу спрямили, заасфальтировали, и к Красному Полю уже заходила от него боковая ветка через мост. Конечно, можно попасть и по старой дороге между Бажиrom и Красным Полем — они, дороги, как народные песни, тянутся во времени долго, но становятся уже незаметней на фоне развивающейся жизни. Деревня расположена на территории Бажирского муниципального образования. На 2012 г. в ней проживало 245 человек, это самая северная деревня района. Дальше по дороге начнутся земли Нукутского района (по дореволюционной старой административной системе — земли Унгинского инородческого ведомства). За Нукутским районом начинается балаганская земля. Отсюда, из Балаганского уездного городка, шло когда-то управление общественной жизнью достаточно большого уезда.

Из Балаганска и из северных районов через Балаганск спустились в наше Зааларье пашенные крестьяне, казачество, при-

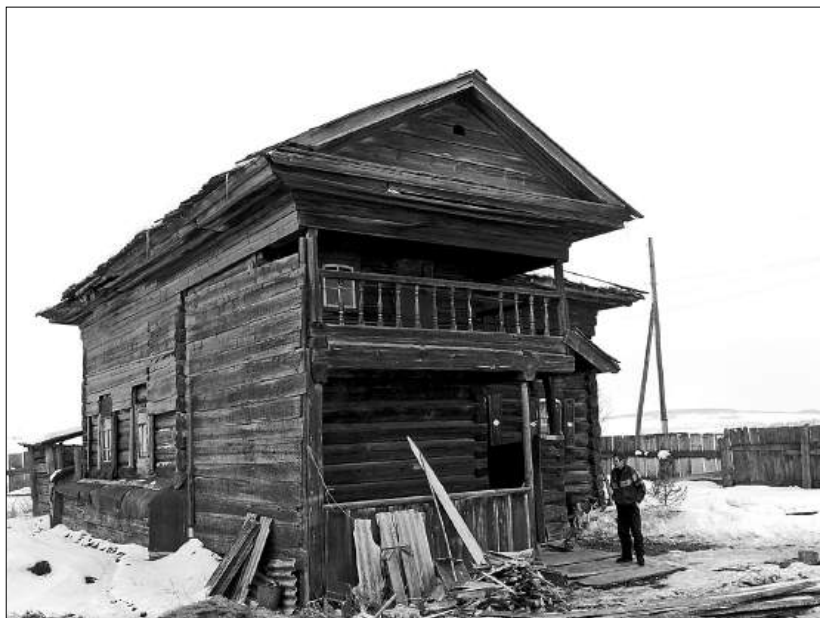
званные на освоение Московского тракта и земель юго-западных окраин губернии. Транзитной родиной многих чалдонов — старожилов заларинских сел и деревень — не можно, а нужно считать Жигаловский, Усть-Илимский, Балаганский районы. В воспоминаниях старожилов XX в. часто совпадает одна деталь: «До населенного современного пункта (топоним) когда-то здесь была заимка...» — и звучит другой топоним.

Такой расклад местной топонимии характерен и для Красного Поля. Когда-то здесь находилась заимка Тарасова, образованная в 1856 г. Заимок Тарасовых в районе было две: одна — в Веренском МО, одна — в Бажирском МО. XX век преобразовал судьбы обеих заимок: первую снес с лица земли, но сохранил ее имя в названии угольного разреза недалеко от нее, вторая заимка после революции была переименована в Красное Поле. В монографии М.М. Выборова (нашего земляка) об этом имени собственном есть такая запись: «В 1921 г. главным образом из семей коммунистов и красных партизан создаются сельскохозяйственные коммуны: „Красное поле“ — в Заларинской волости, „Красное знамя“ — на участке Покровский Тагнинской волости, „Красная звезда“ — в деревне Гришево Черемховской волости...» [1]. Невольно вспоминаются слова знаменитой американской танцовщицы тех лет Айседоры Дункан: «Я — красная, я — вся красная!» «Красное колесо» красного времени прокатилось по многим деревням России. Не обошло оно и маленькую заимку Тарасова. Мне кажется, что это наиболее достоверная причина смены топонима, хотя существуют еще и другие. В 1980-е гг., собирая воспоминания местных жителей, я нашла две версии такого красочного названия.

Заларинский район — земли клубничной ягоды, особенно богаты ею северные части района. В местном варианте в народе клубнику иначе называют красной ягодой. Поле, раскинувшееся на заимке Тарасовой, было таким богатым на ягоды, что его люди стали называть Красным, конечно, по цвету и народному названию дара природы. Вторая версия менее поэтична. Она относится к 1920-м гг., когда жизнь в сибирской деревне страстно бурлила из-за социальных перемен и раздела имущества. То в этом краю обнаруживают землянки партизан, скрывавшихся от каппелевцев; то оказывается, что здесь жил Кузьма Уваров, чья семья отличалась особой активностью в установлении советской власти в Голуметской и Черемховской волостях. А вот и история ближе к нашему названию: якобы на местном поле была кровавая схватка между враждующими сторонами и от крови, пролитой на этом месте, поле и стали называть Красным.

Есть еще одно смысловое значение слова «красный». Испокон веков у русичей «красный» означало «красивый». Есть в Красном Поле красное место — красивое открытое пространство, с которого открывается красивый обзор местности. Недалеко на возвышенности кладбище. Тут же потихонечку журчит маленькая, но приятная и освежающая речушка. Духмяные травы, высокое небо, в котором заливаются жаворонки, — и вот он, «красный дом». Как в сказке: высок, немного причудлив и затейлив. Чувствуется, что потрудился над ним настоящий мастер топора.

Во времени дом довольно стар. В 1994 г. архитектор Центра по сохранению историко-культурного наследия Л.Г. Басина при инвентаризации памятников архитектуры отнесла строительство «красного дома» к концу XIX в. и рекомендовала его к государственной охране регионального значения. В 2012 г. архитектор И.В. Калинина охарактеризовала его так: «Один из интереснейших жилых домов района. Обладает традиционным сибирским обликом и одновременно имеет ряд своеобразных элементов. Редкий для Заларинского района объем с Г-образным планом дополнен оригинальным балконом, опоясывающим сенной прируб с

«Красный дом» и его хозяин. Фото Е. Колгановой, 2012 г.

«Красный дом» со двора. Фото Е. Колгановой, 2012 г.

двух сторон (в отличие от типичного торцевого расположения). В интерьере сохранились росписи с сюжетными и цветочными рисунками» [2].

Дом значительно отличается от крестьянских домов, типичных для сибирских деревушек. Он высок. В начальной части дома сразу идет такое же высокое крыльцо. Его боковые и половые доски широкие и основательные. Они явно служили добрый век: в 2013 г. хозяин предпринял замену некоторых износившихся от времени.

Поднявшись на крыльцо и перешагнув порог, мы оказываемся в сенях — небольшой прихожей, хранящей тепло, что важно для холодной Восточной Сибири, и служащей для утилитарных хозяйственных нужд. В сенях перед входящим находится боковая дверь в чулан: там хранится все то, что нельзя держать на глазах людей, в основном это продукты и ценные для хозяина инструменты, но встречается и ненужная по дому утварь. Далее по периметру небольшого пространства — крутая лестница наверх. Она придает особую прелесть старинному дому, она создает чувство загадочности от ожидания, что же там, наверху? А там открывает-

***Вид с балкона «красного дома».
Фото Е. Колгановой, 2012 г.***

ся верхняя комната, вся из скобленого чистого дерева. Здесь сохранился настоящий дух древней Руси: половицы дерева широкие, от того, что они выскоблены, от них исходят тепло и уют. Тут же открываются две двери на балкончики по фасаду и с боку дома. Один балкончик поменьше: он выходит на сторону крыльца. Второй выдается как пристройка к дому и простирается по всей стороне дома. Его коридорчик не очень широк: все гармонично, соразмерно с пропорциями самого дома. С внешней стороны он имеет перильца из точеных витых ножек. Так

и хочется сесть здесь на деревянную скамеечку и взирать на всю округу, благо открывается красивый вид на природу с высоты 3–4 м от земли.

Спустившись в сени, войдем в сам дом. Он встретит вас полутемью, потому что на добрую четверть потолка над своей головой вы увидите настоящие полати! Широкие полати не раз описывались и упоминались в русской литературе XVIII–XIX вв. Они, как бы в унисон с задумкой устроителя дома, органично составляют часть интерьера. Полутемно здесь еще и потому, что дом не белен, а стены, крашенные старинной краской, закопчены уже изрядно. Хозяин, обитающий здесь, одинок и не балует себя лишним раз генеральными уборками. В первой комнате дома — это кухня — находятся шкаф ручной работы, по-холостяцки неприбранный стол, в углу — печь, которая не раз переделывалась. В этом же углу расположился еще один шкаф для хозяйственных мелочей. Полати и шкафы прикрыты, как и положено в деревне, ситцевыми занавесками.

Проходим в зал. Мужик курит здесь табак, поэтому самокрутки — самодельные сигарки — лежат рядом с табаком на табурете. В углу этажерка со всякой всячиной. Но среди нее особенно впечатляет скульптурка бурого медведя, которая когда-то была корпусом от настольных часов. На стене висит мутное, тоже подернутое временем, зеркало. Есть здесь свои, авторские, художественные заставки к общему виду комнаты. Прежде всего это окрашенные в зеленый цвет деревянные стены и потолок из широких гладких досок. По зеленому полю разбросал неизвестный художник растительно-цветочные узоры. Они разные. На потолке — круг, очерченный желто-зелено-красными красками. По центру — шестилепестковый цветик-шестицветик, причем каждая пара исполнена теми же цветами и лепестки находятся на одной прямой. Между лепестками расположились розово-белые розы, исполненные в стиле лубочной русской живописи. Углы потолка также заняты нарисованными растительными заставками, причем цветочный узор буквально встроился в угол в 90 градусов. В простенках между окон и на стенах — растения в вазонах, цветы которых тоже шестилепестковые. Букет-вазон как раз из тех, которые используются часто в славянской вышивке. Все цветы симметричны относительно центральной вертикальной оси. Нижняя часть стен

Кухонный шкаф

Полаты над входом

отошла от растительных узоров, и художник из народа вопреки всякому созвучию украсил низы стен вызывающими ядовито-желтого цвета ромбами и квадратами.

В этой необычности для сегодняшнего времени гармонии и хаоса деревенского дома между кухней и залом, между залом и спальней комнатой мы обнаруживаем старинные двери. Они открыты, и смотрящий прямо в дверной проем не сразу замечает это чудо в доме. По площади они небольшие, невысокие, составлены из двух досок. Окрашены в темно-лазоревого цвета. Двери поделены на две части по вертикали. В верхней части по центру в свободе лазоревого цвета парит какая-то причудливая райская птица. Хвост, хохолок, шейка птицы — она как будто из сказки. Переведенный взгляд ниже обнаруживает черту, а за ней причудливый зверь — то ли лев, то ли тигр, он силен и хищен. Он приподнялся на задних лапах и как будто находится в прыжке. Интересна деталь под его задними лапами: он упирается в округлость, как будто это земля из космоса. Почему же художник использовал образы льва и птицы? Да, конечно же, это хозяева дома, семья: мужчина и женщина, на чьих плечах держится и живет дом. Птица и лев изображены в действии, в динамике. Работа, труд, семья, действие были испокон веков главными критериями в крестьянской жизни на земле и, как янь и инь, мужское и женское начало,

объединены в единое целое и в таком «крестьянско-художественном» варианте «тарасовского автора».

Такой же сюжет обнаруживаем и на второй двери, из зала в кухню, но птица и лев уже другие по изобразительным приемам: лев стоит на внушительном, но поломанном пополам дереве, а птица напоминает попугая. Ты, зритель, уже вжился в характер дома окончательно благодаря художнику, а он, кажется, еще раз напоследок закрывающейся за тобой дверью говорит: «Да, брат, и мы были на этой земле, и мы ее чувствовали...»

Выходим из дома и, все еще под впечатлением, не отрываем взгляд от дома. Окна провожают нас, как будто глазами. Высоких пять окон. Они украшены городским, богатым и солидным для деревни волнообразным сандриком, таким кокетливо изогнутым деревянным украшением в верхней части наличника. Наличники очень схожи с таковыми городских деревянных домов. Верхняя часть наличника — лобань — высокая, изгибы сандрика волнообразные. Завитки по центру сходятся, они соединены ракушкообразной деталью. Под завитками когда-то были декоративные накладные цветы-снежинки. На каждом окне они раскиданы по три штуки. У этих окон имеются ставни: в Сибири без них никуда. Ставни украшены геометрическими ромбами.

Ограда уже пуста. Здесь нет ничего, кроме сарая для дров, современного, мелкого и невзрачного по сравнению с домом. Хо-

Роспись в центре потолка

Роспись в углу потолка, у матицы

зяин показывает, что ограда когда-то была значительно больше: здесь были конюшни. При доме много земли — этого и жаждали жадные до работы крестьянские руки.

По легендам во время сбора полевых записей определилась фамилия, кому этот дом когда-то принадлежал: Тарасовым. Сомкнулись в единое данные о старом топониме и владельце на имени собственном: Тарасовы. В 2006 г. директор Краснопольского Дома досуга Владимир Васильевич Выборов передал в музей несколько запыленных документов, найденных на крыше добротного дома. В них впервые — документально — появилась фамилия Тарасовых. Более десяти лет я целенаправленно изучала фамильное представительство не только заларинской земли, но и прилегающей к ней округи, находящейся в социальной взаимосвязи с вышеназванной. Фамилии обобщены мною в систему активных, исчезнувших, редких, возвратившихся. У каждой из фамилий своя уникальная по индивидуальности история — событийная и развивающаяся в хронологии. Фамилия Тарасовых, упоминаемая в найденном документе, вызвала у меня недоумение: в заларинской картотеке таковая не числится. Кто же этот некий Тарасов, однозначно давший свое имя заимке? Откуда он мог появиться и почему нет ни одного упоминания о нем в достаточно объемном перечне документов, находящихся в распоряжении нашего музея? Кто был автором одного из интересных домов в нашем районе? Эти вопросы требовали ответа. Я нашла вариант

ответа, который может быть ближе всех к истине. Его я отыскала в истории этих же мест.

Достаточно обширную территорию Заларинского района (как, впрочем, и Иркутского региона) можно представить в виде интересной карты: по появлению где-либо в одной из его точек какой-то фамилии и затем по мере ее распространения по ближайшей округе — уже в виде ареала. Исследование заларинских фамилий показывает несколько таких чалдонских ареалов. Так, фамилии Распутиных, Выборовых вначале возникли в трактовых селах Залари, Бажир, Холмогой, Сорты, постепенно захватывая в свой диапазон старожильческие села и большинство близлежащих заимок (Хлопуново, Фирсова, Савинова, Романова и др.). Их ареал захватил северную часть района, преимущественно с южной стороны Московского тракта. Их можно назвать «трактовыми» фамилиями. Лишь малая часть людей с этими фамилиями может встречаться в глубинке по какой-то частной причине. Фамилия Сухаревых появилась в серединной части района — в Тагне и постепенно стала родоначальной для Моисеевки и Большой Заимки, т. е. носители этой фамилии и дали жизнь этим большим населенным пунктам. За ней следом по этой же территории идут Борисовы, только количественно уступая Сухаревым. В северной части района, или слева от тракта, если смотреть на Иркутск, активно представлены Чемезовы и Антоновы, количествен-

Роспись стены

Лев — роспись в нижней части двери

но меньше — Гордины, Татарниковы. Они охватили собой село «под боком» у Заларей — Бажир, Тунгуй, Саганово, Багантуй и тут же, в считанных километрах от обоих старинных сел, и рассматриваемую в работе заимку Тарасову.

Когда я разбиралась с многочисленными Чемезовыми (одних заимок Чемезовых в этих местах числится пять), местные разъяснили мне одну небольшую хитрость: многочисленных живших в Тунгуе Чемезовых в деревне различали по именам их родителей или дедов — так четче обозначалась при разговоре принадлежность к той или иной однофамильной семье и становилось понятней, о ком шла речь. Например, детей Чемезова Осипа называют Осиповыми, а Чемезова Абрама — Абрамовыми детьми. Такая утилитарность диктовалась жизнью и приспособляемостью к современному моменту. Такой же принцип был у народов тюркского происхождения. Часто фамилии и имена чалдонов, разрабатывавших займовое место, являлись основой для названия топонима.

При размышлении над принадлежностью Тарасовской заимки становится ясно, что в основе топонима лежит имя собственное. Поскольку фамилии Тарасовых как таковой не числилось в метрических документах, может, это топоним от имени собственного и по аналогии с примером Чемезовых из Тунгуя? Версия

совпала один в один с документами. Поскольку Чемезовы обозначились в Тунгуе, то земли рассматриваемой заимки могли быть Антоновых, и тогда надо искать Тараса Антонова. Он-то и проявился в метрических записях Заларинской Николаевской церкви с 1778 по 1807 г.! У ясачного Тараса Антонова рождались один за другим дети — Тарасовичи и Тарасовны: 17 июня 1778 г. — сын Мануил, в январе 1783 г. — сын Петр. 28 сентября 1783 г. умирает первая жена Тараса Матрена Васильевна. 11 января 1781 г. он венчается со второй женой — дочерью умершего ясачного Андрея Борисова Анной, которая 24 ноября этого же года родила Тарасу сына Романа, в 1793 г. — сына Алексея, в 1794 г. — родилась дочь Мария и умирает сын четырех недель от роду, в 1795 г. на свет народилась дочь Мавра. Шесть детей за краткий срок — не исключены еще дети, так как ясачный Антонов Тарас Васильев сын умер в детородном возрасте — в 1807 г. С 1795 по 1807 г. дети явно могли еще быть. Кроме Тараса в этом временном периоде числились и другие Антоновы: Егор, Семен, Николай. В 1854 г. в документах появился еще один бажирский ясачный — Антонов Тарас (тоже!) Арефьевич, у которого есть дети Филипп, Матрёна, Феодосья. Заимка Тарасова была основана в 1856 г. Очень возможно, что именно второй Тарас Антонов был ее основателем, и предположительно ее строительство можно отнести к середине 1850-х гг.

1 июля 1938 г. был расстрелян уроженец заимки Тарасово Антонов Иван Осипович, 1905 года рождения. В 1923 г. на заимке Тарасова умер хлебопашец Андриан Антонов, 73 лет от роду. Найденные документы в доме на ул. Механизаторов в Красном Поле называли имена: Андриан и Осип Тарасовы вызваны в 1909 г. в управу по поступившей на них жалобе о самовольном захвате покосных земель. Сын Осипа был расстрелян, скорее всего, за принадлежность к зажиточному сословию. Андриан, упоминаемый в документе, умер через 14 лет «от старости». Оба они были Антоновыми и сынами Тараса, т. е. Тарасовы дети.

Дом этот должен еще удивлять. На мой взгляд, он по-настоящему интересен не только архитектурой, но и историей людей, живших в нем в разное время, хозяев этого дома, из рук в руки которых он переходил. Дом для людей, сотворивших его. Кажется, семьи, жившие в нем по очереди, из десятилетия в десятилетие, из века в век, ярко являют свое историческое время. Каждая семья представляет свои события в общественной жизни, а все вместе они составляют летопись событий на этой земле.

Следующей семьей, вселившейся в тарасовский дом, была семья Чеглаковых из далекой от Сибири Вятской губернии. 84-летний представитель этой семьи, участник Великой Отечественной войны Иван Степанович Чеглаков (1919 г. р.) был специально привезен из г. Ангарска его племянницами Т.В. Шейман и Г.П. Кашеевой, обе урожденные Чеглаковы, в мае 2013 г. для сбора материала к этой статье. Он рассказал историю заселения его семьи так, что здесь не надо ничего додумывать или предполагать: «Отец мой, Степан Тимофеевич, 1889 года рождения, с семьей жил бедно в Вятской губернии Слободского уезда Редькинской волости деревне Корытаты. В 1922 году решил он с братом Андреем лучшей доли у судьбы поискать. Сели они с Андреем на лодку в 1922 году и по реке Вятке спустились до города Кирова, или тогда Вяткой его все называли. Там побывали-пожили, а в 1929 году со Слободского сели на поезд и в Сибирь сюда махнули. Тут знакомые жили Тетенькины, они раньше еще сюда прибыли. С ними потом наши по соседству в Заларях жили и близко знались. И семья подъехала. Отец определился в дер. Багантуй жить, купил тут у Гулевичей домишко худенький, плохой за 60 рублей. В Багантуе мы три года прожили. Это самое время было для колхозов. До этого коммуны были — у них ни кола ни двора, быстро они отжили. Стали люди съезжать с Багантуя. Первым в Красное Поле, что по соседству было, съехал Хохрин Василий Семенович, тоже наш вятский, мы их детей «хохрятами» звали. Потом Гулевичи, а за ними и мы тоже в эту деревню переехали. Там колхоз «Красный партизан» был. Это было в 1932 году. В этом же 32 году раскулачивание шло. В Красном Поле Тарасовых раскулачили. Нам дом-то от Тарасовых в Красном Поле и определили. Уже тогда дом покрашен был внутри, в нем и полаты были. Одним словом, кулацкий дом был. Амбары, конюшня, мельница, поднавесы, баня были. [Иван Степанович рисует их расположение.] Из детства помню, что в самом доме от хозяев скамейки широкие, лавки оставались, лапти висели. Была в доме кладовка. Летом мы спали под крышей. Хлеб мы пекли в чашках деревянных. В этот дом мы заселились 28 сентября 1932 года.

В Тарасовой школы не было, и когда мы туда переехали, я ходил учиться в Бажир в четвертый класс. Летом много работали со взрослыми рядом. Все время верхом на лошадях, убирали снопы с телег на волокуши. В пятый класс уже пошел в Залари и жил у дяди Андрея, папкиного брата, на квартире на станции. В этом доме наша семья прожила до 1966 года. У родителей было семеро детей: Михаил — 1916 года рождения, Иван, т. е. я, 1919 года рождения, Надежда — 1922 года рождения, Виктор — 1925 года рождения,

Мария — 1930 года рождения, Владимир — 1933 года рождения, Валентина — 1941 года рождения. Я, Надежда и Виктор отсюда на войну ушли, причем Надежда ушла добровольно радистом, а в Монголии кончила курсы шоферов, встретила там брата Виктора. Потом ее на Западный фронт перебросили, она начала с Москвы, с Химок, потом их переформировали, освобождала Ростов, Минск, Борисоглебск. После войны она вернулась в этот же колхоз. У нее корочки трактористки были, так она на трактор села работать. Я пошел на флот, в Тихоокеанский флот попал. Тут война началась. Меня определили на остров Русский в военную школу учиться, я сам выбрал специальность торпедиста. Потом выяснилось, что если бы выбрал специальность минера или комендбара, то меня тоже на запад отправили бы. Нас, торпедистов, держали на востоке, потому что Япония большую опасность для нас представляла. Японцы в войну пол-Сахалина занимали. Вот мы Японию и держали. Вернулся с войны в 1948 году. Степан Тимофеевич Чеглаков, наш отец, умер с 3 на 4 июня 1966 года в Красном Поле и похоронен на Тарасовском кладбище. Мы еще жили в доме на Красном Поле. Потом в нем осталась жить Валя, самая младшая. От нее дом перешел к Владимиру Степановичу. Он был из Чеглаковых последний в нем до 1969 года и в этом же году передал его в сельсовет.

Рядом с нашим на улице дома стояли Кабанцевых, Марии Хороших, наискосок от нас — Павла и Симы Чеглаковых, но у всех их дома были не такие».

Улица, на которой расположен тарасовский дом, четко просматривается как старинная чалдонская улица. Рядом с домом Тарасо-

Иван Степанович Чеглаков. 2011 г.

ва-Чеглаковых находится его младший брат — подобный дом с небольшими расхождениями с первым. Его со временем сильно разрушили. Но в последний момент люди будто спохватились и спешно стали приводить его в порядок. В начале 2000-х гг. брошенный дом сельсовет отдал одинокой женщине с ребенком, О.П. Аверченко, которая и прибрала, как смогла, внутри. Вот какую дает характеристику этому дому И.В. Калинина: «Пример довольно редкого для Заларинского района типа сельского жилого дома с Г-образной планировкой. Необычно, что объем сеней по своей высоте превосходит высоту избы, в результате второй ярус сеней «вышка» врезан в кровлю избы. Использован редкий прием устройства крылечка, включенного в объем сеней» [3].

Далее по улице следует пробел. Когда-то тут и стоял упоминаемый И.С. Чеглаковым дом председателя колхоза Кабанцева, который, видимо, также вселился в дом раскулаченных. Был когда-то дом, да время уничтожило его вместе с памятью о нем: вот то явление, что стирает с лица родовую, семейную, классовую и просто общественную память.

Следом идет соседний дом, который принято считать круглым, т. е. с четырехскатной крышей, у которой все четыре составные

Хозяин дома Валерий Васильевич Выборов. 2010 г.

доли равны. Опять привлекают внимание оригинальные наличники этого дома, включившие в композицию щипцовый сандрик. Дом принадлежал семье Гординых, чья фамилия довольно активно употреблялась в этих местах. Пользуясь возможностью, просто доведу до сведения, что фамилия на 1864 г. читалась как Ордины, и, видимо, появилась она севернее этих мест. На названный год она была упомянута в Янгутской деревне, принадлежавшей к приходу Осинской Николаевской церкви Балаганского уезда Иркутской губернии. Из другого документа, от 18 февраля 1912 г., видно, что крестьянин Бажирской деревни Гордин Яков Семенович числен сюда из Евсеевской волости после 1891 г. Эти документы просто говорят нам об ареале проживания Гординых в Балаганском уезде.

Но вернемся опять в наш дом. Решивший посетить его сегодня никогда не увидит его без хозяина. Валерий Васильевич Выборов — хозяин-одиночка. Когда-то его мать, Мария Васильевна Выборова, выкупила его у женщины, как говорят в деревне, приехавшей из Казахстана, а эта приезжая в свою очередь — у Чеглаковых, но жила в нем недолго. Валерий привел в этот дом и жену, но жизнь с ней не сложилась. Мать Выборовых скончалась, и примерно с конца 1970-х гг. Валерий стал жить в доме один. Некий Выборов Петр переселился из Илгинской волости в 1743 г. для ямщицкого промысла поддержать своим издревле мужицким ремеслом только что отстроенный, даже еще строившийся Московский тракт на Заларинский станец. Посыпались у Петра мальцы один за другим — девять детей! Развелись Выборовы по всей заларинской округе, почти в каждой старожильской заларинской деревне. Валерий Васильевич и упоминаемый выше в статье его брат Владимир Васильевич — тоже представители старожильской заларинской семьи Выборовых в 10-м или 11-м поколении от Петра. У обоих голубые глаза, оба невысокого роста, любознательность и мужская сметка характерны для них — настоящие чалдоны. Валерий, заселившись в старинный дом, не раз принимал в дом гостей издалека. Я как краевед не могла не предлагать доехать до него гостям района, благо от Заларей по хорошей дороге это недалеко. Впервые привела я сюда группу детей из трудового лагеря заларинской средней школы № 1 еще в начале 1980-х гг. Потом мы приходили сюда в поход уже с краеведами школьного музея. У детей оставались чувства, как будто они в старинной сказке побывали. С 1990-х гг. тут побывали специалисты ЦСН, за ними — фотографы, музейщики, архитекторы из Иркутска. Некоторых сопровождала я, некоторые добирались самосто-

ательно. В 2010 г. я завезла сюда группу туристов из Чехословакии и Линденау-Ленденёвых, двигавшихся в Балаганск бросить цветы в Братское море в знак 300-летия исследователя Сибири, севера и востока Я.И. Линденау. Те, кто хотел испытать в путешествии чувства при виде старинной сибирской экзотики, нашли их. В последний раз я привезла гостей к Валерию в июле 2013 г. Ими были иркутский фотограф, с которым мы подружились потому, «что мы родились в Заларях», — Александр Дмитриевич Князев и его сын, студент Иркутского университета Ярослав: отец давал сыну великолепную практику в фотографии. Всех гостей встречал Валерий: он выслушивал эмоции гостей, терпеливо отвечал, как мог, на все вопросы зрителей, потихоньку бродил рядом и всегда волновался, хотя он сам в этом вряд ли кому признался.

Однажды он бегом добирался к нам с местного кладбища: заметил нас издалека. В деревне убили парня. Валерий пояснил тогда: учить надо ребят на кладбище управляться с могилой, ничего не умеют. Сам он, поняв, что к его дому есть необычный интерес, стал преобразовывать «экспозицию». Однажды я с огромным удивлением обнаружила существенную добавку к стенам: он развесил семейные фотографии, вышивки и старинный шелковый платок с кистями своей мамы. Он заядлый рыбак — и в сенях при входе везде висят его сети. Запах реки, чешуйки от рыбы не имитируют, а по-настоящему, «по правде», как говорят дети и понимают, о чем речь, создают обстановку полноценной жизни в доме. Валерий ничего не изменяет в доме; будь здесь кто-либо другой со склонностями к новомодностям, могли бы и полати убрать, и стены оклеить обоями, а с потолка убрать рисунки на темно-зеленом фоне, даже новая мебель вместо старинной этажерки и табуретов могла бы испортить интерьер крестьянского дома, который сейчас у Валерия представлен, что называется, вживую. Он хозяйничает на кухне среди самодельных шкафов и полок с деревенскими пестрыми занавесками, затапливает лучинами печь — и любой художник сказал бы, что он органичен здесь. Нововведений современного мира здесь нет, однако в зале в простенке между окнами, смотрящими во двор, в глаза бросается то, что напоминает нам о том, что за окном — XXI век. Под зеркалом — Валерин коллаж картинок, рисунков, надписей. О, этот коллаж тоже впечатляет не меньше, чем осмотр дома. Помятое, но спасенное фото Высоцкого с Мариной Влади, обрывок со Сталиным от папирос «СССР», календарь на 2012 г., обклеенный по краям снимками детей из местной газеты «Сельская новь». По центру «Пасхалии до 2020 г.» — сувенирная фотография «Два

котенка» в анилиновых красках, голая женщина, герцоги и герцогини в овалах, на других фото — непонятные постройки, актриса Зинаида Кириенко, герб России с надписью «Канун процветания или катастрофа?», вырезанный из целлофанового пакета большой фрагмент с мужчиной и женщиной, рисунок из журнала «Три Богородицы». Примостилась крышка от коробки, на которой нарисована девочка в платье в горошек с бантиком на голове и маленькой птичкой в руках... Они неприглядны, просто приклеены, где-то грязные, где-то порваны. Это похоже на бессистемный клубок-«лубок» идей и мыслей, посещавших людей в XX в. Эта стендовая мешанина событий века и состояния души человека, живущего здесь, пугает. Она ежедневна в глазах человека. Выходишь из дома, и взгляд невольно отмечает утраченные детали от наличников, крыльцо, проигравшее от перестройки новыми материалами, пустой двор, колхозную длинную поилку для деревенского скота, замшелую северную сторону дома и процветающий всюду — и близ дома, и по округе — бурьян... Мы удаляемся от дома-отшельника, от дома-одиночки, в котором свой непростой мир современного и прошлого, и оглядываемся назад, а в глаза бросаются улыбающиеся очи окон, грубые заплатки на крыше и лохмотья теса по краям крыши, который вот-вот рухнет от гнилости...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выборов М.М. Иркутские большевики в борьбе за повышение трудовой активности трудящихся крестьян (1921–1925 гг.) // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. Иркутск, 1961. Вып. XVIII (5). С. 50.

2. Калинина И.В. Историко-культурная оценка объектов культурного наследия (история, архитектура), как раздела проекта схемы территориального планирования районного муниципального образования Заларинского района. Иркутск, 2012. Машинопись. С. 206.

3. Там же. С. 209.

Протоиерей Владимир Новидонский,
*настоятель Уриковской Спасской церкви,
с. Урик Иркутского района Иркутской области.
E-mail: vnovidonskiy58@yandex.ru*

УРИКОВСКИЙ ХРАМ

В те времена, когда началось освоение сибирских земель нашими предками, первопроходцами, происходило так (или примерно так): когда принималось решение остановиться и обосноваться в каком-то месте, которое, конечно, выбиралось по многим критериям, одним из важнейших, первоочередных дел было создание «окрестностей» поселения. С востока, запада, севера и юга ставили четыре креста. Территория внутри от этих крестов

Уриковская Спасская церковь.
Фото Ю. Лыхина, 1979 г.

становилась «окрестностью», или под защитой четырех крестов. Обживались, распахивали земли и, конечно, начинали строить часовенку, а затем и храм.

Наверное, именно так все происходило и в нашем селе Урик. В 1673 г. в челобитной иркутскому воеводе Андрею Строганову «новопосыльные люди — Василий Нечегин, Ильин, Родионов, Иванов» и др., всего 12 человек, просили отвести им земли за р. Кудой и пониже р. Урик: «та земля для пашни годна». Воевода послал «наказную память» приказному Кудинской слободы Калине Сергееву об отводе земли новым поселенцам. Отписывая воеводе, Калина Сергеев сообщал, что земли были отведены «по

Урику-речке самые добрые и ужоие» [1].

Шли годы, десятилетия, века. За 340-летнюю историю многое происходило на уриковской земле. Урик превратился в большое село. Важнейшее место в селе сегодня занимает памятник истории и архитектуры — каменное здание храма Спаса Нерукотворного Образа, нижний придел которого, в честь великомученика Димитрия Солунского, был освящен в 1779 г. Однако... судя по сохранившимся деревьям (елям), можно с уверенностью утверждать, что с северной стороны существующего здания ранее была деревянная церковь.

Об этом пишет и протоиерей Громов в книге «Начало христианства в Иркутске...». В 1727 г., когда была создана Иркутская епархия, надзиратель Тобольского архиерейского приказа Никифор Слопцов передал «по табели» в управление епископу Иркутскому и Нерчинскому Иннокентию Кульчицкому помимо прочих церквей и монастырей по Иркутскому округу «и церковь Уриковскую во имя Нерукотворенного Образа» [2].

Более подробно с историей нашего храма можно познакомиться в «Исторической записке» Е.А. Гудаевой (1992 г.) [3]. Это исторический труд, в котором собраны материалы из различных источников и архивных фондов.

В годы революции и Гражданской войны храм оставался действующим. По свидетельствам селян, закрыли храм в 1929 или 1930 г. Из храма Божьего сделали склад для сельхозинвентаря. Время и неухоженность делали свое дело — храм разрушался. В алтаре пробили проем, были нарушены металлические «связи», что повлекло за собой появление множества трещин по все-

**Уриковская Спасская церковь.
Фото Ю. Лыхина, 1979 г.**

му зданию. Из-за отсутствия кровли над трапезной обрушилась часть свода, а затем и двухъярусное крыльцо с луковичным завершением.

В 1969 г. Иркутское областное отделение ВООПИиК провело обследование Спасского храма. В результате него был составлен акт, в котором сделано заключение, что здание храма находится в крайне аварийном состоянии. Было предложено немедленно провести консервационные работы, прежде всего по сохранению крыльца и алтарной части храма. Под этим актом первой стояла подпись архитектора Всесоюзного реставрационного научно-производственного комбината Министерства культуры СССР — Галины Геннадьевны Оранской.

Г.Г. Оранской были сделаны обмеры, составлено реставрационное задание, но вследствие отсутствия финансирования, а главное, заинтересованности правящей партии консервационные работы не были выполнены.

Здание храма продолжало разрушаться до рубежа XX и XXI вв., прежде чем на памятнике республиканского значения начались реставрационные работы. К сегодняшнему дню сделано немало. Однако... Работы носили выборочный характер. Не было ком-

***Уриковская Спасская церковь сегодня.
Фото С. Мурзина, 2013 г.***

плексного проекта ведения реставрационных работ. Отдельные «проектные» бумажки делались параллельно с ведением работ и были выполнены с грубейшими нарушениями. К примеру, при устройстве клироса (место, где находится хор, певчие) появились огромные, массивные металлические балки (а ведь исторически металла там НЕ БЫЛО). Огромная площадь балкона уродливо исказила купол храма и полностью испортила акустику. Если на клиросе были разрешены металлические балки, то... вставить стеклопакеты в окна НЕ РАЗРЕШИЛИ (исторически были деревянные)! А деревянные были изготовлены самым плохим образом... и установка производилась не специалистами-реставраторами, а безграмотными гастарбайтерами.

Можно, конечно, перечислить еще целый ряд претензий к проведенным работам. Их будет, наверное, не один том... Но думаю, что чтения, посвященные 100-летию со дня рождения Г.Г. Оранской, — это не то место и не та аудитория. А самая большая проблема Уриковского храма состоит сейчас в отсутствии финансов для продолжения реставрационных работ, недостаток которых, как я отмечаю, существует у многих здесь выступавших.

Очень рад видеть среди присутствующих и выступающих людей молодых, которые в скором будущем станут настоящими специалистами своего дела. Думаю, наступят времена, когда будет достаточным финансирование и пристальное внимание к объектам культурного наследия не только со стороны правительства, но и всех людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кашик О.И. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII в. // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. Иркутск, 1958. Вып. XVI. С. 4–9.

2. Громов П. Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский, его служение, управление, кончина, чудеса и прославление. Иркутск, 1868. С. 83.

3. Гудаева Е.А. [Уриковская Спасская церковь]: Историческая записка. Машинопись. Иркутск, 1992. 33 с.

СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Усепян Лина Хачиковна,
*хранитель фондов Музея истории
архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина,
младший научный сотрудник
Новосибирской государственной
архитектурно-художественной академии,
аспирант 4-го года обучения
Сибирского университета
потребительской кооперации,
г. Новосибирск.
E-mail: mas_ngaha@mail.ru*

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН В НОВОСИБИРСКЕ

На данный момент на территории России созданы и функционируют музеи открытого типа (экомuzeи-заповедники и музеи под открытым небом), главной отличительной чертой которых является то, что они еще окончательно не сформированы. Как правило, они создаются для сохранения уникальных памятников истории, культуры, архитектуры, археологии, этнографии, этнологии, экологии.

Можно раскрыть особенность их создания и формирования. Территориально они располагаются на свободных участках бывших усадеб, в городской черте в лесопарковых зонах и за городом в условиях, максимально приближенных к естественной среде. Для экспозиционно-выставочного показа создаются отдельные уникальные постройки (здания и сооружения), представляющие историческую и художественную ценность и являющиеся ценными образцами или характерными примерами развития архитектуры (культовой и гражданской) определенного периода времени в конкретной области. Или воссоздаются целостные архитектурно-этнографические комплексы, в помещениях которых интерьеры содержат обстановку и утварь соответствующего периода. Это позволяет демонстрировать традиционные ремесленное

производство, обустройство быта, культурные и религиозные процессы, т. е. организуется активный экспозиционно-выставочный показ.

Анализируя исторический опыт формирования музеев-заповедников и музеев под открытым небом, можно утверждать, что подобные музеи создавали видные ученые и практические деятели. Идею в реализации поддерживали профессиональные группы именитых ученых, молодые ученые, научные сотрудники, компетентные специалисты.

Следует обозначить главные финансово-социальные источники деятельности:

1. Государство, является основным гарантом постоянной деятельности (гранты, субсидии, субвенции).

2. Благотворительные фонды, мощно поддерживают функционирование экомузеев-заповедников и музеев под открытым небом (денежные средства учредителей, собственников, партнеров).

3. Инвестиционные проекты, всегда играют важную роль в развитии деятельности экомузеев-заповедников и музеев под открытым небом.

4. Самофинансирование деятельности, заключается в эффективном распределении финансовых ресурсов по подразделениям организации, т. е. оплата высшего руководства, персонала; выполнение налоговых обязательств перед налоговыми органами; развитие ведущих отраслей деятельности.

По официальным данным, подобных музеев под открытым небом и экомузеев-заповедников на территории нашей обширной России насчитывается более 100.

В настоящее время в музеях под открытым небом, которые функционируют в стране, наблюдается ситуация возникновения потребности в сохранении, атрибуции и музеефикации объектов экскурсионного музейного показа. Эти объекты можно отнести к историческим источникам исследования, которые, в свою очередь, подразделяются на две группы: материальные и нематериальные источники. Из практического опыта известно, что источником получения всех объектов являются частные или личные коллекции, студенческие и учебные практики, научно-исследовательские экспедиции.

К материальным объектам относят памятники (архитектурные, исторические, археологические, этнографические), объекты природного наследия (курганы, древние городища), предметы и вещи, иллюстрирующие жизнь, быт, ремесла (бортничество, ры-

боловство, охота, сельское хозяйство), предметы и атрибутику религиозного, культурного предназначения, различные артефакты и др.

К нематериальным объектам причисляют мифологию, литературу (эпос, сказки), народное творчество (песни, частушки, скороговорки), культуру, религию, которые сохранились в народной памяти и устной речи.

Часто перечисленные материальные объекты оказываются найденными в культурных слоях почвы на обширных территориях с различным рельефом, климатом, экологией. Данные территории почти всегда являются местами поселений народов Сибири. Огромное количество выявленных предметов иногда становится временной проблемой, которая постепенно решается их систематизацией, атрибуцией, реставрацией, музеефикацией. Большинство из них следует вносить в реестр по сохранению объектов культурного, исторического наследия и ставить на государственную охрану. На практике этот процесс занимает долгое время и связан с оформлением определенного перечня документов с предоставлением серьезного научного профессионального экспертного обоснования и поддержки высококвалифицированных специалистов в области истории, археологии, этнографии, этнологии. В идеале следует разрабатывать методы ускорения данного процесса с целью обеспечения высшего руководства, научных сотрудников, главных или ведущих специалистов, сотрудников постоянной работы в области профильной и сопутствующей деятельности.

В Новосибирске существует музей под названием «Историко-архитектурный музей под открытым небом» Института археологии и этнографии СО РАН, или «Сибирская Атлантида», как его называют в народе и ученые в научном сообществе. Музей располагается на расстоянии 4 или 4,5 км от Новосибирского Академгородка, граничит с Ботаническим садом Новосибирского научного центра СО АН СССР, удобно связан с шоссе. Территория его выгодно отличается живописным окружением, богатым рельефом с ярко выраженными двумя террасами — верхней и нижней, по границе которых протекает ручей.

При изучении фондовых материалов Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина и Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН обнаружен интересный факт. У музея под открытым небом есть три полноценных проекта, которые со времени основания и

в течение функционирования реализовывались и сейчас инсталлируются:

1. Проект профессора А.П. Окладникова, архитекторов В. Пергаева, А. Кондратьева (1970 г.) — он является основным проектом, потому что в нем описана главная концепция, намечена хронологическая последовательность демонстрации комплекса музея. Именно по нему начал создаваться комплексный историко-архитектурный музей под открытым небом.

2. Проект архитектора А.Ю. Майничевой (1989 г.) — он был сформирован на основе первого проекта музея, только в него были внесены следующие корректировки: обновлены цели и задачи, сформирована новая концепция. Конкретно по второму проекту продолжалось формирование главных выставочно-экспозиционных зон на территории музея под открытым небом, зарождались новые идеи пополнения выставочной экспозиции.

3. Проект архитектора А.Ю. Майничевой (2000-е гг.) — данный проект нацелен: в первую очередь — на реконструкцию выставочно-экспозиционных объектов, во вторую очередь — на воссоздание атмосферы жизни этнографических групп аборигенов Восточной, Западной Сибири, в третью очередь — на осуществление активного сотрудничества с партнерскими организациями, предприятиями, компаниями, фирмами, учреждениями, в том числе с музеями под открытым небом и экомузеями-заповедниками, с музеями, сфокусированными на объекты, которые имеют архитектурную, археологическую, историческую, этнографическую ценность и значимость в России.

Главной концепцией музея, по проекту А.П. Окладникова, выступает обоснованность исторической ценности экспоната музея, хронологическая последовательность демонстрации на основе исторической достоверности. При его создании делался упор именно на эти характерные отличительные качества, которые придают музею научную ценность и значимость. Его основное назначение — сохранение и популяризация памятников археологии и материальной культуры народов, проживающих на территории бывшего СССР в Сибири и на Дальнем Востоке. Представленные ценные экспонаты охватывают время от палеолита до середины XIX в.

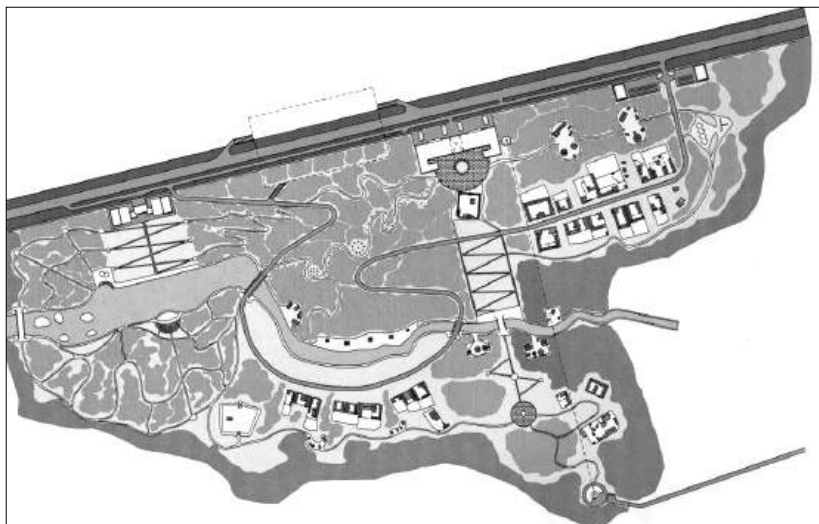
Инициатива создания музея деревянного зодчества Сибири и Дальнего Востока под открытым небом принадлежит Сибирскому отделению Академии наук СССР, лично академику Алексею Павловичу Окладникову, директору Института истории, филологии и философии СО АН СССР, крупнейшему советскому ученому —

историку и археологу. Под его руководством был создан коллектив ученых, начавших совместно со специалистами Новосибирского отделения ГИПРОНИИ АН СССР интересную и емкую работу по созданию теоретической модели экспозиционного фонда музея, структурного состава его зон. В авторский коллектив Новосибирского отделения ГИПРОНИИ АН СССР входили: руководитель проекта академик А. Окладников, консультант проекта доктор искусствоведения Е. Ащепков, кандидат исторических наук О. Волкова, главный архитектор В. Пергаев, архитектор А. Кондратьев, инженеры В. Баев, Б. Шубина, а также сотрудники Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР В. Касаткин, В. Курилов, А. Конацкий, В. Колгушкин. Они проделали большой объем работы по выявлению типологических особенностей в планировках сибирских русских крестьянских усадеб и их жилых и хозяйственных построек.

Одновременно с отработкой и научным обоснованием программ музея коллектив проектировщиков совместно с учеными-консультантами провел комплексный сопоставительный анализ наиболее подходящих территорий в пригородной зоне г. Новосибирска для размещения экспозиции музея. Верность выбора территории с точки зрения основных характеристик — транспортной доступности, живописного ландшафта, возможности перспективного развития экспозиции, совместимости по назначению

Схема экспонирования музейных выставочных объектов. 2010 г.

Планировка историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН. 2012 г.

с определенными территориями — в решающей степени повлияла на градостроительное выражение тематики комплекса и его эстетико-воспитательные качества.

Огромную работу в период выбора территории для музея, а затем в период отработки основных градостроительных позиций проекта проделал главный архитектор города и член авторского коллектива проектных предложений по музею А.С. Михайлов.

На основе анализа пяти конкурентоспособных территорий отдали предпочтение участку площадью 46,5 га на восточной окраине Академгородка. Обсуждение широкой архитектурной общественностью города с участием ученых нескольких принципиально различных схем организации территории музея и его зон подтвердило верность выбора участка для его строительства и определило конечную редакцию генерального плана, положенного в основу проекта создания музея.

В соответствии с программой музея его экспозиционный фонд охватывает исторический период времени, представляя последовательно все эпохи, от памятников археологии Сибири и до памятников архитектуры и этнографии конца XVIII – середины XIX в.

В проекте академика А.П. Окладникова (1970 г.) предлагался следующий порядок показа: археологические памятники, построй-

ки и этнография коренных народов Сибири и Дальнего Востока, а затем постройки и этнография русских поселенцев. В презентацию заложен принцип размещения в историко-хронологическом порядке по территориально-этническим признакам [1].

Экспозиционный фонд делится на три самостоятельные группы: археологические находки, материальная культура коренных народов, материальная культура русских. В соответствии с перечисленными темами вся экспозиция музея группируется в три зоны, нашедшие свое определенное положение в системе генерального плана.

Экспозицию музея открывает зона археологических находок, в которой экспонаты расположены в историко-хронологической последовательности, отражая эпохи в развитии культуры человека: палеолит, неолит, бронзовый, железный века, современный период. Памятники этой зоны представляют собой камни, прошедшие ручную обработку, с петроглифами, на которых видны сцены охоты, животные, люди, божества и т. д. Кроме плит с рисунками здесь представлены скульптурные изваяния фигур богов, камни с могильников (балбалы, оленные, обо), сооружения различных эпох.

Планировочное решение этой зоны представляет собой партерную живописно-пейзажную композицию с размещением групп экспонатов в хронологическом порядке по принципам размещения парковой скульптуры небольших размеров на ландшафте. Подобное решение обусловлено стремлением к наиболее выигрышной демонстрации мелких по физическим размерам экспонатов этой зоны.

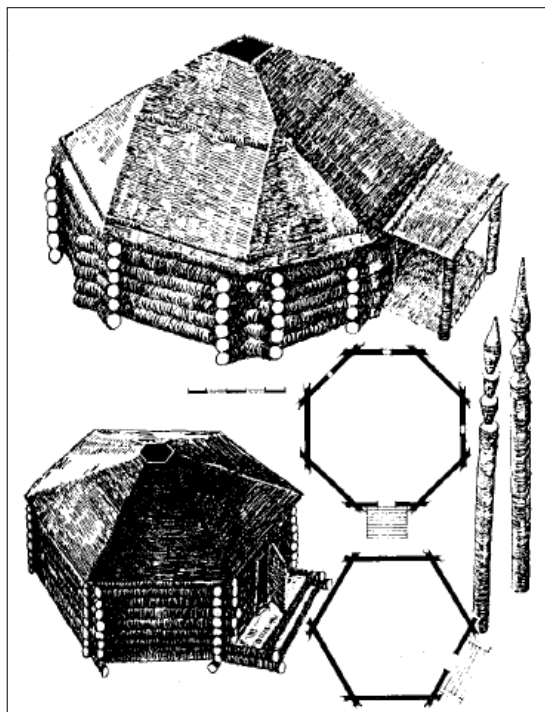
Зоны аборигенных народов и русских поселенцев сформированы проектом по территориально-этническим признакам. Построенная на этом принципе экспозиционная структура зоны аборигенных народов состоит из одного наиболее характерного для каждого народа жилого дома, культового и хозяйственного сооружения, представляющего этнографическую ценность. Аборигенных народов в выставочной зоне представлено десять: ханты, алтайцы, эвенки, якуты, орочи, буряты, нанайцы, коряки, чукчи, долганы [1].

Постройки коренных народов Сибири по степени капитальности можно рассматривать как постоянные и временные. Типология их очень разнообразна. По отношению к размещению на земле они группируются в четыре типа: подземные, полуподземные, надземные и на сваях. Каждый тип по конструкциям встречается в срубном и каркасном исполнении, а каждая конструкция

по форме может быть конической, цилиндрической, в виде усеченной пирамиды и др. Модель экспозиционного фонда построек аборигенов составлена с учетом демонстрации большинства этих типов [2, с. 82].

Состав объектов по теме проектом предполагается представить максимально полно. Например, усадьба ленского якутско-товода будет представлена юртой-балаганом с хотоном (каркасный тип), амбаром для продуктов (срубный тип), погребом с навесом, оградой усадьбы.

Примерно в таком же объеме будут представлены архитектурные и этнографические объекты других поселений и народностей Сибири. Большой интерес в экспозиции зоны представляют надмогильные и культовые сооружения, предметы проведения ритуальных обрядов у бурят, нанайцев, алтайцев, якутов, чукчей.

Восьмиугольная срубная бурятская юрта как экспонат Музея под открытым небом. Фрагмент проекта Новосибирского отделения ГИПРОНИИ АН СССР, 1970 г.

Интереснейшими сооружениями являются шаманский чум с ритуальной «родовой шаманской рекой», а также представляющий буддийскую храмовую архитектуру бурятский дуган, который входил в состав буддийского монастыря — дацана.

Внутреннее пространство жилых и культовых сооружений зоны предполагается использовать для демонстрации богатейшего этнографического фонда, накопленного Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР по теме культуры аборигенных народов Сибири.

Идея общего композиционно-пространственного решения зоны при продуманном и обоснованном планировочном положении каждого отдельного сооружения в целом представляет собой свободную систему размещения экспонатов, характерную для традиций расселения аборигенов.

Часть экспозиционного фонда зоны размещена в выставочных залах современного здания входного комплекса музея. Вопрос заключается в том, чтобы сохранить большой объем построек жилища кочевых народностей Сибири, которые готовились из легких материалов — специально обработанной бересты, войлока, шкур оленей (ровдуги) и кожи осетровых пород рыб (у орочей) по деревянному каркасу.

Кроме экспозиции по культуре аборигенных народов в залах предполагается демонстрировать и тематические материалы в виде фотографий, чертежей, макетов, археологических находок ученых и других демонстрационных материалов по результатам последних экспедиций.

Программа музея предусматривает показ русского деревянного зодчества только земледельческой зоны Сибири. Это обусловлено тем, что постройки в этой зоне более полно отражают быт и народную архитектуру русских.

На начальном этапе проектирования авторами проекта совместно с учеными была проведена работа по выявлению и систематизации региональных очагов, отличающихся характерными строительными приемами в зодчестве, этническими группами, природно-климатическими условиями и хозяйствованием.

Таких региональных очагов выявлено восемь. Планировочная структура зоны состоит из двух секторов. Сектор Западной Сибири представлен Тюмень-Тобольским, Ишим-Иртышским, Обь-Томским, Алтайским районами. Сектор Восточной Сибири представлен Красноярско-Енисейским, Ангара-Ленским, Забайкальским районами. Дальневосточный район, ввиду своей территориально-климатической отдаленности, рассматривается проектом и представляется планировочно несколько обособленно.

Проектом принята некоторая степень условности, при которой типы поселений формируются постройками из отдельных территориальных регионов, разделенных небольшими разрывами. Планировочное положение регионов принято в соответствии с последовательностью освоения русскими Сибири — с запада на восток. Основным экспонатом этой зоны является крестьянская усадьба. В экспозиции зоны широко представлены наиболее распространенные в Сибири типы усадеб, приемы застройки, ха-

ракетные для русского зодчества в целом: линейная застройка; двухрядная застройка; трехрядная застройка; двор «покоем», т. е. П-образной формы; свободная планировка двора; покоеобразная связь дома с двором; двухрядная связь двух домов, дома и двора; трехрядная связь домов и двора. Дома связывались, как правило, с сенями.

Специфические условия Сибири повлияли на планировку крестьянских усадеб. Например, возник обычай делить двор на чистый и хозяйственный. В аспекте планировки было выявлено разделение на двойную и тройную связи домов и двора, двора «покоем» — это «дом-крепость», особенно свойственный приграничным районам Сибири [2, с. 85].

Крестьянская усадьба состояла, как правило, из избы, амбаров, бань и хлевов для скота. В некоторых районах, например в Забайкалье, во дворе строилась вторая изба («избушка-малушка»), в Приангарье имел место обычай ставить двухэтажный амбар и двухэтажный хлев с сенником на втором этаже. Нередко можно было встретить одну усадьбу, перегороденную легким плетнем или забором, явно принадлежавшую двум хозяевам. Обычно это были постройки хозяев с родственными связями.

В зависимости от времени постройки, состава семьи и уровня материального благополучия населения Сибири наблюдаются усадьбы, различные по составу и количеству хозяйственных и жилых построек, типам изб.

Наиболее характерны следующие постройки: однокамерный дом — дом-одноколок, изба; двухкамерный дом — одноколок с перерубом; трехкамерный дом — изба «связью»; пятистенки и дом с развитым планом — пятистенок, изба с прирубом, крестовый дом, шестистенок с коридором, изба двойная. Кроме того, выделяются три типа вертикального развития дома: одноэтажные на подклети, одноэтажные с жильем в подклети, двухэтажные (двужирные) [2, с. 86].

При составлении модели экспозиции зоны русского деревянного зодчества учитывались наиболее характерные типы застройки в регионах. В экспозицию вошли все перечисленные разновидности усадеб и типы составляющих их жилых и хозяйственных строений.

Хозяйственные строения коллективного пользования обычно ставились вне усадеб — это общественные амбары, где хранился общественный хлеб, фонд которого собирался на случай неурожая; ветряные и водяные мельницы, риги, овины, тока. Все эти

постройки тоже включены в экспозицию, которую в будущем планируют создать.

Особую ценность музея составляют постройки оборонно-административного назначения и культовые сооружения. Они представлены уже имеющимся фондом института, но планировочное положение в зоне обеспечивает развитие этой темы во времени. Юильский острог, построенный в 1732 г. и размещенный в зоне экспозиции Западной Сибири, вывезен с р. Казыма. В его композицию входят две проезжие сторожевые башни, изба годовальщика и стена из тына.

Уникальным сооружением в составе экспозиции музея является комплекс Зашиверской крепости (постройка 1665–1667 гг.). В ее составе представлено главное культовое сооружение зоны — Спасо-Зашиверская церковь (постройка 1700 г.) с колокольной и аманатской избой, где жили заложники (реконструкция 1980-х гг.). Комплекс Зашиверской крепости входит в состав сектора Восточной Сибири. Он расположен на обособленном открытом участке, на самых высоких отметках территории музея и своим неповторимым обликом символизирует тематику этого обширного музейного образования.

Размещение фонда экспонатов в зоне русского зодчества построено по более сложной планировочной схеме, чем в двух предыдущих зонах. Для сектора Западной Сибири проектом принята система однорядной застройки улицы вдоль пруда с ориентацией фасада усадеб на водное пространство. Юильский острог как оборонное сооружение расположен обособленно. Сектор Восточной Сибири расположен на «верхней» террасе участка музея и демонстрирует поселение с двухрядной застройкой улицы.

Общая композиционная идея построения зон разработана с учетом того, чтобы в их границах сооружения, обладающие наиболее яркой архитектурной выразительностью, занимали самые выгодные участки местности. Возможность удобного осмотра каждой из зон обеспечивается их последовательным расположением на территории музея, использованием рельефа и целенаправленной программой проекта по благоустройству и озеленению. Это особенно важно для первых двух зон, в составе которых представлены экспонаты физически незначительных размеров. Например, из зоны археологических находок видна только часть экспонатов зоны аборигенов Сибири, но невозможно увидеть сектор Западной Сибири, т. е. застройку зоны русских поселений. Из зоны аборигенов виден лишь Юильский острог как тип первых поселений русских. Зашиверская крепость открывается только

Зашиверская Спасская церковь с колокольней в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН. Фото В. Щукиной, 2010 г.

при входе в сектор Западной Сибири. Если расположиться на южном склоне сектора Восточной Сибири, то для всех единичных посетителей и участников экскурсионных групп откроется общая панорама, на которой музей предстанет единой композицией и целостным архитектурным деревянным ансамблем.

На взгляд автора проекта, последовательное пространственное раскрытие экспозиции является важным фактором эмоционального воздействия архитектуры музея на посетителя. Этот вопрос требует дальнейшего развития и совершенствования на следующих стадиях разработки проекта и его реализации.

Маршруты на территории музея разработаны в расчете как на организованный, так и на самостоятельный осмотр экспозиции. Основная сеть маршрутов закольцована таким образом, чтобы обеспечить возможность последовательного просмотра экспозиции всех зон и удобного посещения каждой зоны в отдельности. Вспомогательная сеть маршрутов посредством тупиков и проходов создает необходимые условия для осмотра отдельных экспонатов. Все маршруты начинаются от входного комплекса зданий

административно-музейного и научного назначения. Здесь будут расположены гардеробы, буфеты, лекционные и выставочные залы, помещения для лабораторий ученых, реставрационные мастерские, складские площади резервного экспозиционного фонда, площадки подготовки экспозиций к выставке. Этот современный комплекс расположен на значительном удалении от экспозиционных территорий музея. Объем комплекса по плану врезан в рельеф с целью исключения возможности его зрительного присутствия во время просмотра экспозиции музея.

Проектом рассмотрены и сформулированы в виде комплексной программы следующие вопросы строительства и обеспечения полноценного круглогодичного функционирования музея: инженерная подготовка территории; определение охранных зон музея; комплексное озеленение и благоустройство по специальной программе; инженерные коммуникации: водоснабжение, канализация, теплоснабжение, электроснабжение, радио, телефон, охранный сигнализация; организация защиты экспонатов от стихийных бедствий; транспортное обслуживание.

Из авторского исследования опыта активной работы на территории Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН, или «Сибирской Атлантиды», можно выделить следующие виды деятельности:

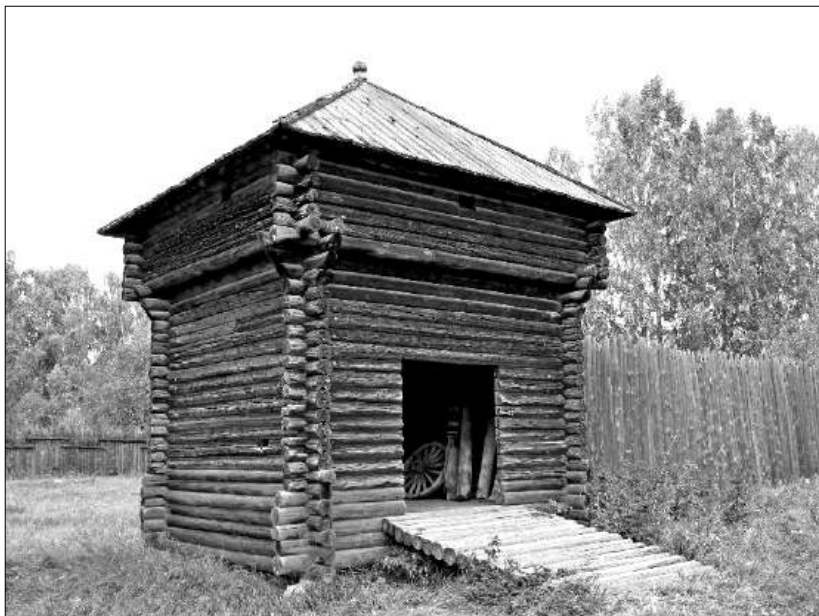
- финансирование более доходных видов деятельности (выставочная, экскурсионная);
- развитие менее доходных видов деятельности (фондо-хранительская, издательская, туристическая, культурно-образовательная, научная);
- популяризация своей деятельности посредством СМИ;
- привлечение учреждений и организаций в области отдыха и туризма, строительства и торговли, культуры и архитектуры, искусства и истории;
- участие в федеральных, региональных программах, где предоставляют финансовую поддержку в виде грантов;
- развитие партнерских отношений с музеями аналогичного или близкого профиля, которые нацелены на обмен опытом, профессиональной информацией;
- проведение общих развивающих экскурсий для широкого круга посетителей и экскурсий с профориентационной направленностью для специалистов и выпускников профильных высших учреждений России и зарубежья;
- организация выставок, посвященных различным темам;

- пополнение фондов новыми объектами научного и экскурсионного показа;
- действенная информационная помощь магистрантам, аспирантам в научных изысканиях, докторантам — в их исследованиях;
- активное участие в конференциях международного, всероссийского и локального уровней;
- ежеквартальные обновления экспозиций;
- проведение интересных акций, конкурсов, гостиных и других мероприятий по различным тематикам;
- подготовка отчетов в высшие профильные инстанции;
- участие в коллективных проектах и работа с индивидуальными проектами в сфере истории, культуры, археологии, этнографии и архитектуры.

При этом музей «Сибирская Атлантида» оказывает профильные и сопутствующие услуги жителям и гостям Новосибирска и Академгородка.

***Участники экспедиции в Зашиверск, 1969 г. (слева направо):
фотограф В.М. Семёнов, младший научный сотрудник
М.И. Угрин, фотограф Л.А. Греб, кинооператор О.Г. Максимов,
кандидат исторических наук З.В. Гоголев, младший научный
сотрудник П.А. Иванов, академик А.П. Окладников, профессора
И.В. Маковецкий, Е.А. Ащепков, кандидат архитектуры
С.Н. Баландин, архитектор Н.П. Журин***

Башня Казымского (Юильского) острога в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН. Фото В. Щукиной, 2010 г.

Профильные услуги — это совокупность взаимосвязанных услуг, которые оказываются потребителям услуг, а также четко характеризуют направления деятельности конкретной организации и способны сразу сформировать первое впечатление и представление об организации. Как правило, профильные услуги являются основой получения дохода организации. К профильным услугам относятся: экскурсионная, выставочная и фондо-хранительская деятельность музея СО РАН.

Сопутствующие услуги — это совокупность услуг, оказываемых потребителям услуг сотрудниками организации. Данные услуги прежде всего нацелены на дополнение профильных услуг и могут служить еще одним источником получения дохода. К сопутствующим услугам относят научную, культурно-просветительскую, издательскую, образовательную деятельность музея СО РАН.

В результате анализа и обобщения опыта функционирования музея под открытым небом «Сибирская Атлантида» можно выделить шесть основных секторов работы: фондо-хранительская деятельность; культурно-образовательная деятельность; научная

деятельность; выставочная деятельность; издательская деятельность; экскурсионная деятельность.

Исследования автора статьи наглядно иллюстрирует многопрофильность деятельности музея СО РАН. Это можно понять как наличие разнообразия предоставляемых товаров, сделанных работ, оказываемых услуг.

С точки зрения музееведения, наличие различного рода деятельности свидетельствует об обширности профессиональных интересов и готовности к сотрудничеству, о влиянии профессионального общества и знании современных тенденций в сфере музейных услуг. В настоящее время всем музеям под открытым небом следует внимательно изучить результаты финансово-хозяйственной деятельности по всем направлениям работы, т. е. усиленно развивать менее доходные отрасли деятельности или же вовсе их закрывать; активно финансировать инвестиции в более доходные виды деятельности; открывать новые виды деятельности, например туристическую, рекреационную, проектную, с целью разнообразить услуги и получать дополнительный доход. И всегда иметь в виду: если во вновь открытом направлении работы чувствуется высокий потенциал и актуальность (исчисляется спросом на данный товар, работу, услугу), то рекомендуется постоянно вкладывать в это направление финансовые ресурсы. Так как большинство учреждений культуры и искусства, в том числе музеи, экомuzeи-заповедники, музеи под открытым небом, функционируют на основе государственных бюджетных средств, относятся к ведомственной категории организаций, то следует становиться открытой системой для нововведений, новых разработок, инновационных проектов для улучшения функционирования в современном обществе.

С точки зрения финансового менеджмента наличие многоаспектности деятельности говорит о желании получить более высокие доходы и снизить риск потерь, о финансовой самодостаточности, которая выражается в полном самофинансировании деятельности, а также о целенаправленной работе по достижению эффективности функционирования. Как правило, эффективность деятельности экомuzeев-заповедников и музеев под открытым небом идентифицируется доходностью или прибыльностью. Следовательно, для обретения устойчивого эффективного развития рекомендуется по возможности снижать коммерческие и управленческие расходы и повышать поступление денежных средств от реализации работ, товаров, услуг. Таким образом, диверсифи-

кация — это финансовый инструмент увеличения доходности и эффективности (результативности) деятельности экомузеев-заповедников или музеев под открытым небом. Диверсификация в музее возможна при наличии денежных накоплений и капиталовложений (инвестиций).

В настоящее время музей находится в ведении Сектора музейных технологий и реставраций Отдела музееведения ИАЭТ СО РАН. В стадии разработки находится новая концепция формирования экспозиции музея, основой которой являются уже восстановленные объекты, относящиеся к периоду раннего освоения русскими Сибири. Предполагается использование этнотерриториального принципа размещения объектов, когда в непосредственной близости с постройками русских будут располагаться жилищно-хозяйственные комплексы аборигенных народов Сибири [3, с. 24]. Реставрационные и восстановительные работы включают в себя работу по следующим направлениям:

I. Комплекс археологических памятников.

1. Реконструкция жилищ населения Дальнего Востока. 3 объекта.
2. Реконструкция и экспозиция курганов пазырыкской культуры. 1 объект.

II. Комплекс Зашиверской церкви.

1. Воссоздание исторических размеров территории Зашиверского острога.
2. Реконструкция интерьера церкви, включая печь по-черному и тягловый иконостас.
3. Возведение якутского жилища.

III. Комплекс Казымского острога.

1. Реконструкция ворот Северной и Южной башен, воссоздание взвоза Северной башни, завершение тынового ограждения.
2. Реконструкция полуземлянки и чумов — жилищ аборигенного населения Казыма.
3. Реконструкция хозяйственных построек — лабазов.
4. Реконструкция мансийского святилища.

IV. Комплекс «Усадьба русского крестьянина Восточной Сибири».

1. Воссоздание избы, покрытия чистого двора, ворот, ограды, кровли, двухэтажного амбара, навеса.

2. Обустройство интерьера избы.
3. Организация экспозиций в хозяйственных постройках.

V. Прочие объекты.

1. Реконструкция бурятской юрты.
2. Реконструкция хакасского жилища с хозяйственным комплексом.
3. Теплый павильон для экспозиции этнографических и археологических коллекций.

Таким образом, перспективы развития музея заключаются в реставрационных и реконструкционных работах на живописной территории, богатой памятниками, имеющими археологическую, этнографическую, архитектурную ценность. Кроме того, успешные экспедиции ученых принесли новые находки, требующие больших экспозиционных площадей, которые можно реализовать на территории музея.

По мнению автора статьи, перед музеем раскрываются многосторонние перспективы развития, которые включают в себя выполнение задач стратегического и тактического характера.

В перспективе главными стратегическими задачами являются:

1) поиск, сохранение, реставрация, реконструкция и трансляция памятников деревянного зодчества, археолого-этнографической композиции в экспозиционных зонах и выставочных помещениях;

2) активное развитие научно-просветительской работы.

Основные тактические задачи музея «Сибирская Атлантида» включают в себя следующее:

– диверсификация деятельности и налаживание научно-просветительской работы;

– финансирование более доходных видов деятельности (выставочная, экскурсионная);

– развитие менее доходных видов деятельности (фондо-хранительская, издательская, туристическая, культурно-образовательная, научная);

– активное сотрудничество со СМИ с целью популяризации музея;

– привлечение учреждений и организаций в области отдыха и туризма, строительства и торговли, культуры и архитектуры;

– участие в федеральных, региональных программах, где предоставляют финансовую поддержку в виде грантов;

– развитие партнерских отношений с музеями аналогичного или близкого профиля, которые нацелены на обмен опытом, профессиональной информацией.

В итоге активная популяризация деятельности музея и увеличение интеграционных процессов с использованием инновационных идей дают возможность представить перспективы дальнейшего функционирования музея. С учетом тенденции появления инноваций в перспективе музей будет развиваться в инновационном обществе. При помощи активного управления интенсивными и экстенсивными факторами деятельности возможно решать поставленные тактические и стратегические задачи. При финансовой поддержке спонсоров, инвесторов и высокой работоспособности сотрудников вполне выполнимы плановые задания. Грамотное управление Историко-архитектурным музеем под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН реально способно повысить эффективность и результативность деятельности музея, развить региональное деловое партнерство в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев А., Пергаев В. Историко-архитектурный музей под открытым небом СО РАН: Проект // Фонд Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина.
2. Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: Тенденция движения русской культуры в архитектурном творчестве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.
3. Майничева А.Ю. Русские Сибири: зодчество в аспекте этнокультурной адаптации. XVII–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005.

Белова Мария Александровна,
*архитектор-реставратор,
аспирант Иркутского государственного
технического университета,
г. Иркутск.
E-mail: marbrest@gmail.com*

МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА «ИЛИМСКАЯ ДЕРЕВНЯ» В УСТЬ-ИЛИМСКЕ: ПРОЕКТНОЕ РЕШЕНИЕ

В Иркутской области расположены два архитектурно-этнографических музея: «Тальцы» (г. Иркутск) и «Ангарская деревня» (г. Братск). Своим возникновением они обязаны идее сохранения в музейной форме объектов культурного наследия, которые подвергались угрозе затопления вследствие строительства гидроэлектростанций на р. Ангаре. Начавшись во второй половине XX в., этот процесс продолжается и сегодня. Готовится к пуску четвертая ступень ангарского каскада ГЭС в Богучанах. При подготовке территорий под ложа водохранилищ проводились экспедиции различной направленности, в том числе и по выявлению памятников. В 2010 г. была обследована д. Ёдарма, расположенная на границе с Красноярским краем. По итогам экспедиции были выполнены обмерные работы и фотофиксация порядка двух десятков объектов, представляющих архитектурно-этнографический интерес. В качестве одного из возможных вариантов было предложено перевезти выявленные постройки в г. Усть-Илимск, разработав концепцию создания музея деревянного зодчества. Для города, находящегося всего в 100 км от последней уцелевшей на исконном месте исторической деревни, эта идея не нова. Еще в 1990-х гг. А.В. и Е.А. Ополовниковы проработали неосуществленный проект «Илимская крепость», предлагая заключить композицию, выполненную в новом материале, внутри стен острога. Проектное решение, выполненное в рамках дипломного проекта в ИрГТУ, предполагает иную концепцию, основанную прежде всего на подлинных объектах, размещенных с соблюдением традиционных архитектурно-планировочных принципов организации поселения. При этом учитывались отечественный и зарубежный опыт музейного строительства скансенов, а также региональные особенности деревянного зодчества Среднего и Нижнего Приангарья.

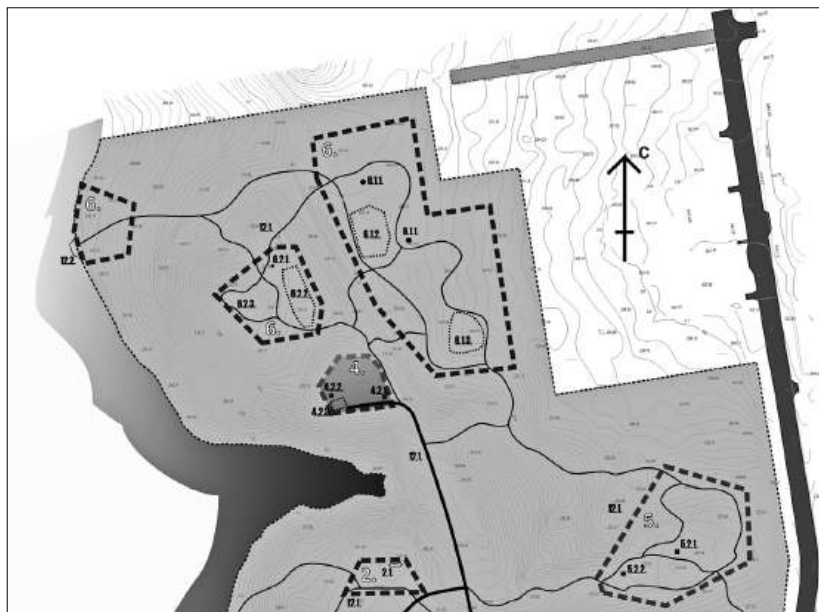
Музей деревянного зодчества «Илимская деревня» в Усть-Илимске предполагается как составная часть системы рассредоточенных в городской черте объектов (филиалов) существующего городского краеведческого музея, что подразумевает централизованное размещение основной части административно-хозяйственного комплекса на территории этого музея (фондохранилище, библиотека, служебные помещения, пр.). Площадка проектируемого музея представляет собой среднюю часть обширной лесопарковой (рекреационной) зоны на правом берегу Усть-Илимского водохранилища. Согласно генплану города, на нее выходит главный проспект, проходящий через застройку, охватывающую амфитеатром береговые склоны.

При проведении ландшафтного анализа площадки по крутизне уклонов и гипсометрии были выявлены оптимальные для размещения экспозиций и организации точек обзора участки. Вся территория имеет понижение от автодороги к водохранилищу (с запада на восток), а также повышение в направлении с юга на север. В диагональном направлении проходит заброшенная промышленная железная дорога, насыпь которой частично предлагается использовать в качестве автомобильно-пешеходной дороги, остальные участки — рекультивировать. Парковая зона во многом состоит из естественного лесного массива, представленного сочетаниями разных пород деревьев, в основном — сосна, береза, осина. Вырубки потребуются в незначительном объеме, с обязательной компенсацией насаждений. Впадающий в водохранилище ручей по логу пригоден для размещения мельничной заимки. Кроме того, предполагается в старинном поселке Невон (левый берег Ангары, ниже плотины) создать на базе нескольких деревянных усадеб, памятников-резерватов центр народного творчества и ремесел. Для рекреационно-развлекательных, прогулочных целей также используется остров Нижний.

Выбранная площадка под музей (11 га) позволяет разместить необходимые обозначенные выше секторы, преимущественно изолированные друг от друга. Ядром экспозиции является комплекс XIX в., основу которого составляют перевозимые из д. Ёдармы объекты народного деревянного зодчества. Предусмотрено создание 12 секторов, экспозиционными из которых являются шесть: русский, производственный, промысловый, звенкийский, археологический, лесной. К неэкспозиционным зонам относятся: входная, административно-хозяйственная, выставочная, детская, гостиничная, пикниковая.

В административно-хозяйственной и входной зонах должны быть размещены здание администрации, трактир, касса с музейным магазином, охранный пункт, реставрационные мастерские, автомобильная парковка. Ниже по рельефу располагается детский городок, оборудованный различными историческими малыми формами типа каруселей, качелей, пр.

Русский сектор подразделяется на три зоны по хронологическому признаку (XVIII, XIX, XX вв.). Основу композиции формируют перевозимые из зоны затопления усадьбы и отдельные объекты народного деревянного зодчества из Ёдармы. Первоначальным типом застройки Приангарья был гнездовой, который представлен в зоне XVIII в. усадьбой с крытым двором [3, с. 56]. Подобная структура характерна для первопоселенцев с Русского Севера. В дальнейшем под влиянием климатических условий надобность в крытом дворе отпала. Появляются однодворные, а затем и двух- и трехдворные усадьбы с разделением на чистый и хозяйственный (плюс скотный) дворы. Застройка приобретает порядковый тип с приоритетной ориентацией лицевыми фасадами на воду. Позднее образовывается уличная планировка с двусто-

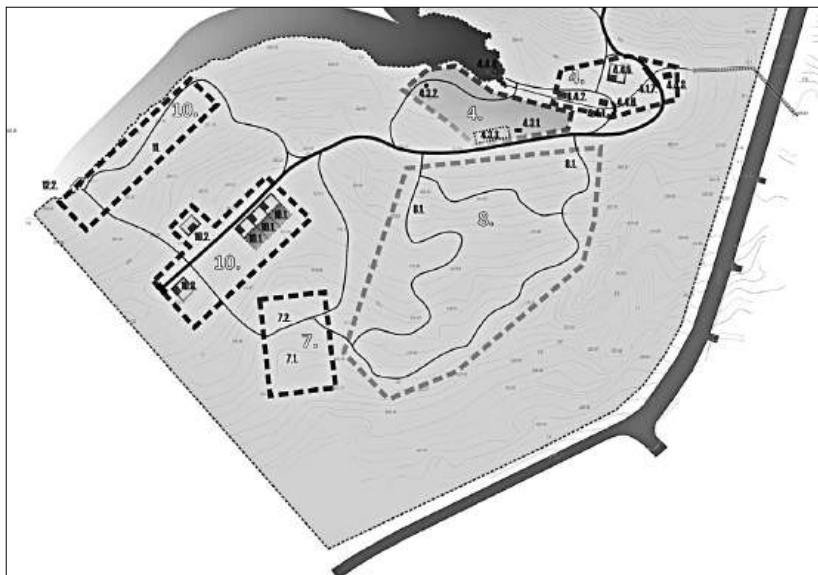

Генплан музея «Илимская деревня». Секторы № 2, 4, 5, 6

ронней застройкой. Порой складывается совмещенный тип — с одно- и двусторонней планировкой, как в Ёдарме. Немаловажное значение имело ориентирование изб по сторонам света — жилой частью, окнами преимущественно на юг [2, с. 266, 269; 6, с. 305]. Этот принцип соблюден и в зоне XIX в. С течением времени поселение развивалось, и церковь, возводившаяся, как правило, на краю села, оказывалась в застройке, часто формируя главную и единственную площадь. Таким образом, культовое сооружение (по аналогу церкви из с. Ката) поставлено в центральной части экспозиции, отделяя дореволюционную застройку от комплекса советского периода. С некоторым смещением от церковной площади обозначена ярмарочная зона. В советское время происходит сокращение земельных наделов (в соответствующем комплексе показаны четыре жилые усадьбы, школа), появляются новые объекты (поселковое правление, клуб, магазин, больница — также представлены в экспозиции), здесь планировка принята уличная, двусторонняя [5, с. 122–125; 7, с. 206].

Генплан музея «Илимская деревня». Секторы № 1, 3, 4, 5, 9

Генплан музея «Илимская деревня». Секторы № 4, 7, 8, 10

Приангарские селения окружали разбросанные и, как правило, не связанные между собой производственные постройки и угодья. Поэтому производственный сектор разбит на подгруппы, размещенные с учетом ландшафтных условий. Под пашню выбирались южные склоны, участки могли находиться на значительном расстоянии от деревни, поэтому нередко на заимках ставились временные сооружения (балаганы, шалаши, юрты /чумы/) или более основательные — избушки, срубные зимовья [8, т. 1, с. 28]. На мельничной заимке показан мельничный комплекс: наливная мельница, ставившаяся при сооружении плотины; мельница-мутовка, наиболее распространенный тип в Приангарье; мельница-ледянка, устанавливавшаяся в зимний период на льду; и появившаяся в советское время паровая мельница. Под дом мельника приспособляется одно из переносимых зимовий из Ёдармы. За ручьем — сенокосная заимка с балаганом, шалашом.

Гумно традиционно находится за пределами поселения: овин, рига и подтоварник. Последнее сооружение относится уже к середине XX в., колхозному периоду, это крупный производственный навес, его можно использовать под реставрационную или ремесленную мастерскую. Рядом — колхозный комплекс: действующая

конюшня с конным двором и выездкой и скотоводческая ферма (возможно приспособить под универсальный зал, лекторий). Выгоны для скота, как им и положено, располагаются за огородами. Также за пределы жилой зоны с целью пожарной безопасности выносились такие постройки, как мангазея (общественный амбар), кузница, смолокурня, дегтегонка, кожевня. У воды ставились бани. Размещение огородов было различным: как позади усадьбы, так и перед ней, на береговом склоне. В музее должны быть представлены все варианты, кроме того, огород усадьбы XVIII в. решено расположить с отрывом от двора, на берегу реки, в целях показа льняной культуры, возделывание которой было распространено в Приангарье именно в то время [1, с. 121, 124; 4, с. 133].

К промысловому сектору относятся рыболовецкий стан с зимовьем и различными малыми формами, запроектированный напротив советского комплекса на берегу, и охотничье «ухожье», состоящее из зимовий XIX и XX столетий, лабаза, ловушек, размещенных на возвышенном участке за деревней, к нему ведет тропа через «степь» и «тайгу».

За пашенными угодьями, в отдалении обозначен эвенкийский сектор, состоящий из зимнего стойбища и летнего юртовища. В обоих станах показаны чумы (крытые шкурами, корой), загон для оленей, лабазы, ловушки, сушилки, будки для охотничьих и ездовых собак. На зимнем стане показано лесное захоронение, на летнем — святилище. Имеется спуск к воде, где на берегу — эвенкийские лодки-плоскодонки.

С другой стороны деревенской околицы запланированы прогулочная лесная зона с экологической тропой и археологический комплекс, где можно показать раскопы, в павильонах разместить археологические находки. Предусмотрены гостиничный комплекс для размещения многодневных посетителей, включающий три усадьбы с огородами, клуб для проведения конференций, других подобных мероприятий, банный комплекс. При желании гости могут ознакомиться с практикой возделывания различных старожильческих культур на огородах.

Маршрутный план предполагает проведение экскурсий любой тематики. Маршруты разработаны таким образом, что возможен выбор очередности и полноты осмотра секторов, т. е. позволяют включать или исключать из экскурсии те или иные комплексы. Для достижения большего комфорта посетителям предоставляются музейные транспортные услуги: поездки на лошадях (верхом, на телегах), оленях, велосипедах, лодках. Минимальный маршрут

включает осмотр только одного сектора, например русского, компактно расположенного в центральной части музея.

В заключение хочется отметить, что проектируемый в г. Усть-Илимске музей посредством показа как подлинных памятников, так и реставрационных копий в окружении естественной для них среды будет демонстрировать региональное своеобразие части ареала Восточной Сибири.

ЭКСПЛИКАЦИЯ

1. АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ и ВХОДНАЯ ЗОНЫ

- 1.1. Здание администрации
- 1.2. Трактир
- 1.3. Касса и музейный магазин
- 1.4. Охрана
- 1.5. Парковка
- 1.6. Реставрационные мастерские

2. ВЫСТАВОЧНАЯ ЗОНА

- 2.1. Закрытая сцена

3. РУССКИЙ СЕКТОР

3.1. Комплекс XVIII в.

- 3.1.1. Усадьба с крытым двором
- 3.1.2. Экономический магазин

3.2. Комплекс XIX в.

- 3.2.1. Усадьба однодворная А.К. Антипина (д. Ёдарма, № 10)
- 3.2.2. Усадьба однодворная В.Н. Зарубина (д. Ёдарма, № 11)
- 3.2.3. Усадьба однодворная (д. Тушама)
- 3.2.4. Усадьба двухдворная З. Зарубина (д. Ёдарма, № 3)
- 3.2.5. Усадьба двухдворная Н.Т. Зарубина (д. Ёдарма, № 9)
- 3.2.6. Усадьба двухдворная (д. Кеуль)
- 3.2.7. Усадьба двухдворная (д. Тушама)
- 3.2.8. Баня
- 3.2.9. Церковь (д. Ката)
- 3.2.10. Поварня

3.3. Советский комплекс

- 3.3.1. Усадьба
- 3.3.2. Правление (поселковая контора, пожарный сарай с обозом)
- 3.3.3. Школа (библиотека, музей)
- 3.3.4. Клуб
- 3.3.5. Магазин
- 3.3.6. Больница

3.4. Ярмарочный комплекс

Генплан музея деревянного зодчества «Илимская деревня»

3.4.1. Питейный дом (XVIII в.)

4. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СЕКТОР

4.1. Околица

4.1.1. Мангазея

4.1.2. Кузница

4.1.3. Смолокурня

4.1.4. Дегтегонка

4.1.5. Кожевня

4.1.6. Выгон

4.1.7. Мост гужевой

4.2. Пашня

4.2.1. Зимовье

4.2.2. Юрта

4.2.3. Хлебное остожье

4.3. Сенокосная заимка

4.3.1. Балаган

4.3.2. Шалаш

4.3.3. Сенное остожье

4.4. Мельничная заимка

4.4.1. Наливная мельница

4.4.2. Водяная мельница-мутовка

4.4.3. Мельница паровая (XX в.)

4.4.4. Мельница-ледянка

4.4.5. Дом мельника (д. Ёдарма, зимовье)

4.4.6. Плотина

4.5. Гумно

4.5.1. Овин (XVIII в.)

4.5.2. Рига (XIX в.)

4.5.3. Подтоварник (XX в., реставрационная мастерская)

4.6. Колхозный комплекс (XX в.)

4.6.1. Конюшня с конным двором

4.6.2. Выездка

4.6.3. Ферма (лекторий)

5. ПРОМЫСЛОВЫЙ СЕКТОР

5.1. Рыболовецкий стан

5.1.1. Зимовье

5.2. Охотничье ухажье

5.2.1. Зимовье (XIX в.)

5.2.2. Зимовье (XX в.)

6. ЭВЕНКИЙСКИЙ СЕКТОР

6.1. Стойбище (зимнее)

6.1.1. Чум (крытый шкурами)

6.1.2. Загон для оленей

6.1.3. Захоронения (надземные, на помостах, на столбах)

6.2. Юртовище (летнее)

6.2.1. Чум (корьевой)

6.2.2. Загон для оленей

6.2.3. Святилище

7. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

7.1. Раскопы

7.2. Павильоны

8. ЛЕСНАЯ ЗОНА

8.1. Экологическая тропа

9. ДЕТСКИЙ ГОРОДОК

(в т. ч.: малые формы исторические — карусель, качели, пр.)

10. ГОСТИНИЧНЫЙ КОМПЛЕКС

10.1. Усадьба (3)

10.2. Клуб (конференц-зал)

10.3. Банный комплекс

11. ПИКНИКОВАЯ ЗОНА

Малые формы (беседки, качели, кострище, лавочки, урны, туалет)

12. ПРОЧЕЕ

Ог. — огород

12.1. Смотровая площадка

12.2. Причал

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен: монография. Братск, 2000. Т. 1.

2. Ковалев А.Я. Ангарский каскад. М., 1975.

3. Колгушкин В.Д. Развитие деревянного зодчества Нижнего Приангарья в процессе заселения и освоения района // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 44–56.

4. Маковецкий И.В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья XVI–XX вв. // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск, 1971. С. 106–143.

5. Маслова Г.С., Сабурова Л.М. Этнографическое изучение русского колхозного крестьянства Восточной Сибири в 1957–1959 гг. // Советская этнография. 1960. № 5. С. 118–128.

6. Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Земля Иркутская, деревянная... М., 2004.

7. Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л., 1967.

8. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня: в 2 т. Иркутск, 1949, 1957.

Гинзбург Екатерина Николаевна,
*директор Братского городского объединенного музея
истории освоения Ангары,
г. Братск Иркутской области.
E-mail: bgom@list.ru*

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ МУЗЕЕ

Создание архитектурно-этнографического музея «Ангарская деревня» тесно связано с промышленным освоением Среднего Приангарья. Гигантские стройки Братско-Усть-Илимского территориально-промышленного комплекса в течение двух десятилетий коренным образом изменили облик Приангарья. Катастрофически быстро начали исчезать из повседневной жизни традиции народной культуры, в особенности материальной. Вследствие строительства гидроэлектростанций на Ангаре были затоплены исторически сложившиеся поселения. Исчезли трехсотлетние села. На дно моря ушел богатейший край, богатейший не только уникальными сельскохозяйственными угодьями, но и своей культурой. На протяжении веков сложилась особая социокультурная общность — сибиряков — со своей культурой, своими традициями, которые они всячески оберегали и чтили.

Предельно актуальной стала проблема спасения того немногочисленного, что осталось от памятников сибирского народного зодчества, самобытной культуры в результате интенсивного развития промышленности в регионе.

Вопрос о создании музея под открытым небом поднимался в Братске общественностью города еще в 60-е гг. В 1965 г. кандидат архитектуры, лауреат Государственной премии, главный архитектор проекта Братской ГЭС Ю.Г. Гумбург выступил с предложением создания музея-заповедника сибирского деревянного зодчества. В 1968 г. начальник Братскгэсстроя И.И. Наймушин предложил на заседании исполкома рассмотреть вопрос об установке около плотины Братской ГЭС, на мысе Пурсей, где уже стояла юго-западная башня Братского острога (1654 г.), перевезенная из зоны затопления Братского водохранилища, старинной русской избы. Воплощение в жизнь идеи создания музея осуществил Октябрь Михайлович Леонов, ответственный секретарь Братского отделения ВООПИиК, которое начало работать в Братске в 1970 г.

В 1970–1973 гг. под руководством О.М. Леонова было проведено обследование 18 сел между Братском и Усть-Илимском, вывезено 61 строение, более тысячи этнографических предметов.

В 1976–1977 гг. был разработан эскизный проект генерального плана музея «Ангарская деревня» авторской группой в составе О.М. Леонова (Братское отделение ВООПИИК) — руководитель проекта, Б.П. Чуласова (архитектор Братского отделения художественного фонда), И.А. Тупеева, М.С. Галай (проектная контора Братскгэсстроя), научный руководитель — кандидат архитектуры А.В. Ополовников (ЦНИИТИА). В 1977 г. проект был согласован с Министерством культуры РСФСР и утвержден с некоторыми замечаниями и предложениями по доработке генплана.

В процессе создания генплана музея рассматривались различные варианты усадебной застройки. Количество усадеб колебалось от пяти до семи. Объемно-планировочный облик был снят с реальных усадеб. Предполагалось поставить одну однодворную усадьбу (из д. Подъеланка), три двухдворных (из д. Подъеланка, Гарменка), одну трехдворную (из д. Нижняя Шаманка).

Типичная однорядная, расположенная вдоль берега деревня должна была примыкать к Братскому острогу, реконструированному в натуральную величину, с угловыми башнями, острожными стенами, церковью и службами. Предполагалось и строительство археологического павильона на площадке перед входом в музей.

Пока в вышестоящих инстанциях решался вопрос быть или не быть «Ангарской деревне», вывезенные памятники сгорели. 20 июля 1979 г. Министерством культуры РСФСР был издан приказ № 32 «О создании музея народного зодчества в г. Братске на правах филиала историко-краеведческого музея».

С 1980 г. возобновились поиск и вывоз памятников для музея. Обследования велись в Братском, Усть-Илимском, Чунском, Жигаловском, Киренском районах. Проектные работы выполнялись архитекторами Б.П. Чуласовым, а с 1986 г. — С.М. Колесниковым. Реставрация велась разными темпами в разные годы, но планомерно вплоть до 1989 г.

**Усадьбы музея «Ангарская деревня».
Фото В. Садовикова, 2012 г.**

Сегодня музей «Ангарская деревня» является филиалом МБУК «Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары». Расположен в 12 км от центра города. Занимает территорию в 35 га, земля закреплена за музеем, передана в безвозмездное пользование. Состоит музей из двух секторов: эвенкийского и русского.

Эвенкийский сектор был построен на основании экспедиционных материалов, собранных Г.С. Уткиным в 70–80-х гг. XX в. в Катангском районе Иркутской области. В 1982 г. он был открыт для посетителей. В 1991 г. был дополнен, в основу реконструкции легли материалы экспедиций А.А. Павлова 80-х гг. В естественной природной среде восстановлены жилища, хозяйственные и культовые постройки эвенков, одного из коренных народов Иркутской области.

В русском секторе представлены четыре усадебных комплекса. Для Среднего Приангарья характерны своеобразные замкнутые дворы острожного типа с типовым набором построек: изба, амбары, скотные дворы, стойки с поветью, зимовье, навесы, бани, ворота, заплоты. Размещение усадеб, общественных построек (кузница, торговый амбар, амбар-мангазея) воспроизводит архитектурный ансамбль старых деревень. По берегу расположены бани, самоловня, мельница. Большинство памятников народного деревянного зодчества датируются концом XIX – началом XX в. Уникальны башня Братского острога XVII в., Михаило-Архангельская церковь XIX в. с отдельно стоящей колокольней.

Среди музеев Восточной Сибири, находящихся под открытым небом, «Ангарская деревня» уникальна лесным ландшафтом,

***Реконструкция второй башни
Братского острога.
Фото В. Садовикова, 2013 г.***

практически не измененным вмешательством человека. Проезжая через Братск в 1994 г., писатель Александр Солженицын заметил: «И место для этой „ангарской деревни“ — как от Бога выбрано, и до чего же щемят эти сохраненные избы зажиточных сибиряков, завозни на чердак, торговые рыбачьи амбары, баньки у речного берега. Крепко строено, на века, „лиственница три сосны переживет“. „Изба-связь“: чистая жилая и, через сенцы, скотная. В избах — низкие двери, для сохранения тепла; рубель (скалка с ребрами), чашки из капа, мыльный нарост с сосны — вместо мыла, корытце с водой под лучину, зубчатый барабан — тереть картофель на крахмал. В какой нецивилизованной жизни — как изобретательно и устойчиво — недерганно! — наши предки устраивали свою жизнь. В хлебных амбарах — закрома для зерна, совки, деревянные лопаты, ступы, цепа-молотила. — И вблизи — деревянная церковь Михаила Архангела, резные царские ворота и паникадила. От русской деревянной архитектуры сжимается мое сердце — и сколько же этой красоты и сердечности уже погибло и догибает на Севере сегодня, никем не наблюдаемое, не охраняемое, не подправляемое...» [1].

***Реконструкция проезжих ворот Братского острога.
Фото В. Садовикова, 2013 г.***

***Фрагмент реконструкции проезжих ворот Братского острога.
Фото В. Садовикова, 2013 г.***

Памятники деревянного зодчества, дополненные подвижными памятниками традиционной материальной культуры ангарских крестьян, воссоздают среду обитания человека в Приангарье XIX – середины XX в., историко-культурную среду прошлого: усадьбы и исторический деревенский ландшафт, и, самое главное, — сохраняют подлинные элементы народной культуры.

Время перестройки и послеперестроечного периода стало для музея трудным. На многие годы прекратилось развитие музея. По плану застройки русского сектора предполагалось создать типичную улицу ангарской деревни с однорядной застройкой усадьбами. Пятая усадьба, которую начали воссоздавать в 1994 г., так и осталась недостроенной, чем нарушена целостность восприятия музейного комплекса деревни. Осталась неукomплектованной и шестая усадьба. Не проведена реставрация мельницы. Не осуществились планы и по дальнейшему развитию музея: реконструкции Братского острога, воссоздания бурятского улуса. Отсутствует инфраструктура музея. Не сформированы административно-хозяйственная зона и зона первичного приема посетителей. Нет фондохранилища (музейные предметы хранятся в амбарах с нарушениями требований к хранению). В связи с отсут-

ствием финансирования на протяжении десятков лет остро встала и проблема ремонта перевезенных памятников. Большинство недвижимых памятников русского сектора реставрировались в 1983–1989 гг. при их перемещении в музей, и к настоящему времени элементы построек, как в усадебных комплексах, так и в отдельно стоящих постройках, под влиянием погодных условий пришли в негодность и частично разрушились. Если покосившиеся заплоты и ворота, разрушающиеся настилы дворов придают объектам показа неэкспозиционный вид, то пришедшие в негодность кровли угрожают самой сохранности памятников.

Осложняется положение и бездумным разделением органов охраны объектов культурного наследия на федеральные, региональные и местного значения. Реставрация памятников музея «Ангарская деревня» и его дальнейшее развитие лишены возможности государственной поддержки.

Единственный источник финансирования содержания памятников и их реставрации — муниципальный бюджет. Но этот источник формируется по пресловутому остаточному принципу — так же, как было при советской власти, только еще меньше, а чаще всего на эти цели не выделяется вообще ни рубля.

Баня, реставрация кровли. Фото В. Садовикова, 2012 г.

Кузница, реставрация кровли. Фото В. Садовикова, 2012 г.

В последние три года одной из эффективной форм привлечения средств на реставрацию становится проектная деятельность. Проекты реализуются за счет благотворительности ряда предприятий и организаций.

В 2011 г. в рамках реализации проекта «Мы в истории — история в нас» к 380-летию Братска-Острожного благодаря помощи партнеров (ООО «Востокнефтепровод» — 150 тыс. р.; ООО «Гидроэлектромонтаж» — 60 тыс.; Благотворительный фонд «Илим-Гарант» — 1 000 тыс. р.) были отреставрированы колокольня, алтарные ворота иконостаса церкви Михаила Архангела, заборы, закуплены стройматериалы для реставрации кровель. В 2012 г. благодаря поддержке администрации города программа «Сохранение объектов культурного наследия в архитектурно-этнографическом музее „Ангарская деревня“» была включена в мероприятия перечня проектов народных инициатив по подготовке к празднованию 75-летия Иркутской области. Из областного бюджета было выделено 3 500 тыс. р. В реализации программы была задействована и помощь Благотворительного фонда «Илим-Гарант» — 2 500 тыс. р. Средства были направлены на реставрацию кровель на 16 объектах.

Впервые за много лет музей получил возможность приступить к дальнейшему развитию музея — реконструкции крепости XVII в. Братский острог. Была построена Северо-Западная башня. Сохранившиеся угловые башни Братского острога, архивные документы и археологические исследования позволяют восстановить крепость с исторической достоверностью. Выполненные в новоделе постройки острога значительно усилят эмоциональное восприятие уникального памятника — Юго-Западной башни (1654 г.), дадут возможность демонстрации достижений русского фортификационного искусства XVII в., многофункциональности крепости: как оборонительной, культовой и административно-хозяйственной.

В 2013 г. программа «Сохранение памятников истории и культуры в архитектурно-этнографическом музее „Ангарская деревня“» реализуется благодаря поддержке Благотворительного фонда «Илим-Гарант» — 5 000 тыс. р. Будут восстановлены проезжие ворота Братского острога с амбаром и часовней.

Приступив к реализации проектов, музей столкнулся с серьезной проблемой — отсутствие реставрационных организаций, работающих с деревом, специалистов по деревянному зодчеству. Нет опытных плотников-реставраторов, архитектора. Прежние реставрационные мастерские в регионе, братский участок которых вел ранее работы, развалились. Самостоятельно муниципальному музею не под силу содержать необходимое количество плотников-реставраторов. Отсутствие ежегодного гарантированного финансирования на содержание и реставрацию памятников отрицательно сказывается на их сохранности, не дает возможности развиваться музею.

Необходима долгосрочная целевая программа «Сохранение памятников деревянного зодчества в Иркутской области», мероприятия которой предусматривали бы проведение мониторинга состояния памятников, проведение проектных и реставрационных работ, осуществление контроля за качеством реставрации, централизованную подготовку плотников-реставраторов, создание экспертно-консультативного совета по сохранению памятников деревянного зодчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Труд. 2003. 4 дек. № 226.

Тихонов Владимир Викторович,
*кандидат культурологии,
директор Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
член Президиума ИРО ВООПИиК,
г. Иркутск.
E-mail: talci@irk.ru*

ХРОНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»

Грандиозные стройки 50–60-х гг. XX в., непосредственно затронувшие Восточную Сибирь с ее сохранившимся к тому времени в значительном объеме деревянным зодчеством XVII–XIX вв., которое попадало в зону строительства и подлежало уничтожению, побудили неравнодушную к истории родного края общественность попытаться спасти его уникальные образцы для будущих поколений, в том числе в варианте, в то время набравшем моду, — в музеях деревянного зодчества.

Инициаторами создания музея деревянного зодчества под Иркутском стали зам. председателя облисполкома А.С. Агеева, директор областного краеведческого музея В.В. Свинин, директор областного художественного музея А.Д. Фатьянов, профессора Иркутского госуниверситета С.В. Шостакович и Ф.А. Кудрявцев и другие неравнодушные к сохранению старины иркутяне.

9 января 1966 г. Иркутским облисполкомом было принято постановление о создании музея под открытым небом. Встал вопрос о месте его размещения. Предлагались различные варианты: в центре Иркутска на месте Глазковского некрополя, в районе Спасской церкви и Богоявленского собора, на островах Комсомольском и Дьячем, на Верхоленской горе (5-й км Александровского тракта), на 15-м или 21-м км Байкальского тракта.

В августе 1966 г. решение вопроса о выборе места под будущий музей было поручено московскому архитектору, работавшему в то время на исторических объектах Иркутска, Галине Геннадьевне Оранской. Кроме нее в полевых выборах земельных участков участвовали работник управления культуры Юрий Ефимов и фотограф Иван Иванович Козлов. Именно Козлов оставил в своей статье «Тальцы в истоке» воспоминания о том, как выбирали место для будущего музея [1].

Для окончательного выбора земельного участка под будущий музей под открытым небом была создана авторитетная комиссия в составе начальника областного управления культуры А.М. Пер-

кальской, председателя Иркутского райисполкома М.Н. Слободчиков, главного архитектора Иркутска В.И. Шматкова, главного архитектора проекта реставрации домов декабристов и Спасской церкви Г.Г. Оранской, директоров иркутских музеев А.Д. Фатьянова и В.В. Свирина и других представителей местной власти и общественности города [2].

В октябре 1966 г. на основании акта выбора участка, решения Иркутского районного Совета депутатов трудящихся (№ 264-В от 13 октября 1966 г.) «Об отводе земельного участка областному управлению культуры для музея под открытым небом» местом расположения будущего музея было определено Тальцинское урочище на 47-м км Байкальского тракта [3]. Решением Иркутского районного Совета депутатов трудящихся за № 618-В от 2 декабря 1966 г. в Тальцинском урочище под строительство музея под открытым небом был выделен земельный участок мерою в 25 га. Решением исполкома Иркутского областного Совета за № 12-Б от 6 января 1970 г. земельный участок под музей был увеличен до 50 га.

С 1968 г. начинаются научно-исследовательские предпроектные работы по формированию экспозиционной инфраструктуры

***Дережня-малодворка в музее «Тальцы».
Фото И. Бержинского, 2012 г.***

**Амбар в усадьбе Непомилуева.
Фото И. Бержинского, 2012 г.**

музея. В 1969 г. для дальнейшего развития музейного комплекса решением Иркутского областного управления культуры в составе Иркутского областного краеведческого музея создается филиал «Музей деревянного зодчества». Руководителем филиала назначается Г.Н. Куценко, проработавшая в этой должности с 1969 по 1977 и с 1982 по 1992 г.

Работа по строительству музейного комплекса велась по следующим направлениям:

- 1) изучалась народная культура;
- 2) производился вывоз памятников, в том числе из зоны затопления Усть-Илимского водохранилища;
- 3) осуществлялся сбор движимых экспонатов для формирования экспозиций.

Помощь в вывозе памятников истории и архитектуры из зоны затопления Усть-Илимского водохранилища оказывал начальник «Братскгэсстрой» И.И. Наймушин. При этом «Братскгэсстрой» частично финансировал вывозку.

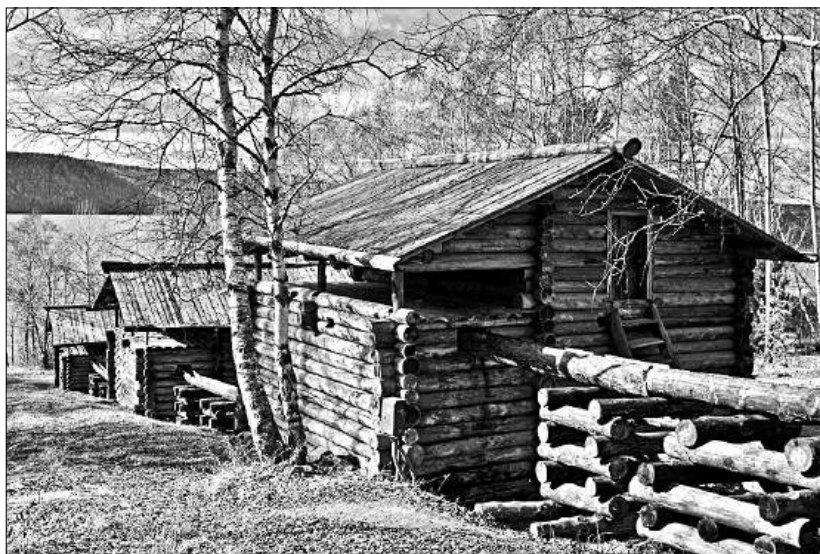
По итогам экспедиционных работ в 1971 г. формируется первый проект музея, и уже с 1972 г. с усадьбы Непомилуева и в целом деревни-малодворки начинается строительство его экспо-

зиционной инфраструктуры. Деревню-малодворку создавали из вывезенных из Нижнеилимского и Братского районов трех усадеб: Непомилуева (конец XVIII – начало XIX в.), Серышева (середина XIX в.) и Прокопьева (конец XIX в.). Автором проекта реставрации выступала Г.Г. Оранская.

Эскизный проект музейного комплекса, разработанный Оранской, уникален тем, что основан на примененном фактически впервые методе историко-культурного зонирования музейефицируемой территории.

Предложенный эскизный проект предусматривал создание экспозиционных зон: центральной, ангаро-илимской, ленской, звенкинской, витимо-бодайбинской, бурятской национальной, саяно-тофаларской, археологических находок.

На первом этапе строительства музейного комплекса, к сожалению, работы велись очень медленно. Так было до 1974 г., когда по инициативе К.С. Шаврина, главного инженера ДРСУ дальнейшие работы были возложены на первый участок ДРСУ, при котором на 47-м км Байкальского тракта был создан специальный реставрационный участок, позволивший к 1980 г. подготовить к эксплуатации первую экспозицию — деревню-малодворку.

***Каскад мельниц в музее «Тальцы».
Фото И. Бержинского, 2012 г.***

Илимская Казанская церковь и Спасская башня Илимского острога. Фото И. Бержинского, 2009 г.

С 1977 по 1982 г. заведующей филиалом краеведческого музея — музеем деревянного зодчества — стала П.С. Тугарина. Именно на ее долю выпала основная работа по достройке деревни-малодворки. Ею также были созданы экспозиции в усадьбах Непомилуева и Серышева. Экспозицию в усадьбе Прокопьева построила В.М. Станевич.

18 июля 1980 г. на основании распоряжения № 544 от 17 июля 1980 г. музейный комплекс, состоявший из трех усадеб деревни-малодворки, принял своих первых посетителей. По истечении десятилетий с того времени у современных исследователей в области этнографии и музейного дела возникает много вопросов, в том числе: почему расположение домов деревни-малодворки не соответствует инсталляции; почему усадьба Непомилуева, имевшая полукрытый двор [4], выполнена без полукрытого двора; почему дом Серышева, на историческом месте бывший пятистенком, выполнен как дом-связь? Думаю, чтобы понять это, необходимо перенестись в то время, когда многие вопросы или казались несущественными, или рассматривались совершенно по-другому, чем сегодня. При формировании экспозиции деревни-малодворки, по всей видимости, концепцией Г.Г. Оранской было в основе

показать полностью, а не фрагментарно деревню-малодворку с ее красной линией на реку, как это было на историческом месте, конечно, в ущерб инсталляции, и это, вероятно, в условиях ограниченных площадей, выделенных под музей, оправданно. Что же касается полукрытого двора усадьбы Непомилуева, то его можно сделать при очередном капитальном ремонте.

В 1982–1984 гг. велась реставрация каскада водяных мельниц (вторая половина XIX в.), вывезенных под руководством Оранской из д. Владимировки Братского района. Автор проекта реставрации Г.Г. Оранская. В 1995 г. во внутренних объемах первой мельницы А.К. Нефедьевой построена экспозиция по мукомольному промыслу в Предбайкалье [5].

В 1982 г. под руководством Оранской в музее приступили к реставрации Спасской проезжей башни (1667 г.) Илимского острога, вывезенной в музей вместе с Казанской привратной церковью в 1971 г. Реставрация башни завершилась в 1987 г. Автор проекта реставрации Г.Г. Оранская [6]. В 1997 г. во внутренних объемах башни А.К. Нефедьевой была построена выставка «Сибирские остроги».

**Экспозиция в Спасской башне Илимского острога.
Фото И. Бержинского, 2009 г.**

**Кладбище в музее «Тальцы».
Фото И. Бержинского, 2012 г.**

В 1991 г. для съемок советско-японского фильма «Сны о России» к Спасской проезжей башни в качестве декорации были с двух сторон пристроены декоративный тын и южная башня без облама. В 2010 г., после того как тын завалился, он был заменен на экспозиционный тын и с северной стороны стены построена северная угловая башня. В 2011 г. достроили тын южной башни, таким образом завершив строительство западной стены острога. Автором проекта реставрации тына, северной и южной башен острога стал А.В. Субботин.

А.В. Субботин принял эстафету реставрационных работ от Г.Г. Оранской в конце 1980-х гг. В 1986 г. зам. директора по науке Иркутского областного краеведческого музея О.В. Бычковым, пришедшим работать в музей в 1980 г., были подготовлены «Обоснования развития архитектурно-этнографического филиала ИГОМ», в последующем вошедшие в разработанный А.В. Субботиным второй вариант эскизного проекта, который был представлен на рассмотрение Ученого совета Иркутского областного краеведческого музея в 1992 г. Второй вариант эскизного проекта архитектурно-этнографического музея «Тальцы» Ученый совет не утвердил и отправил на доработку. К сожалению, из-за начав-

***Бурятский улус-летник в музее «Тальцы».
Фото И. Бержинского, 2012 г.***

шейся в стране перестройки и отсутствия финансовых средств этот вариант нормативного уровня так и не достиг.

В 1989 г. приступили к реставрации Казанской привратной часовни (1679 г.) по проекту Г.Г. Оранской. Реставрация завершилась в 1990 г. Интерьер часовни формировался в течение 1990–1994 гг., и в 1994 г. объект был открыт для посетителей музея. Дальнейшие исследования показали, что потолок часовни был не накатным, как его запроектировала Оранская, а наклонный по кровле и украшенный иконами, писанными на холсте и, по всей видимости, привезенными из Тобольска [7]. Такую, наклонную, конструкцию потолка возможно восстановить в будущем, при очередной реставрации часовни.

В 1990–1992 гг. прошла реставрация церковно-приходской школы (1885 г.), вывезенной в музей из д. Кеуль Усть-Илимского района. Автор проекта реставрации А.В. Субботин. В 1993 г. О.А. Акулич в здании построена экспозиция «Классная комната». А в 1998 г. А.К. Нефедьевой в комнатах учительницы достроена экспозиция по быту учительницы [8].

По инициативе А.К. Нефедьевой в 1987 г. на территории музея было восстановлено с элементами реконструкции одно из сохра-

нившихся после ликвидации пос. Тальцы кладбищ. На кладбище по аналогу с кладбищем в пос. Сухое (Республика Бурятия) была реконструирована кладбищенская часовня. В 1996 г., после оформления экспозиции внутри часовни, кладбище стало доступно посетителям музея [9].

Формирование этнической экспозиции, посвященной культуре предбайкальских бурят, началось в 1990 г. со строительства бурятского улуса-летника. Его экспозицию составляли шесть восьмистенных юрт. Пять юрт были в свое время вывезены из улуса Алагуевский. Реставрация всех этих юрт проводилась по проектам А.В. Субботина. В 1990 г. закончилась реставрация первой юрты и в ней открыли экспозицию «Интерьер юрты прибайкальских бурят конца XIX – начала XX в.». Автор экспозиции А.К. Нефедьева. В 1992 г. отреставрировали вторую юрту и в ней в 1994 г. открыли экспозицию «Старая вера бурятского народа — шаманизм». Автор экспозиции О.Б. Варламов. В 1994–1999 гг. завершилась реставрация юрт № 3, 4 и 5. В юрте № 3 в 1995 г. открылась экспозиция, посвященная быту молодой бурятской семьи начала XX в. Автор экспозиции Е.Г. Манушкина. Реставрация юрты № 6 продолжалась с 1997 по 2000 г. Автор проекта реставрации

**Фрагмент экспозиции дома псаломщика.
Фото И. Бержинского, 2012 г.**

А.П. Бельский. Юрта вывезена из улуса Баянгазуй Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. В юрте с 2005 г. работает выставка, посвященная материальной культуре бурят Предбайкалья [10].

В 1994 г. завершилась реставрация усадьбы с домом-одноколом из с. Кеуль Усть-Илимского района. Автор проекта реставрации А.В. Субботин. В 1994 г. в доме открылась экспозиция «Интерьер дома сельского псаломщика». Автор экспозиции А.К. Нефедьева.

В 1994 г. также завершилась реставрация дома Московского из д. Антоново Братского района. Автор проекта реставрации А.В. Субботин. В доме открыта экспозиция «Интерьер дома городского казака». Автор экспозиции И.И. Терновая. В 1996 г. экспозиция значительно дополнена и видоизменилась. Автор нового варианта экспозиции А.К. Нефедьева.

В 1995 г. завершилась реставрация усадьбы «Сотая». Автор проекта реставрации А.В. Субботин. Усадьба используется для приема VIP-гостей. В 2010 г. в доме принимали Президента Российской Федерации В.В. Путина.

В 2004–2005 гг. в музее велось строительство эвенкийской этнической экспозиционной зоны. Построены летнее и осеннее стойбища и комплекс эвенкийских захоронений. Автор и исполнитель проекта И.Т. Удыгер [11].

В 1990 г. из д. Ёдарма Усть-Илимского района в музей вывезен дом Зарубиных. Реставрация велась долгих десять лет. В резуль-

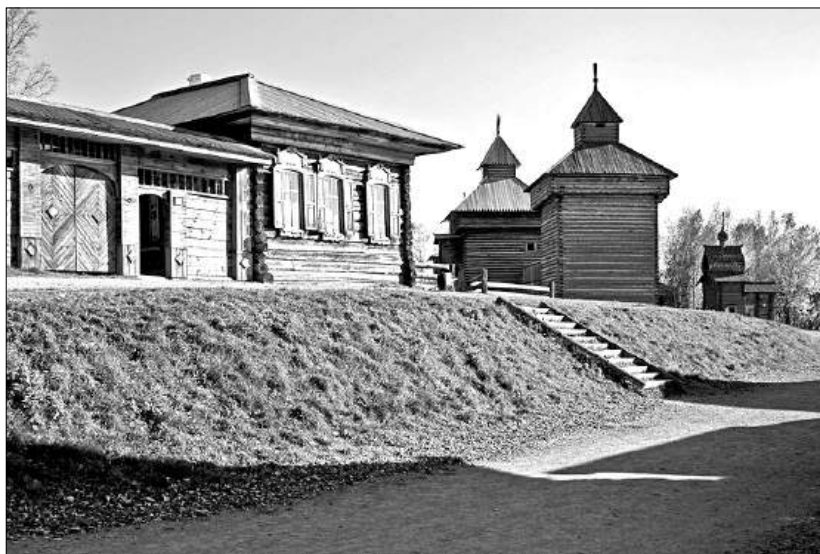
**Эвенкийская экспозиционная зона. Чум.
Фото И. Бержинского, 2012 г.**

тате ненадлежащей реставрации дом развалился, и его начали реставрировать силами музейной реставрационной бригады в 1999 г. В 2000 г. в целом усадьбу вместе с домом сдали в эксплуатацию. В доме разместили выставку, посвященную Тальцинскому стекольному заводу. Автор выставки Ю.А. Анисимова. Особенностью реставрации дома было то, что он реставрировался не по рабочему проекту, а по рабочим чертежам [12].

По предложению О.В. Бычкова в 1989 г. в музей вывезены с острова Куренного Красноярского края две избы и амбар покосной заимки. Реставрация объектов велась с 1992 по 2000 г. Автор проекта реставрации А.В. Субботин [13]. В 2012 г. в одном из домов построили экспозицию пасечника.

Строительство бурятского маломорского рыболовецкого стана» с навесом для лодок началось в 2000 г. Автор проекта А.В. Субботин. Объект сдан в 2000 г. Сооружение рыбодола проектировал А.П. Бельский. Автор общей концепции экспозиции А.К. Нефедьева. Экспозиция полностью построена в 2010 г.

Рядом с экспозицией «Бурятский маломорский рыболовецкий стан» на ручье построена в 2010 г. экспозиция «Золотодобывающий старательский стан». Автор экспозиции В.В. Тихонов.

***Усадьба Зарубина в музее «Тальцы».
Фото И. Бержинского, 2012 г.***

**Волостное правление в музее «Тальцы».
Фото И. Бержинского, 2012 г.**

В 1992 г. в музей с острова Савиновского Кежемского района Красноярского края перевезли мангазею. Реставрация мангазеи велась с 2000 по 2010 г. Автор проекта реставрации А.В. Субботин. В 2012 г. во внутренних объемах мангазеи открыта экспозиция, посвященная истории земледелия в Сибири. Автор экспозиции Р.В. Агапитова [14].

В 2001 г. в музей из с. Бельск вывезены остатки волостного правления (1914 г.). Реставрация здания и инфраструктуры велась с 2004 по 2009 г. Автор проекта реставрации А.П. Бельский. В здании и остальных объектах инфраструктуры построены экспозиции, авторами которых стали А.К. Нефедьева, В.Ю. Титов.

В 2009 г. из с. Гогон в музей вывезена кузница. Реставрация ее проведена в 2010 г. Внутри ее создана экспозиция. Автор экспозиции В.И. Кондратьев.

С 2001 г. в музее ведется формирование тракторной историко-культурной экспозиционной зоны. Завершена реставрация дома Усова, дома-лавки, домов Горелова и Войнова. Перевезены и реставрированы двухъярусный амбар и хомутарка в усадьбе Усова.

Основная проблема, сдерживающая дальнейшее развитие экспозиционной инфраструктуры, — это недостаток финансиро-

вания и низкий профессиональный уровень плотников-реставраторов подрядных реставрационных организаций. Подрядные реставрационные организации в целях получения максимальной прибыли вместо профессиональных плотников используют гастарбайтеров из бывших южных республик СССР. В целях выполнения программы реставрационных работ работникам музея фактически приходится обучать этих гастарбайтеров навыкам плотницкого мастерства.

В 1997 г. Приказом по Комитету по культуре Иркутской области был ликвидирован реставрационный участок, работавший в музее, — СНРПМ-3, из-за его неэффективности. Основной объем реставрационных работ был передан созданному уже в составе музея реставрационному участку. Музей получил федеральную лицензию на реставрацию и приступил к работам.

Силами музейного реставрационного участка в течение 1997–2001 гг. был выполнен значительный объем работ. При этом их стоимость была в четыре-пять раз меньше, чем если бы их вели коммерческие структуры. За эти годы отреставрированы дом Зарубина и незавершенная инфраструктура; реконструированы три бани волостного села; построен навес для лодок в рыболовец-

**Экспозиция одной из комнат волостного правления.
Фото И. Бержинского, 2012 г.**

ком стане; отреставрирована юрта № 6; завершена реставрация покосной заимки с конным двором; реконструированы тыновые стены и северная башня Илимского острога; построены касса, помещения для охраны и для научных сотрудников на въездной зоне. Однако в 2001 г. Комитет по культуре Иркутской области и Центр по сохранению историко-культурного наследия прекратили финансирование реставрационных работ, выполняемых реставрационными участками музея. В итоге зарплату работникам реставрационного участка пришлось выдавать за счет собственных доходов музея. Поэтому в 2001 г. реставрационный участок музея пришлось закрыть. В 2012 г. в составе музейного комплекса вновь воссоздан реставрационный участок. За 2012–2013 гг. рабочие музейного реставрационного участка полностью отреставрировали все проблемные объекты музея и участвовали в перевозке в музей потенциальных экспозиционных объектов-зданий с территорий области.

Музейный комплекс «Тальцы» развился и в административном плане. Приказом Комитета по культуре Иркутской областной администрации за № 321 от 18 ноября 1993 г. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» из филиала областного крае-

***Строительство тракторной экспозиционной зоны
в музее «Тальцы». Фото И. Бержинского, 2012 г.***

ведческого музея преобразован в самостоятельное учреждение культуры. А распоряжением Правительства Иркутской области за № 70-рп от 9 марта 2011 г. ГУК АЭМ «Тальцы» преобразован в Иркутское областное государственное автономное учреждение культуры «Архитектурно-этнографический музей „Тальцы“».

С 24 июля 1999 г. решением № 9 координационного Совета по культуре межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» стал «Методическим центром Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом».

С 1994 г. в музее ведется формирование собственных фондовых коллекций, к настоящему времени насчитывающих более 20 тыс. экспонатов по материальной культуре жителей Предбайкалья.

В рамках повышения стандартов обслуживания населения в 2012–2013 гг. на территории музея построены три благоустроенных туалета. В 2011 г. вся территория оборудована ночным освещением.

Проведенная в музее научная работа не только позволила составить в 2012 г. общий эскизный проект развития музея, но и создать более 90 словарей, монографий, брошюр, журналов. С 1996 г. издается научно-популярный журнал «Тальцы». Вышло 36 номеров. С 2001 г. издается научный сборник «Известия Архитектурно-этнографического музея „Тальцы“». Вышло шесть выпусков. В последние годы сотрудники музея, повышая свою квалификацию, защитили четыре кандидатские и одну докторскую диссертации. Для нормальной работы персонала музея отреставрированы два административных здания по адресам: ул. Халтурина, 2 и ул. Грязнова, 22. Под фонды музея приспособлено помещение по адресу ул. Байкальская, 255, расположенное в каменном здании, где созданы нормативные условия для хранения экспонатов.

В настоящее время музейный комплекс принимает около 160 тыс. посетителей. Его экспозиционная инфраструктура построена на 15 процентов от проектной мощности. Впереди достройка инфраструктуры Илимского острога и инфраструктуры экспозиции Московского тракта. Необходимо приступить к созданию верхоленской, витимо-бодайбинской, городской экспозиций и строительству улуса-зимника бурятской экспозиционной зоны.

Сегодня музейный комплекс «Тальцы» вместе с оз. Байкал становится узнаваемым брендом Иркутской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Козлов И.И. Тальцы в истоке // Тальцы. 2001. № 1 (12). С. 86–95.
2. 25 лет Архитектурно-этнографическому музею «Тальцы» / авт.-сост. В.В. Тихонов, А.К. Нефедьева, М.Л. Никифорова. Иркутск, 2005. 16 с.
3. Там же. С. 4–5.
4. Тихонов В.В. Усадьба Непомилуева из деревни Гарманка // Тальцы. 2004. № 1 (20). С. 36.
5. Нефедьева А.К. Мукомольный промысел в Среднем Приангарье (конец XIX – начало XX вв.) // Тальцы. 1997. № 1 (2). С. 3–9.
6. Лыхин Ю.П. Об Илимском остроге и Спасской проезжей башне // Тальцы. 2010. № 2 (35). С. 16.
7. Нефедьева А.К. Казанская привратная церковь Илимского острога // Тальцы. 2000. № 1 (8). С. 59–68.
8. Тихонов В.В. Опыт работы Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (1966–1998 гг.). Иркутск, 1999. С. 25; Нефедьева А.К. Экспозиция церковно-приходской школы в музее «Тальцы» // Тальцы. 2001. № 1 (12). С. 60–65.
9. Нефедьева А.К. Сельский погост // Тальцы. 2003. № 2 (18). С. 60–63.
10. Тихонов В.В. Бурятская юрта конца XIX – начала XX века из улуса Баянгазуй // Тальцы. 2002. № 1 (13). С. 39–44.
11. Тихонов В.В. Эвенкийское стойбище музея «Тальцы» // Тальцы. 1998. № 2 (4). С. 59–64.
12. Тихонов В.В. Усадьба крестьянина Зарубина Среднего Приангарья начала XX века // Тальцы. 2001. № 1 (12). С. 66–70.
13. Тихонов В.В. Сенокосная заимка Среднего Приангарья конца XIX века // Тальцы. 2000. № 4 (11). С. 36–40.
14. Ометова М.Л. Мангазея в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» // Тальцы. 2010. № 2 (35). С. 92.

Кайгородова Наталья Васильевна,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры общеобразовательных дисциплин
Иркутского государственного
технического университета;
старший научный сотрудник
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»,
г. Иркутск.
E-mail: kaygorodova@mail.ru*

ФОРМЫ СЕЛЬСКОЙ ТОРГОВЛИ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В настоящее время Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» находится в стадии развития, сформировано около 20 процентов экспозиционных площадей. В музейном комплексе частично воссозданы ангаро-илимская, бурятская, эвенкийская и тофаларская зоны. Сегодня музей ведет создание еще двух крупных экспозиционных зон: «Трастовая экспозиционная зона» и «Илимский острог» (1667 г.).

Трастовая экспозиционная зона представляет собой фрагментарную реконструкцию Московского тракта, прошедшего через юго-западные земли Иркутской губернии. Работы по созданию трастовой экспозиционной зоны в музейном комплексе «Тальцы» были начаты в 2001 г. Одним из объектов будущей зоны является лавка из с. Тулюшка Куйтунского района Иркутской области. Дом был вывезен в музей в 1991 г., затем был перенесен в экспозиционную часть и отреставрирован. Строение представляло собой прямоугольное здание с прирубом-тамбуром в правом углу юго-восточного фасада. Дом состоял из четырех жилых помещений, одно из которых использовалось хозяевами под лавку. Окна уличного фасада были декорированы наличниками со вставками, между окнами находилась входная одностворчатая дверь в лавку. Согласно научной концепции музея в доме из с. Тулюшка планируется разместить экспозицию «Крестьянская торговая лавка». Для этого был проведен анализ научной литературы, отразившей особенности и формы крестьянской лавочной торговли в деревнях и селах Иркутской губернии в притрастовой зоне.

На рубеже XIX–XX вв. в связи с развитием транспортных артерий Восточной Сибири, многократным увеличением численности населения возникает необходимость товарного обмена не только в крупных центрах региона — в городах, но и в крупных селах.

Активное развитие в Иркутской губернии в этот период получает сельская торговля.

Важные исторические сведения о возникновении и развитии крестьянских торговых лавок представляют «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» [9]. В этом труде отражена взаимосвязь сельской торговли с крестьянским земледельческим хозяйством. Указаны виды промыслов, которыми занимались крестьяне Иркутской губернии, и товары, выставляемые ими на продажу как результат своего промыслового занятия. Также дается описание периодов активной лавочной торговли в течение года, сообщаются условия закупа товаров у крестьян, купцов, инородцев.

Проблема классификации сельской торговли в губернии рассматривалась в работах ряда авторов. Среди научных трудов особо можно отметить работу директора краеведческого музея с. Залари Иркутской области Г.Н. Макогон «Заселение Заларинского района в годы столыпинской аграрной реформы» [7]. Автор описывает причины резкого увеличения числа сельских торговых лавок в конце XIX в. и связывает этот фактор со строительством Транссибирской дороги и переселенческим движением в Сибирь.

Обширную информацию можно почерпнуть в научной работе сотрудников Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» А.К. Нефедьевой и В.В. Тихонова «Московский тракт» [10]. Авторы отмечают особенности сельской торговли, указывают фамилии наиболее известных и зажиточных купцов того периода, державших торговые лавки.

Значительное увеличение населения Иркутской губернии приходится на рубеж XIX–XX вв., когда в результате строительства Транссибирской железной магистрали, проложенной в Восточной Сибири в 1890-х гг., в Сибирь устремились большие потоки крестьян из Европейской России. Переезжали целыми деревнями, селами, улицами, земляческими сообществами на «обживание нетронутых сибирских просторов» [8, с. 33].

Последующая столыпинская реформа начала XX в. позволила крестьянам быстрее выходить из общины вместе с землей, которая становилась его собственностью. Второй стороной реформы было переселение крестьян в Сибирь с целью освоения новых земель, что способствовало созданию единоличных сельских хозяйств.

Внутренние факторы развития сибирской деревни обусловили формирование группы сел, в которых торговые отношения

складывались ускоренными темпами. Речь идет о трактовых селах Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв. Трактовые села из-за выгодного географического положения быстро превращались в центры местной торговли. Несмотря на большое количество главных трактов Иркутской губернии, основной спрос на мануфактурные, галантерейные, бакалейные изделия, а также на сельскохозяйственный инвентарь, посуду, одежду и прочие товары обеспечивали села Московского тракта [10, с. 245].

Связано это было как с большим количеством населения, проживавшего вдоль Московского тракта, который протянулся через обширную территорию плодородных земель с мягким климатом, так и с широким распространением среди местных жителей занятий различными промыслами, которые служили неплохим подспорьем в крестьянском хозяйстве.

Сельская торговля была тесно связана с крестьянским земледельческим трудом, домашним животноводством, а также с охотой, рыбной ловлей, сбором дикорастущих растений, заготовкой древесины и производством изделий ремесла: сапожного, столярного и т. п. Торговая и промысловая деятельность крестьянского населения ориентировалась на нужды земледелия. Развитие местных промыслов стимулировала удаленность сибирского рынка от крупных производителей товаров широкого потребления. Многие предметы хозяйственного обихода изготавливались кустарным способом на месте, самостоятельно.

В сельской торговле на рубеже XIX–XX вв. можно выделить три основных направления: продажа товаров в торговых лавках, продажа товаров на базарах и ярмарках, меновая торговля. В торговле традиционно участвовали представители крупного купечества, мелкие крестьяне-лавочники и крестьяне-земледельцы, продававшие свой товар на ярмарках и воскресных базарах покупателям напрямую.

Большое распространение на селе получила продажа товаров в торговых лавках. Торговая лавка — торговое сооружение в виде отдельного здания или комплекса построек, предназначенных для розничной и мелкооптовой торговли. Со стремительным увеличением численности населения на Московском тракте увеличивалась и численность торговых лавок на селе. По данным Статистического комитета, в последней трети XIX в. в трактовых селах и промышленных поселениях Московского тракта работали 136 питейных заведений и 152 бакалейные, мануфактурные и галантерейные лавки, что вместе составляло 288 торговых заведений. К концу XIX в. в связи со строительством Транссибир-

ской железной дороги и переселенческой политикой государства в притрактовой местности уже располагались 151 питейная лавка и 169 бакалейных лавок. При этом численность населения в конце XIX в. на Московском тракте составляла 19 537 душ мужского пола и 38 488 душ женского пола [9, с. 264].

В целом необходимо отметить, что торговых лавок в Иркутской губернии было значительно меньше, чем в центральных районах России. Например, в «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» (1890 г.) приводится следующая статистика: Борисоглебский уезд Тамбовской губернии — 988 лавок; Саратовский уезд Саратовской губернии — 549 лавок; Острогожский уезд Воронежской губернии — 910 лавок. В двух исследованных округах Иркутской губернии (Балаганский, Нижнеудинский) совокупно было 323 лавки [9, с. 262].

Лавочную торговлю в селениях держали местные купцы. В основном они имели торговые лавки в селах по Московскому тракту: Кимильтей, Тулун, Усолье (лавки иркутских купцов Метелева и Щелкунова), Тайшет, Тыреть (лавки московской купчихи А.И. Громовой), Залари (лавки купцов Г.Г. Курсанова, А.С. Солонина, Ф.А. Иванова, П.П. Гусева, Я.И. Швеца), Урик (лавка купца Б. Швеца) [10, с. 246]. Сельская торговля купцов достигла такого размаха, что иркутские купцы создавали в селах склады с товарами для оптовой торговли.

Торговыми лавками в селах владели также и мелкие крестьяне-лавочники. Они нередко перекупали товары на купеческих оптовых складах, а затем продавали их крестьянам местных селений с небольшой наценкой. Благодаря присутствию купеческих складов в некоторых наиболее крупных торговых селах губернии деревенские лавочники имели возможность не ездить в Иркутск издалека, а делать закупки на таких местных складах. Основными товарами мелких лавочников были мануфактура и бакалея.

Часто лавочники скупали товары крестьянской промысловой деятельности, продавая их односельчанам. Например, в с. Урик Иркутского района в 1912 г. было восемь бакалейных и одна чайная лавка. Большинство этих лавок принадлежали крестьянам Урика: И.И. и У.И. Малых, А.М. Ворошилову, С.М. Терентьеву, С.А. Плюскину, семье Козьминых. В с. Куяда к таким предпринимчивым крестьянам относились братья Усовы. Они занимались скупкой мяса и скота у бурят, рыбным промыслом и поставками в

город [3, с. 7]. В отдаленных от Иркутска районах процесс роста сельской торговли проходил еще активнее.

Владельцы продовольственных лавок снабжали население всеми необходимыми продуктами: чаем, сахаром, конфетами, разного рода колбасами, кренделями, баранками, сладостями. Торговля овощами в трактовых селах была слабой. Большим разнообразием товаров отличались мануфактурные лавки.

Разгар лавочной торговли в Сибири приходился на осенне-зимний период, который условно делился на два полупериода: с Покрова на Рождество — наибольшая продажа, с Рождества до Пасхи — уже несколько меньше; и даже постепенно начинали заключаться «покупки в кредит». В остальное время года кредит играл большую роль в лавочной торговле и особенного значения достигал весной, в покос и жнитву. Кредит повышал цену товара, например, на аршин ситца «накидывался» процент в 1–2 к., с обязательством отдать долг осенью, обычно после уборки урожая или до зимы. Оплата кредита производилась хлебом, причем большею частью не совершался прямой обмен товара на хлеб (как в меновом торге с бурятами), а делался расчет денежной стоимости того и другого и деньгами уплачивалась разность — этот расчет назывался покупкой «в денежный почет» [9, с. 276]. Отдавать товар из лавки в кредит не под деньги, а под хлеб лавочнику было выгоднее, так как он получал барыш и на товаре, и на хлебе, потому эта форма продажи была очень распространена.

Сбыт лавочных товаров производился не только под хлеб и на наличные деньги, но и в случае оплаты сырьем, предметами крестьянского промысла, разными продуктами крестьянского хозяйства. В связи со сложившимися факторами деревенский лавочник часто был поставлен в такое положение, что, с одной стороны, ему было невыгодно торговать всем только за наличные деньги, потому что у покупателя часто не было денег, а с другой стороны — нельзя было не брать вместо денег лишь сельские продукты и особенно хлеб, иначе товар мог залеживаться и не быть реализованным.

Из-за высоких цен на товары покупка в местных лавках для сельского населения оказывалась невыгодной и заставляла крестьян пользоваться каждым удобным случаем для посещения базаров. Торговля на базарных площадях происходила по выходным дням и народным праздникам в период ярмарок. Базары располагались не во всех селах Московского тракта, а только в 14 из них (конец XIX в.) [9, с. 265]. Наиболее известные ярмарки

проходили в таких селах Московского тракта, как Тельма, Усолье, Черемхово, Кутулик, Залари, Кимильтей, Куйтун, Тулун, Нижнеудинск.

Как описывает публицист XIX в. Н.М. Астырев, ярмарки приурочивались к престольному празднику, в этот день в село съезжались крестьяне не только со всей волости, но и из соседних волостей. Рынок обычно представлял собой открытую площадь рядом с церковью, огороженную с двух или трех сторон строениями соседних крестьянских усадеб. До революции на рыночных площадях, ближе к задней линии, устраивался амбар для хранения непроданного товара и общественных весов. Вокруг центра устанавливались длинные столы под навесом (более 20 м), крытым на два ската. На столах обычно торговали некрестьянским товаром: кожаными изделиями Бельской фабрики, стеклянными изделиями Тельминской фабрики, солью, спичками и т. д. Крестьяне вели торговлю с возов, устанавливая свой товар либо на телеге, либо на земле. Крестьянские лошади стояли рядом, выпряженные из саней [1, с. 246].

На базарах крестьяне также продавали зерно скупщикам — зажиточным крестьянам или купцам. Бедные крестьяне, как правило, зерно продавали заранее, «на корню», под залог. Средне-зажиточные крестьяне продавали одну часть зерна после сбора урожая, а вторую — в феврале, когда цена на него возрастала.

Меновая торговля чаще всего велась крестьянами пригородных селений и ссыльными переселенцами, у которых было мало земли и которые жили за счет своего ремесла. Они брали товар и везли для обмена в дальние села губернии или бурятские улусы — в инородческие стойбища — и оставляли их инородцам в то самое время, когда эти товары нужны, т. е. в конце осени. Привезенные русскими купцами товары отдавались в долг, за которым купцы приезжали в середине зимы и получали его пушниной [4, с. 117]. Меновую торговлю вели крестьяне разным товаром: омуль, омулевая икра, хариус, кирпичный чай, табак, лук, чеснок, водка, сальные свечи, мыло, деревянная и глиняная посуда, соль, картофель, деготь, овощи, и все это менялось на хлеб — основной товар, производимый крестьянами.

При рассмотрении вопроса о развитии сельских торговых лавок необходимо уделить внимание формированию в трактовых селах Иркутской губернии кустарных промыслов крестьян-земледельцев. Всего в кустарной промышленности и промысловой деятельности Иркутской губернии и Забайкальской области в начале XX в. было занято от 30 до 50 тыс. человек [2, с. 64].

Нередко в небольших селениях, где не было своих базаров или торжков, были торговые заведения — лавки, торговавшие мелочным, бакалейным и «красным» товаром (тканями), а также питейные лавки. К таким селениям относились те села и деревни, где лавочниками производилась скупка предметов обрабатывающей промышленности, мануфактуры и бакалеи, изготавливаемых сельскими жителями окрестных селений. Такая скупка результатов кустарных промыслов производилась для последующей перепродажи односельчанам с небольшой наценкой. Существование таких пунктов отчасти заменяло собой отсутствие базаров.

Основные промысловые работы выполнялись преимущественно в домашних условиях, силами одной семьи. Важно отметить, что промысел был побочным видом деятельности при занятии земледелием и большая часть товаров производилась не для собственного потребления, а для обмена или продажи. В некоторых районах доходы от промыслов превышали доходы от земледелия и представляли собой основной источник пополнения бюджета крестьянской семьи [2, с. 57].

Переселенцы, приехавшие в Сибирь на рубеже XIX–XX вв., заселяли новые выделенные им участки земли и организовывали небольшие кустарные и полукустарные артели, связанные, как правило, со зверобойным промыслом, добычей и переработкой сырья.

По мере экономического развития территории целый ряд промыслов претерпевал существенные изменения. Например, прокладка железной дороги почти полностью уничтожила некогда процветавший на Московском тракте извозный промысел, который сохранился к началу XX в. лишь на притрактовых дорогах. С прекращением извоза резко сократился спрос на сани и подводы, уменьшилась потребность в дегте и смоле, сбруе и теплой одежде для ямщиков [2, с. 63–64].

Взаимосвязь торговли и промыслов подтверждалась и законодательно. Торговля относилась к неземледельческим промыслам населения [13, с. 69], наряду с гужевым и ямским извозом, судостроением, звериным, рыбным, лесным и дровяным промыслами. Для ведения торговли было необходимо получить гильдейское (для купцов) или промысловое (для крестьян) свидетельство с оплатой пошлины за него на год вперед [11]. Причем гильдейские и промысловые свидетельства должны были быть получены на каждое отдельное торговое заведение. А также держатели лавок были обязаны получить торговый билет на торговое заведение. Для крестьянина-лавочника свидетельство на мелочной торг в

Иркутской губернии стоило 15 р. в год, а торговый билет на лавку — 6 р. в год [12].

Снижение объемов торгового оборота мелких торговых лавок приходится на период возникновения и распространения сельской потребительской кооперации. С начала XX в. в кооперативы стали вступать широкие слои крестьянского населения, которые на примере деятельности отдельных кооперативов уже убедились в их выгоде. Покупка товаров через кооператив осуществлялась в складчину, 1–2 ходока отправлялись в город, где они и закупали товар по сходной цене для членов всего кооператива. Развитие торговых операций потребительских кооперативов показало, что без объединения кооперативов в союзы была невозможна успешная конкуренция с частными торговцами-лавочниками. В течение 1906–1914 гг. повсеместно создаются районные союзы потребительских обществ, проявляется на практике выгода крупных торговых предприятий [6, с. 71]. Как отмечает исследователь И.Е. Козырская, главная причина образования потребительских обществ заключалась в том, что в Сибири очень сильным было господство торгово-ростовщического капитала. Вследствие слабых связей с центральными рынками долгое время в Сибири сохранялось господство в селах мелких лавочников.

В начале XX в. начинает развиваться крупный товарно-торговый капитал. Увеличение численности сельских потребительских обществ привело к образованию кооперативных союзов, которые стали успешно конкурировать с частными торговцами-лавочниками. В это время и появляется большинство кооперативов. К началу 1915 г. в Сибири насчитывалось около 900 таких кооперативов. Покупка в складчину стала взаимовыгодной помощью обычному крестьянину, оттесняя покупку товаров в лавке на второй план. Тем не менее некоторые торговые лавки продолжили свое существование до начала советской власти, а позднее в зданиях торговых лавок разместились магазины сельской потребкооперации и другие общественные учреждения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Астырев Н.М. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1891. 450 с.
2. Буров В.Ю., Потаев В.С., Суходолов А.П. Малое предпринимательство в России и Байкальском регионе: монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 357 с.

3. Голендеев А.Н., Клепикова Т.А. Научный отчет о результатах экспедиции по деревням и селам Иркутского и Шелеховского районов 20–23 апреля 2004 г. Рукопись // Архив АЭМ «Тальцы». 2004. 8 с.
4. Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1914. 183 с.
5. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сопутствующая транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во «Новосиб. гос. пед. ун-т», 2008. 371 с.
6. Козырская И.Е. Из истории развития сибирской потребительской кооперации // Вестник Иркутской государственной экономической академии. 1998. № 17. С. 71–75.
7. Макогон Г.Н. Заселение Заларинского района в годы столыпинской аграрной реформы // История, этнография, архитектура переселенческих сел периода столыпинской реформы: материалы науч.-практ. конф. 3 июля 2008 г., пос. Залари Иркутской области. Иркутск, 2011. С. 118–126.
8. Макогон Г.Н. История одной усадьбы // Тальцы. 2008. № 1 (31). С. 31–46.
9. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2, вып. 4: Иркутская губерния. М.: Тип. В.В. Ислентьева, 1890. 426 с.
10. Нефедьева А.К., Тихонов В.В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. 320 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII (1863). 39118. § 15.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII (1863). 39118. § 28 (ропись В).
13. Сибирский торгово-промышленный календарь за 1907 г. / изд. М.П. Кедровливанского. Томск: Паровая типография Н.И. Орловой, 1907. 226 с.

Зиброва Анастасия Владимировна,
старший научный сотрудник
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»,
г. Иркутск.
E-mail: zibrova_talci@mail.ru

БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ В ТРАКТОВЫХ СЕЛАХ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Наличие базарных площадей в трактовых селах Предбайкалья в середине XIX – начале XX в. является отличительным элементом материальной культуры старожильского населения. Именно поэтому вопрос об организации торговых отношений в Восточной Сибири, в частности о структурной организации отведенных под торговлю мест, в настоящее время становится особенно актуальным в связи с формированием экспозиционного пространства трактовой зоны в АЭМ «Тальцы». Проектируемый в этой зоне экспозиционный комплекс построек «Базарная площадь» в первую очередь призван отразить основные планировочные особенности торговых площадей в селах, располагавшихся вдоль линии Московского тракта, характерные архитектурно-конструктивные элементы отдельных его объектов, а также специфику местной торговли.

Проведенный анализ дореволюционной литературы по данной тематике дает представление о том, как выглядели базарные площади в трактовых селах Предбайкалья в указанный промежуток времени, на основе чего возможна реконструкция базарной площади в экспозиции музея. Среди источников по изучению быта, хозяйственного уклада, архитектуры крестьянских жилых и общественных построек стоит выделить книгу исследователя конца XIX – начала XX в. Н.М. Астырева «На таежных прогалинах» [1]. Автор служил писарем в одном из волостных сел, наблюдал жизнь крестьян непосредственно, поэтому досконально изучил ее и изложил в книге.

В советской научно-публицистической литературе данный аспект рассматривался в работе Э. Бархана и А. Терешовича «Санитарное законодательство» [2]. Авторами обозначены основные положения о должных размерах отведенных под торговлю территорий, их месторасположении, разрешенных предметах торговли и т. п. Необходимые исторические сведения о состоя-

нии базаров и местной торговли содержат материалы Иркутского губернского статистического бюро, в частности статистико-экономический очерк Г.И. Решетникова и А.В. Черных [9]. Авторами подробно рассмотрены вопросы организации торговли в крупных волостных центрах, расположенных вдоль линии железной дороги, перечислены основные товары импорта и экспорта в каждом районе.

Среди современных исследователей этого вопроса стоит выделить сотрудников музея «Тальцы» А.К. Нефедьеву и В.В. Тихонову. Собранные и систематизированные авторами материалы экспедиций по трактовым селам Предбайкалья нашли отражение в книге «Московский тракт» [6]. В работе приведены описания планировочной структуры сельских базаров, проанализированы особенности здешней торговли, перечислены предметы товарооборота. В работах В. Карпинского [5], Т.Л. Пушкиной [8], Т.В. Бондаренко [3] обозначены предпосылки возникновения базарных площадей, рассмотрены основные положения торговли в трактовых селах, приведены описания внешнего облика базаров.

Определение слову «базар» дает Е.А. Брагин: «Базар — это открытое место, где торговля производится не ежедневно, а периодически, один или два-три раза в неделю, в определенные, так называемые базарные дни, или же приурочивается к каким-либо праздникам, главным образом к церковным» [4, с. 15]. Издревле базары являлись центральным местом в любом населенном пункте, сюда сливались все местные, политические, международные новости, которые бурно обсуждались, здесь же заключались сделки, подписывались договоры.

На территории Восточной Сибири первые базары появились еще в XVII в. и первоначально располагались около таможни или крепостных стен, что было обусловлено опасностью дальних перевозок: возможность грабежей и разбоев побуждала купцов объединяться для совместной торговли и концентрироваться в хорошо защищенных местах с большим скоплением людей. В дальнейшем, с исчезновением укреплений между крепостной (острожной) и общегородской (посадской) застройкой, культовые сооружения, изначально возводившиеся внутри острогов, переносятся в непосредственную близость от укреплений, тем самым формируя площади. Церковь — центр общественной жизни сельского населения, «святое», «божье» место, где нельзя было грабить и убивать. Территория около нее становится новым, безопасным местом для ведения торговли [7, с. 104].

До середины XVIII в. вместо слова «базар» в документах чаще всего употреблялись слова «торг», «торжище», «торжок» [8, с. 13]. Сначала на таких базарах торговали на открытом месте, и только тогда, когда торговые площади начинают устраиваться рядом с церковью, появляются первые торговые столы, прилавки и навесы.

В дореволюционное время базарные площади в городах, согласно Городовому положению 1892 г., являлись собственностью города, в селах же принадлежали частным лицам или ведомствам либо составляли общественную собственность крестьян. Ширина такой площади согласно статье 424 Строительного устава (том XII) должна была быть не менее 10 сажений [2, с. 121]. Были определены и санитарные нормы, по которым реализация продуктов питания должна была осуществляться отдельно от реализации других товаров, таких как мануфактура и сельскохозяйственный инвентарь. Последним на площади отводилось отдельное место. Торговля скотом и сеном должна была осуществляться изолированно. Место под базарную площадь выбиралось вдали от фабрик, заводов и складов. Уборка площадей должна была производиться рано утром, до начала торговли, и вечером, по ее окончании. Проезды должны были быть свободными и легкодоступными, шириной не менее 8–10 м, проходы — шириной не менее 3 м.

Сибирский сельский базар представлял собой открытую площадку, с трех или двух сторон огороженную забором и строениями соседних крестьянских усадеб. До революции на таких базарных площадях, ближе к задней линии, размещался амбар для хранения не проданного за день товара, здесь же стояли общественные весы. Иногда перед амбаром устанавливался стол с навесом под двухскатной крышей, длина стола могла достигать 20 м [6, с. 250]. Торговые ряды, состоящие из небольших лотков и палаток, могли располагаться либо перед амбаром, либо по периметру площади. Приезжим из соседних сел крестьянам разрешалось торговать прямо с возов или саней, но в определенном месте. Крестьянские телеги рядами выстраивались в центре площади.

Торговля на базарных площадях относилась к типу периодической торговли и обычно осуществлялась в воскресные дни. Тогда крестьяне могли привезти на базар до 300 возов хлеба [1, с. 246]. Именно хлеб был основным товаром, которым торговало все взрослое население трактовых сел Предбайкалья. Обилие плодородной земли, климат, более благоприятный для земледе-

лия, чем в других местах Иркутской губернии, а также большая потребность в хлебе на Бодайбинских приисках и на самом тракте, что было необходимо для обеспечения извоза, ориентировали крестьянские хозяйства на товарное производство зерна [6, с. 247]. Помимо этого хлеб служил основным предметом экспорта в европейскую часть России. На экспорт из Иркутской губернии шли также масло, рыба, соль, меха, жировые продукты. Из центральных губерний империи в край поступали мануфактурные и галантерейные товары, кожевенные и железные изделия, сахар, спирт, табак, керосин. Предметами ввоза были товары и из соседних государств, например из Японии поступали рис, фрукты и предметы роскоши, из Китая — чай и шелк. На крестьянских прилавках можно было встретить товары, необходимые в обычной жизни: веревки, мочала, рогожи, деревянная и глиняная посуда, кожаные изделия Бельской фабрики, спички, стеклянные изделия Тельминской фабрики и т. п. Торговля на базарах велась в розницу и мелким оптом.

В будни торговля на базарах обычно не велась, лишь изредка на площади можно было встретить пару-тройку возов с хлебом. Обычно их подвозили крестьяне близлежащих селений в расчете на покупателей, не любящих суеты и многолюдности.

Помимо периодической торговли на базарных площадях существовала и постоянная розничная торговля в торговых лавках и гостиных дворах, которая обеспечивала ежедневные потребности городского и сельского населения.

В Предбайкалье также была развита развозная и разносная торговля. Купцы и их приказчики разъезжали по селам с целью обмена промышленных товаров на продукцию сельского хозяйства и промыслов. При этом практиковалась раздача товаров в долг под будущий урожай или улов.

К особому типу торговли стоит отнести ярмарочную торговлю, которая вытеснила развозную и сделала ее уделом мелкого купечества. Ярмарки проводились ежегодно и, как правило, приурочивались к церковным праздникам. Длелись ярмарки обычно от нескольких дней до нескольких недель. Ярмарочная торговля проходила на базарных площадях и велась оптом и в розницу. Крестьянам разрешалось торговать только предметами своего хозяйства, а также закупать товары, перечисленные в Таможенном уставе. Постепенно ярмарки стали играть роль товарных бирж, где заключались сделки на оптовые поставки товаров в течение всего года.

В Восточной Сибири к началу XX в. вдоль Московского тракта сформировалась целая сеть крупных торговых пунктов, волостных центров, обслуживающих исключительно свои небольшие районы, вокруг которых в дальнейшем сгруппировались и возникли свои мелкие производства. По материалам Иркутского губернского статистического бюро на 1914 г., такими пунктами были с. Тайшет и г. Нижнеудинск, куда стягивались в основном хлеб, мясо, рыба, кожи [9, с. 6–7]. В Тулуне зимой, в период с 6 по 10 декабря, проходила ярмарка, на которой основными товарами были хлеб, мясо, рыба, масло, скот, кожи, овчина, мануфактура, сельскохозяйственный инвентарь фабричного производства. Села Шерагул и Куйтун представляли собой районы хлебных заготовок, села Зима, Тыреть, Залари — районы хлебопашества и скотоводства. Черемховский и Кутуликский рынки благодаря близости каменноугольных копей являлись крупными потребителями продовольственных товаров и механического оборудования. Село Усолье представляло собой довольно значительный местный рынок благодаря наличию в окрестностях солеваренного производства и спичечной фабрики [9, с. 5–10].

В других районах, удаленных от линии Московского тракта, разбросанных по обширной малонаселенной площади Иркутской губернии, торговля в большинстве своем носила примитивный, меновой характер, сосредоточиваясь главным образом на базарных площадях и мелких ярмарках, расположенных на трактах второстепенного значения и по водным путям сообщения. К таким местным торговым пунктам относились земледельческий Братский Острожный район, г. Балаганск, пос. Жигалово, села Усть-Илгинское, Знаменское, г. Верхолениск. В пос. Качуг проходила ежегодная весенняя ярмарка, в которой принимали участие местные торговцы и сплавщики, отправлявшиеся из Качуга с плавучей ярмаркой вниз по р. Лене до Якутска. Постоянно действующие базары существовали также в Балаганском уезде (г. Балаганск, села Бельское, Тагна), в Иркутском уезде (села Александровское, Иннокентьевское, Половина, Слюдянка), в Верхолениском уезде (села Баяндай, Знаменка, Манзурка, Косая Степь). Цены на местных базарах устанавливались в соответствии с размерами торговых предприятий на местах. Крупный торговец имел возможность продавать свой товар по более низкой цене, чем мелкий. Цены на товары в северной и северо-западных частях Иркутской губер-

нии были наиболее высокими. При этом стоит отметить, что образование цен напрямую зависело от установления цен на Иркутском рынке [9, с. 10–13].

В годы советской власти базарные площади во многих городах и селах прерывают свою деятельность, а с 30-х гг. XX в. были упразднены и ярмарки (ярмарки были восстановлены в послевоенное время как одна из форм государственной и кооперативной торговли) [7, с. 107]. В настоящее время базары вновь возрождаются на прежних местах, но уже в виде крытых рынков.

Торговые площади были осмотрены при экспедиционном обследовании трактовых сел сотрудниками АЭМ «Тальцы» в 1998–2005 гг. (пос. Тельма, города Усолье-Сибирское, Черемхово, поселки Кутулик, Залари, с. Кимильтей, пос. Куйтун, г. Тулун).

Планируемый к реконструкции экспозиционный комплекс «Базарная площадь» на территории АЭМ «Тальцы» будет, во-первых, соответствовать тематической направленности экспозиционной трактовой зоны, а во-вторых, позволит обозначить специфику Московского тракта и определить один из основных видов деятельности старожильческого населения, а именно занятие торговлей. Поскольку базары в трактовых селах Предбайкалья обычно располагались в центре, вблизи церквей, то при построении экспозиционного пространства необходимо соблюдать историческую достоверность и следовать тому же принципу. Базарная площадь будет занимать территорию между церковью и купеческой усадьбой.

Размер сельских базарных площадей и набор хозяйственных построек определились в ходе проведенных научных и экспедиционных исследований. Таким образом, в экспозиции трактовой зоны базарная площадь будет представлять собой открытую площадку длиной около 20 м, ограниченную с одной стороны забором и строениями соседней купеческой усадьбы. В глубине площади будут стоять одноярусный двухкамерный амбар, в котором хранился не проданный крестьянами за день товар, и примыкающий к нему навес с односкатной крышей для укрытия, например, крестьянских повозок от непогоды. Перед амбаром будут установлены общественные весы. Торговые ряды (столы под двухскатной крышей) будут располагаться параллельно линии постановки амбара. Картину завершат живописно расставленные в центре площади крестьянские телеги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астырев Н.М. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.
2. Бархан Э., Терешвович А. Санитарное законодательство. М., 1926.
3. Бондаренко Т.В. Роль архитектурных ансамблей площадей в градостроительном развитии городов Сибири с XVII по последнюю треть XVIII в. Барнаул, 2012.
4. Брагин Е.А. Планировка и застройка селений. М., 1927.
5. Карпинский В. Усольский базар и торговля // Земля Иркутская. 2000. № 13.
6. Нефедьева А.К., Тихонов В.В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. 320 с.
7. Орленко Л.В. История торговли: учебное пособие. М.: ИД «Форум»: ИНФРА, 2006. 352 с. (Высшее образование).
8. Пушкина Т.Л. Из истории предпринимательства Иркутской губернии начала XX в. Иркутск: Изд-во ИП «Макаров С.Е.», 2001. 24 с.
9. Решетников Г.И., Черных А.В. Торговля и рынок Иркутской губернии: Статистико-экономический очерк / изд. Иркут. губерн. стат. бюро. Иркутск, 1923.

Агапитова Римма Валентиновна,
главный научный сотрудник
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»,
г. Иркутск.
E-mail: agapitovarimma@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ХЛЕБОЗАПАСНЫЕ МАГАЗИНЫ (МАНГАЗЕИ) И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» — один из первых музеев подобного типа в нашей стране. Основанный в 60-е гг. прошлого века, музей стал местом, где памятники народного зодчества обретают вторую жизнь: в них открываются экспозиции, работают различные выставки. Подобным объектом является и мангазея, вывезенная в «Тальцы» с острова Савино-вский Кежемского района Красноярского края, ее строительство датируется 1900–1905 гг. После реставрационных работ в мангазее открылись выставка, посвященная истории земледелия в Сибири, а также экспозиция, рассказывающая об особенностях функционирования общественных хлебозапасных магазинов.

Общественные хлебозапасные магазины были одними из старейших хозяйственных построек на территории Иркутской губернии, также они могли именоваться сельскими запасными «магазейнами», сельскими экономическими магазинами, общественными амбарами, в народе эти постройки называли «мангазеями», «магазеями» и даже «гомазеями».

Слово «магазин» впервые вошло в употребление во времена Петра I. В словаре В.И. Даля: «Магазин — здание или помещение для складки и хранения каких-либо запасов. Лавка, склад для продажи, особая лавка в жилом доме, не в рядах, житница; вообще складочный амбар, товарник, склад» [5].

Первоначальные сведения о хлебозапасных магазинах относятся к XVII в. Но официально на территории Иркутской губернии они были учреждены только после принятия в 1799 г. «Положения о сельских запасных магазейнах» [1]. Целью их создания было «доставление пособий жителям в случае непредвиденных несчастий», т. е. хлебозапасный магазин являлся местом хранения страхового крестьянского семенного фонда на случай неурожая, пожара и т. п.

В «Положении...» говорится, что «магазин должен быть при всяком селении, составляющем не менее 50 дворов» и что «братские или вообще ясашные народы, землепашество имеющие, должны также учредить магазинны свои».

Здания хлебозапасных магазинов должны были строиться не по особому плану, а по «обыкновению жителей», т. е. они могли быть «просторными деревянными амбарами или житницами, какие, где в употреблении имеются, лишь были бы в местах, от пожарного случая и от воды безопасных...». Поэтому мангазеи обычно ставили за деревней в 500–600 м от строений, в предохранение от пожара при палах эта постройка обносилась рвом.

В «Положении...» указывается: «...запасный хлеб для соблюдения его в надлежащей к употреблению годности переменять ежегодно по окончании жатвы свежим». В мангазее должно было быть несколько закромов, которые разделялись на две части: одна для ржи, другая для ярового зерна. Каждый закром обязательно вымеривался, мера, т. е. сколько он в себя вмещает зерна, вырезалась на верхней доске закрома снаружи.

При каждом магазине как для сбора и выдачи хлеба, так и на случай освидетельствования должны были быть казенные клейменные меры: одна четвериковая, одна получетвериковая и одна полугарнцевая (1 четверик равен 8 гарнцам, т. е. 26,2387 л; 1 гарнец равен $\frac{1}{8}$ четверика, т. е. 3,2798 л [8]). «А чтобы не могло происходить никаких злоупотреблений в самих вышеозначенных мерах и чтобы они были точно узаконенной порцией, то для облегчения поселян в затруднениях, доставить таковые меры возложено на командированных чиновников для свидетельствавания магазиннов».

Кроме мер, в мангазее обязательно имелся шест, длиной равный глубине закромов, с железным острием на конце.

Освидетельствование хлебных магазинов должно было происходить в первых числах ноября, после чего «о состоянии магазиннов, равно и о количестве хранящегося в них хлеба доносить гражданским губернаторам».

Для создания запасов в мангазеех население было обязано сдавать определенное количество зерна. В «Положении...» указывается, что каждая ревизская душа должна сдать по 3 четверти ржи и по 3 четверти ярового (1 четверть равна 209,66 л [8]).

Следует отметить, что в течение всего периода функционирования хлебозапасных магазинов эта норма менялась. В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) содержатся документы, датированные началом XX в., которые подтверждают это [2].

«Оёкское волостное правление доносит, что полное количество хлеба в хлебозапасных магазинах исчисляется по числу наличных душ мужского пола, ввиду полного количества хлеба в магазинах оклад не взыскивается. По каждому магазину оклад исчисляется по 3 гарнца на каждую мужскую душу, если в магазинах приходится хлебов более $3\frac{1}{12}$ четвертей и превышает 6 четвертей; и по 6 гарнцев, если в магазинах $3\frac{1}{2}$ четвертей».

Ординская управа сообщает: «Сбор окладного хлеба в экономических магазинах за достижением установленной правительством нормы $3\frac{1}{2}$ четвертей на каждую наличную душу мужского пола прекращен и в настоящее время не ведется».

Хомутовское волостное правление в документе, который датируется 21 сентября 1905 г., сообщает: «Полное количество хлеба в магазинах здешней волости исчисляется по $3\frac{1}{2}$ четверти на одну душу ($\frac{2}{3}$ озимого и $\frac{1}{3}$ ярового), и оклад хлеба в эти магазины платится по числу всех мужских душ, бывших налицо к 1 января 1899 г.».

Кудинская инородная управа сообщает: «Имеем честь донести, что за достижением полного количества по $3\frac{1}{2}$ четверти на наличную душу хлеба окладной хлеб более не взыскивается, а прежде взыскивался по числу наличных душ».

Таким образом, в начале XX в. норма хлеба, которая должна была находиться в хлебозапасных магазинах, составляла на каждую «наличную душу мужского пола» населенного пункта $3\frac{1}{2}$ четверти.

Но есть данные, что в некоторых местностях норма хлебного запаса исчислялась по-другому. В документе от 23 октября 1905 г., относящемся к работе Мальтинского волостного правления, говорится: «Количество хлеба в хлебозапасных магазинах здешней волости исчисляется по 6 четвертей на каждую душу, приписанную к магазину. Оклад хлеба в эти магазины платится по числу душ мужского пола всех возрастов».

Сбором хлеба и выдачей ссуд заведовали выбираемые обществом вахтеры (или вахтуры); в зависимости от количества дворов, приписанных к магазину, их число было разным (от 2 до 6). По «Положению...», «каждый вахтер магазейный избирается в должность сию не более как на один год».

Кроме вахтеров «из лучших и зажиточных крестьян выбирается два человека в надзиратели. Они в особенности наблюдают за вахтерами, которые в совершенной их зависимости». «Дабы поставить вахтера в сколько можно большую осторожность, то в особенную обязанность волостного головы с волостным писарем

поставляется свидетельствовать при надзирателях магазейнов, сельских старшин и вахтерах, все в волости сельские магазейны в ноябре месяце, когда они наполняются и после раздач на весенний и осенний посев и доносить от себя Земским Судам о количестве в магазейнах хлеба и исправности в содержании оных. В случае малейшей в чем-либо неисправности или недостатка волостные головы обязаны, не выезжая из селения, принять все против того меры к исправлению и наполнению магазейнов и донести немедленно Земским Судам, которые после того уже свидетельствуют магазейны».

Наряду с вахтерами и надзирателями ответственность за сохранность хлеба в мангазеях несли также и сельские старшины, которые выбирались тоже из зажиточных крестьян. Принимал участие в деятельности мангазеи и волостной писарь. «Положение...» так регламентирует его участие: «В обязанность сельского писаря поставляется быть при каждом приеме и раздаче хлеба из магазейна вместе со своим старостой и записывать в тетради вахтеров как приход, так и расход хлеба, за исправность которой отвечает уже не бесправный вахтер, но сельский писарь того селения, а где нет одного, то писарь ближайшей слободы».

Мангазея в музее «Тальцы». Фото Ю. Лыхина, 2011 г.

Специальные тетради для записи прихода и расхода в количестве двух штук выдавались вахтеру из волостного правления «за шнуром и печатью одного». Человеку, бравшему ссуду, выдавалась бирка, или «рубеж», — длинная деревянная палка с зарубками. Одна часть рубежа оставалась у вахтера, другая — у крестьянина. При частичном возвращении долга с рубежа срезались заметки, если же долг возвращался полностью, то деревянная палка выбрасывалась.

Все магазины должны были быть за печатями не только сельских старшин, но и волостного головы и старосты, а также надзирателей магазина, без которых ни приема, ни выдачи хлеба не производилось. Ключи от магазина оставались у вахтера, тетради о приходе и расходе хлеба хранились в магазине.

Для взыскания ссуды осенью и зимой на каждые 10–20 дворов выбирался «понудитель», следивший за недоимщиками. За возвращением взятых ссуд существовал строгий надзор, и для взыскания их широко применялся закон, разрешающий обществу продавать земельный надел недоимщика.

Ссуды из мангазей выдавались по приговорам, с круговой порукой общества и с разрешения губернского начальства.

Процесс выдачи хлеба из мангазеи демонстрирует документ из фондов ГАИО, датированный 9 января 1903 г. В общественном приговоре крестьяне Усть-Кудинского сельского общества Уриковской волости Иркутского уезда обращаются с просьбой о выдаче хлеба для весеннего посева: «...имея заботу о том, что по случаю гибели хлеба от бывшего 8 августа минувшего 1902 г. инея, мы не имеем собственных семян для обсеменения наших полей, так что в данное время мы неминуемо должны обратиться по сему предмету с ходатайством пред Его Высокоблагородием Господином местным крестьянским начальником на предмет разрешения нашему обществу выдачи из местного хлебозапасного экономического магазина ссуды хлеба на весенний сего года посев по прилагаемому при сем списку. Приговорили: просим ходатайствовать пред Его Высокоблагородием Господином крестьянским начальником 2-го участка Иркутского уезда о разрешении нам из местного хлебозапасного экономического магазина просимой ссуды на обсеменение наших полей на весенний сего года посев согласно именного нашего списка...

Мы обязываем себя своевременно внести в наш местный хлебозапасный магазин в урожай сего года полностью, вместе с имеющейся за нами недоимкою безнедоимочно самого лучшего

Фрагмент экспозиции мангазеи. Фото И. Бержинского, 2012 г.

доброкачественного зерна, в чем и поручаемся друг перед другом круговую порукою» [3].

15 марта 1903 г. в Иркутский уездный съезд крестьянских начальников пришел ответ. Он гласил: «Утвержденным Господином Главным начальником края определением Общего присутствия от 3 текущего марта за № 148 разрешено выдать земледельцам Иркутского уезда под круговую друг за друга поруку из их местных хлебозапасных магазинов на весенний сего года посев не свыше количества, указанного в именных списках красными чернилами, с тем, чтобы выдача разрешенного в ссуду хлеба произведена была перед самым началом посева, чтобы все количество хлеба обязательно и безнедоимочно возмещено было просителями в магазины из первого же урожая, не позже 1 декабря текущего же года, зерном вполне доброкачественным и совершенно годным на посевы...» [3].

Если сложные жизненные обстоятельства складывались у конкретной крестьянской семьи и у нее не оказывалось семян для посева, община также хлопотала о выдаче ссуды из запасного магазина. Так, в 1787 г. общество д. Паутовой начало хлопотать перед администрацией о выдаче семенной ссуды вдове Марье Ивановой Паутовой. «Усмотрелось нами... — писали

крестьяне, — у нее имеется семейство немалое, а в минувшее время не уродилось хлеба, то есть вызяб, и от того большую скудность претерпевают, и в нынешнюю наступившую весну посеять будет нечем». По мнению общинников, нельзя было допустить разорения хозяйства вдовы, у нее растет сын Семен, который в будущем «к земледельству быть может прочен» [7, с. 87].

Но в «Положении...» говорится и о том, «чтобы под именем бедных не имели никакого права на получение хлеба из магазейнов для пропитания даже поселяне, которые пришли в бедность от праздности или дурного поведения... общества при мирских приговорах и при составлении именных списков на выдачу из магазейнов хлеба для пропитания не должны помещать в оные тех, кои не имеют никакого хлебопашества и живут праздно и распутно, имена их должны быть известны во всей волости, и они ни в коем случае не пользуются выгодами, настоящему засельщику предоставляемыми».

Люди, выполнявшие различные обязанности в мангазее, должны были быть исключительно честными. В «Положении...» говорится, что «...всякий оказавшийся единожды в недочете по магазейну, впредь не избирается уже ни вахтером магазейным, ни в какие-либо другие общественные должности, и имя его должно быть известно всей волости, как вредного обществу человека». Для охраны хлебозапасных магазинов выбирали караульных, как правило, эту должность исполняли самые бедные крестьяне.

С развитием земледелия хлебозапасные магазины получили очень широкое распространение. Данные 1840 г.: в Иркутской губернии «в каждом мирском обществе есть экономический запасный магазин, откуда выдают крестьянам зерновой хлеб на посев... теперь во всей губернии считается 564 магазина, в них хлеба 2 714 670 пудов 30 фунтов» [6, с. 367].

Если вначале практически все мангазеи были однотипными — одноэтажными, то в конце XIX в. размеры мангазей разнятся в зависимости от того, какой тип хозяйства был характерен для данной местности. В селах, где производство зерна носило товарный характер, мангазеи были крупными, как правило, двухэтажными. В районах, где хозяйство было самообеспечивающим, мангазеи ставили средних размеров, одноэтажные.

Бурятское население также охотно пользовалось услугами мангазей, и в первой половине XIX в. почти в каждом роде или улусе были заведены свои общественные хлебозапасные магазины [4, с. 55].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 6.
2. ГАИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 57.
3. ГАИО. Ф. 143. Оп. 2. Д. 12.
4. Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX в. Улан-Удэ, 2000.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. VRL: <http://slovari.yandex.ru>
6. История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968.
7. Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск: Наука, 1989.
8. Русская система мер. VRL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Колганова Елена Юрьевна,
*заведующая научно-исследовательским отделом
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»,
г. Иркутск.*
E-mail: eukolganova@gmail.com

МУЗЕЕФИКАЦИЯ СОХРАНИВШИХСЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ТАТАР ПРЕДБАЙКАЛЬЯ ВРЕМЕН СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Социально-экономическое положение крестьян Российской империи начала XX в. характеризовалось малоземельем и обнищанием основной массы населения, что являлось причиной миграции на новые земли. Процесс переселения крестьян активизировался во время проведения столыпинской аграрной реформы, когда крестьяне получили возможность свободного выхода из общины, оформления земельных участков в личную собственность с последующей их продажей и переездом на новые земли, в частности в Сибирь.

Сотрудниками Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» в 2010–2012 гг. были организованы экспедиционные исследования сел Предбайкалья, образованных во время столыпинской аграрной реформы, с целью сбора информации для формирования переселенческой экспозиционной зоны в музее. Переселенческая экспозиционная зона призвана отразить традиционную народную культуру украинцев, белорусов, татар, поляков, голендров, переселившихся из-за малоземелья на родине на территорию Предбайкалья, а также показать адаптацию крестьян к новым природным и климатическим условиям. Материалы по этнографии, собранные в татарских поселках, образованных во время столыпинской аграрной реформы, легли в основу данной статьи.

Одна из важнейших особенностей столыпинского переселения заключалась в том, что населенные пункты формировались, как правило, из жителей одной национальности, зачастую собранных из одной или близлежащих губерний. В результате образовались локальные национальные поселения. Такой тип расселения позволил создать значительную концентрацию этнических групп и стал основным фактором сохранения их традиционной культуры.

Периодом наиболее интенсивного переселения татар в Предбайкалье можно считать 1911–1914 гг. Большая их часть прибы-

ла из Казанской и Уфимской губерний и в основном была расселена в современных Тайшетском, Чунском, Нижнеудинском, Заларинском, Аларском, Осинском, Боханском и Жигаловском районах.

Экспедиционные обследования татарских поселений, образованных во время столыпинской аграрной реформы: деревень Черемшанка Заларинского района, Шаховская Аларского района, Нукуты Нукутского района, Оса Осинского района Иркутской области и др., выявили сохранившиеся этномаркирующие компоненты традиционной культуры переселенцев-татар.

Моноэтнические татарские деревни Предбайкалья начала XX в., как и большинство переселенческих поселков, появившихся в этот период, имеют регламентированную планировку: ровные, прямые улицы с двухрядной застройкой, значительной — 40–45 м — шириной улиц. В первые годы после заселения хозяйственных построек в усадьбах татар было минимальное количество — только самые необходимые: амбар, стайка, навес для

***Дом татарских переселенцев, построенный в 1913 г.
Деревня Черемшанка Заларинского района.
Фото Е. Колгановой, 2012 г.***

сельхозинвентаря, баня. Определенного порядка в их расположении не обнаружено.

Первые дома татарских переселенцев начала XX в. имели небольшие размеры, стояли на низком подклете, рубились из круглых бревен «в обло», крылись драньем. К дворовой торцевой части дома пристраивались дощатые сени с чуланом. В дальнейшем на основе сруба развивались дома более сложных типов за счет пристраивания к дому трех стен по типу пятистенка. Окна оформлялись рамками, не имели наличников. В более позднее время декоративные элементы наличников стали представлять собой различного рода геометрические или растительные узоры, выполненные из дерева в технике пропильной резьбы.

Внутреннее убранство жилищ татарских переселенцев имело характерные национальные черты. В них прослеживалось влияние религии — ислама: изба татар делилась на две части поперечной перегородкой или занавеской, что связано с мусульманским обычаем затворничества женщин. В домах не было изображений людей, животных, птиц, что обусловлено религиозным запретом изображать живые существа, но имелись дмотканые *шамаилы* — стилизованные изречения из Корана, выполненные арабской вязью с изображением мечетей и святых мест ислама. Шамаилы вешались на почетном месте — по центру на стене, противоположной входу, или над дверью, являясь своего рода оберегом от злых духов. Оригинальны были и *намазлыки* — коврики для молитв, которые содержались в особой чистоте и иногда даже передавались по наследству. Характерна орнаментация вещей геометрическими и растительными узорами на ярком фоне зеленого, голубого, желтого, красного цветов, что придавало красочную самобытность внутреннему убранству татарских жилищ.

В интерьере обжившихся татар-переселенцев стены и простенки обтягивались или украшались полотенцами, на окна вешались занавески. Спальное место закрывалось занавеской — *чаршау*. Почетное место находилось по центру стены, расположенной напротив входа. Для интерьера было характерно обилие сундуков и подушек — все это элементы кочевнической традиции. Видное место в жилище занимали широкие нары, устроенные вдоль стен. У многих татар еще в метрополии в быт вошли кровати, стулья, столы.

По словам старожилов татарских переселенческих деревень, печи в домах первопоселенцев представляли собой комбинацию русской печи с вмазанным в нее котлом (казаном), имевшим от-

***Окна татарского дома, построенного в середине XX в.
Деревня Черемшанка Заларинского района.
Фото Е. Колгановой, 2011 г.***

дельную топку. Подобная печь была традиционна для татарских жилищ метрополии и использовалась для приготовления национальных блюд и чая. Во дворе некоторых усадеб татар-переселенцев также имелась печь с встроенным в нее казаном, и в летнее время многочисленная родня устраивала совместные трапезы.

Для сохранения и фрагментарной реконструкции татарского поселения в переселенческой зоне музея «Тальцы» планируется вывоз одного из сохранившихся домов татарских переселенцев начала XX в. вместе с объектами усадебной инфраструктуры.

Столыпинские переселенцы, в том числе татары, испытывали большие трудности при освоении сибирских земель. По словам Н.Г. Галеткиной, «участки, где водворялись татары-переселенцы, по степени своей пригодности для земледелия, согласно официальной оценке переселенческих чиновников, относились к третьей — худшей категории. Здесь преобладали суглинки, не было

достаточного количества чистой от леса земли» [2, с. 209]. Приходилось вручную выкорчевывать лес, разделявать целинную землю под пашню. Несмотря на это, «через два-три года абсолютное большинство семей стало жить в достатке. Имели большие хозяйства, по несколько коров, коней, просторные избы, колодцы, хозяйственные постройки. Излишки продукции возили на продажу в Алзай, Тайшет, даже Новосибирск» [1, с. 84].

В музее «Тальцы» возможно создать небольшой огородный участок, где посетители смогут пройти за плугом или сохой несколько метров и хоть немного ощутить ту тяжесть, которую испытывали переселенцы на новом месте жительства, осваивая землю. В данной экспозиции также можно показать произрастание ржи, ячменя, овса, пшеницы с целью ознакомления посетителей с основными сельскохозяйственными культурами, выращиваемыми татарами.

По вере предбайкальские татары были исламисты. На территории губернии почти в каждом крупном татарском поселке появились мечети, построенные татарскими переселенцами. Обычно

Татарская мечеть в пос. Залари (в настоящее время перенесена в другое место поселка и перестроена)

они представляли собой деревянные одноэтажные дома с двускатной кровлей. В верхней части находилась небольшая площадка, на которую перед восходом и закатом солнца поднимался служитель и призывал мусульман на молитву. Редкой для сельских поселений Восточной Сибири была деревянная татарская мечеть, разрушенная в 2000 г. в д. Нижняя Слобода Жигаловского района. Она располагалась в центральной части деревни на открытом пространстве и представляла собой одноэтажную деревянную постройку, основной объем которой рублен из бревен «в обло», прямоугольную в плане, с двускатной тесовой кровлей. Над зданием, ближе к северному торцу, был устроен восьмигранный открытый минарет под пологом колпаком со шпилем. С южной стороны основного объема располагался *михраб* (молитвенная ниша, помещавшаяся в обращенной к Мекке стене), с северной — сени, рубленные из бруса, под двускатной кровлей с фронтоном. Вход находился с западной стороны. Фасадный декор мечети был достаточно скромным. В основе плана лежала стандартная схема: сени, вестибюль, квадратный молитвенный зал с михрабной нишей.

На сегодняшний день ни в одной из деревень Предбайкалья здания мечетей не сохранились в первоначальном виде: они либо разрушены, либо используются по другому назначению и значительно перестроены. Многие из них вообще разрушены.

Национальная одежда как важный этномаркирующий элемент традиционной культуры у татар еще в советское время вышла из обихода. Сейчас она в основном используется фольклорными коллективами, когда вниманию зрителей представляются национальные костюмы из ярких тканей: платья, рубахи, шаровары, камзолы, ичеги, головные уборы — колпаки, *калфаки*, платки, тюбетейки, своеобразные женские украшения *хэситэ*, *изю*.

Из всех компонентов материальной культуры кухня татарских переселенцев наиболее полно сохранила свои национальные черты. Характерна для татар любовь к мясу, особенно к конине, баранине (элемент кочевнической культуры), домашней птице. В Сибири стол обогатился мясом диких зверей. Употребление свинины запрещалось шариатом. Ассортимент рыбных блюд у татар Предбайкалья стал гораздо богаче, чем в метрополии. Сибирские реки, в начале XX в. еще изобиловавшие рыбой, разнообразили пищу татар и в будни, и в праздники.

Сохранились многие национальные блюда из теста — *баурсаки* (колобки или ленты из теста, зажаренные в масле), *пэрэмэчи* и

***Татары в национальных костюмах на празднике
Сабантуй в музее «Тальцы». Фото Е. Колгановой, 2011 г.***

очпочмаки — пироги с мясной начинкой. Татарские торжества не обходятся без сладкого чэкчэка (является обязательным свадебным угощением).

Сегодня почти полностью утрачены характерные черты татарского интерьера в жилищах, из-за ветхости сносятся хозяйственные постройки, разбираются первые переселенческие дома, происходит нивелировка традиционной культуры татар Предбайкалья — переселенцев по столыпинской аграрной реформе. Современные музеи под открытым небом являются наиболее оптимальным вариантом сохранения и отражения историко-культурной среды национальных поселений. Именно с этой целью и создается фрагментарно реконструируемое на основании выявленных этномаркирующих компонентов материальной культуры татар Предбайкалья татарское поселение в переселенческой экспозиционной зоне музея «Тальцы». Вывезенные и отреставрированные дома, хозяйственные постройки, воссозданный интерьер жилища, проводимые на базе экспозиций народные праздники, артисты в традиционных костюмах, угощения из блюд националь-

ной кухни — все это позволит посетителям в полной мере погрузиться в атмосферу быта и культуры татарского народа Предбайкалья начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобкова Г.И. Переселение татар в столыпинскую реформу: роль в освоении северных районов Иркутской губернии // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. С. 81–84.

2. Галеткина Н.Г. Черемшанка: динамика развития татарской переселенческой деревни // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. Т. 1. С. 208–214.

Ометова Марина Леонидовна,
главный хранитель фондов
Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»,
г. Иркутск.
E-mail: mar46@list.ru

К ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ ИЗ СЕЛА КЕУЛЬ КИРЕНСКОГО УЕЗДА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Экспозиция «Церковно-приходская школа конца XIX – начала XX в.» с интерьером комнаты учительницы была открыта в музее «Тальцы» в 1993 г. Она разместилась в здании церковно-приходской школы из с. Кеуль Усть-Илимского района, перевезенном в музей из зоны затопления Богучанской ГЭС в 1989 г.

На рубеже XIX–XX вв. церковно-приходские школы были наиболее распространенным видом духовных учебных заведений в России. Массовая организация подобных школ началась в 1884 г., после утверждения Александром III «Правил о церковно-приходских школах». Школы данного типа делились на одноклассные и двухклассные. До 1902 г. в одноклассных школах учились два года, а в двухклассных — четыре [6, с. 214].

До начала XX в. приход Кеульской церкви во имя пророка Илии относился к Благодичинию 3-го округа Киренского уезда (Иркутская губерния делилась на пять округов-уездов: Иркутский, Балаганский, Верхотенский, Киренский, Нижнеудинский). Киренский округ в конце XIX – начале XX в. был самым большим по площади, занимал более половины всей губернии и, вместе с тем, был самым малонаселенным. По данным 1900 г., Иркутская губерния занимала площадь 638 747 кв. верст (680 904 кв. км), а площадь Киренского округа составляла 359 798 кв. верст (383 832,5 кв. км). Население Киренского округа составляло всего 53 751 человек, в целом в Иркутской губернии в тот период проживало 469 240 человек (для сравнения: в Балаганском уезде 148 580 человек, Верхотенском — 70 900, Иркутском — 114 286, Нижнеудинском — 81 723 человека) [11].

До 1909 г. в Киренском уезде по численности преобладали школы грамоты, потому что на содержание церковно-приходских школ требовалось больше средств и более требовательным был подход к кадровому составу. В литературе отмечается: «Киренский округ по своим климатическим и экономическим условиям

жизни долго, вероятно, еще будет довольствоваться дешевой и несовершенной школой. Чтобы иметь там хорошо обставленные школы с хорошими учителями, нужно тратить большие деньги, больше, чем во всех остальных округах Иркутской епархии» [9].

В отчетах епархиального училищного совета за 1911/12 учебный год имеются сведения об образовательном цензе учащихся, т. е. тех, кто учил. Общее число учащихся в Киренском уезде на тот период составляло 29: со средним образованием 2, со специальным педагогическим образованием 3, имеющих звание учителя 24, из них состоявших на службе от 1 до 3 лет 23 человека, от 4 до 10 лет 6 человек [1, с. 35].

За период с 1888 по 1913 г. в Киренском уезде число церковно-приходских школ возросло с 6 до 37, число обучающихся в этих школах увеличилось с 398 (в 1895 г.) до 978 (в 1913 г.). В таблицах 1 и 2 приведены данные о количестве школ и учеников в Киренском уезде (для сравнения взяты показатели по церковно-приходским школам, школам грамоты и министерским школам).

Таблица 1

*Количество школ в Киренском уезде
(в период с 1888 по 1913 г.)*

Учебный год	Церковно-приходских школ	Школ грамоты	Министерских школ
1888	6	3	12
1895/96	16	34	9
1900/01	21	24	27
1913	37 (в т.ч. 2 двух-классных)	нет	?

Таблица 2

*Количество учеников в Киренском уезде
(в период с 1888 по 1913 г.)*

Учебный год	В церковно-приходских школах	В школах грамоты	В министерских школах	Всего обучающихся
1888	146		516	662
1895/96	398	340	305	1043
1900/01	554	346	231	1131
1913	978	—	938	1916

***Здание церковно-приходской школы из с. Кеуль в музее «Тальцы».
Фото М. Ометовой, 2013 г.***

В 1888 г. в Киренском уезде было 9 церковных школ (из них 6 церковно-приходских и 3 школы грамоты), в которых обучалось 146 учащихся, и 12 министерских с числом учащихся 516 [10, с. 19].

В 1895/96 учебном году в уезде было 16 церковно-приходских школ (398 учащихся), 34 школы грамоты (340 учащихся), 9 министерских школ (305 учащихся). В школах обучалось 1 043 человека, всего же детей школьного возраста на данный период было 5 268, т. е. в школах не имели возможности обучаться 4 225 человек. Однако из статьи И. Брызгалова известно, что в 1896/97 учебном году в уезде было из 2 444 мальчиков в возрасте от 7 до 14 лет грамотных, но не посещавших школу, — 549 человек, а из 2 519 девочек того же возраста — 129 [2]. Таким образом, не обученных грамоте детей было 3 547.

В 1900/01 учебном году было 21 церковно-приходская школа (554 учащихся), 24 школы грамоты (346 учащихся), 27 министерских школ (231 учащийся) [3].

***Класс в экспозиции церковно-приходской школы
в музее «Тальцы». Фото М. Ометовой, 2013 г.***

К 1909 г. одноклассных школ уже было 30, в них обучалось 593 мальчика и 218 девочек, школы грамоты к этому времени были закрыты или преобразованы в церковно-приходские [4].

В 1913 г. в Киренском уезде появляются 2 двухклассные школы (обучалось 99 мальчиков и 35 девочек), 35 одноклассных школ (обучалось 599 мальчиков и 245 девочек), число министерских школ в этом году неизвестно, в них обучалось 658 мальчиков и 280 девочек [5].

Библиотеки церковных школ укомплектовывались литературой, на что выделялись средства епархиального училищного совета. В частности, в 1898 г. библиотеке Нижне-Илимского отделения (Киренский уезд) на эти цели было ассигновано 300 р., епархиальным училищным советом предписывалось составлять библиотеки из «лучших пособий и руководств по педагогическим наукам и лучших писателей русских и иностранных, а также лучших учебников» [10, с. 62]. Так, в 1898 г. в Нижне-Илимском отделении было 1 999 учебников и 885 книг для внеклассного чтения в церковно-приходских школах, а в школах грамоты — 1 032 учеб-

ника и 99 книг, руководств для учащихся в уезде — 69 (нужно заметить, что это довольно большой объем литературы, учитывая, что в 1898 г. в Киренском уезде было всего 6 церковно-приходских школ) [10, с. 60].

Здание Кеульской церковно-приходской школы из Киренского уезда, ныне находящееся в музее «Тальцы», — одно из немногих сохранившихся до наших дней, оно использовалось по назначению до самого вывоза в музей в 1989 г.

Школа была открыта 1 сентября 1885 г., здание принадлежало церковному причту. В школе в разное время обучалось от 10 до 23 детей:

- 1899 г. — 10 мальчиков;
- 1905 г. — 12 мальчиков и 3 девочки;
- 1909 г. — 8 мальчиков и 3 девочки;
- 1910 г. — 12 мальчиков и 4 девочки;
- 1911 г. — 15 мальчиков и 5 девочек;
- 1912 г. — 15 мальчиков и 7 девочек;
- 1914 г. — 20 мальчиков и 3 девочки.

На содержание школы причт собирал незначительные суммы денег, так, общая сумма средств, изысканных для Кеульской школы в 1889 г., составила всего 3 р. (для сравнения: в Савватеевской школе Иркутского уезда — 350 р., обучалось 33 ученика, в Барлукской Нижнеудинского уезда — 6 083 р., обучалось 42 ученика) [12].

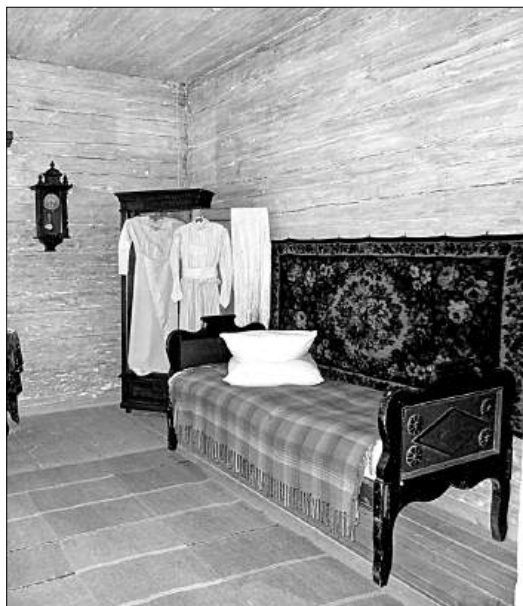
В штате школы на протяжении всего рассматриваемого нами периода были законоучитель и учитель по общеобразовательным предметам. Известно, что в 1897 г. законоучителем в Кеульской школе был священник Иннокентий Попов, учителем — псаломщик (имя неизвестно) [7, с. 120], в 1899 г. законоучителем — священник Венедикт Седаков, обучал бесплатно, общеобразовательные предметы преподавал псаломщик Петр Родионов, не имевший звания учителя, получавший жалованье 150 р. [12, с. 146]. В 1911/12 учебном году преподавал учитель Яков Грудинин, который в 1899 г. епархиальным наблюдателем был отмечен среди учителей как «выдающийся своими энергичными и плодотворными трудами, обращавший на себя внимание добросовестным отношением к делу» [1, с. 37]. Нужно подчеркнуть, что это очень высокая похвала, так как наблюдатели часто отмечали, что в отдаленных от Иркутска уездах, особенно в Илимском крае, очень трудно отыскать хороших учителей.

В Кеульской школе, как и во всех церковно-приходских школах того времени, преподавали Закон Божий, церковное пение,

церковно-славянский язык, чистописание, арифметику и другие предметы, при школе была библиотека, в школе проводились внеклассные занятия, отмечались церковные праздники. В Прибавлениях к «Иркутским епархиальным ведомостям» за 1897 г. была опубликована небольшая заметка о празднике Рождества, впервые проводившемся в Кеульской церковно-приходской школе, приведем ее полный текст:

«Из с. Кеуля. Карапчанской вол., Киренского округа. 25 декабря 1896 г. Се-

годня первый день праздника Рождества Христова, благодаря подписке между служащими и рабочими по разчистке Тумашинских мелей на р. Ангаре и при отзывчивом участии причта Кеульской Пророко-Ильинской церкви, в этом глухом селе, находящемся почти на рубеже Иркутской епархии и отстоящем в девятистах сорока верстах от г. Енисейска, была устроена первая елка для учеников и учениц местной церковно-приходской школы. Ровно в пять часов вечера помещение школы осветилось огнями, и ученики, ожидавшие во дворе, были впущены в школу, где глазам их представилась следующая картина: среди помещения, где ранее стояли ученические столы, теперь красовалась разубранная и горящая десятками огней елка, каждое же окно было освещено в отдельности цветным фонарем, а вправо от елки, под портретом Государя Императора, находился вензель с инициалами их величеств. Пораженные дотоле невиданным зрелищем, дети сначала столпились в кучу, но потом по входе заведывающего школой, священника о. Иннокентия Попова, и псаломщика-учителя мало-помалу овладе-

Комната учительницы в экспозиции церковно-приходской школы в музее «Тальцы». Фото М. Ометовой, 2013 г.

ли собой и, чинно выстроившись, довольно стройно пропели тропарь и кондак праздника, а затем и народный гимн: «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ». После этого детям был предложен чай с булками и сахаром, розданы конфеты, а по окончании угощения предоставлена полная свобода в играх и пении. Дети веселились на славу довольно долго; когда же свечи на елке догорели и присутствующие на этом детском празднике взрослые стали снимать с нея украшения, малыши, схватив друг друга за руки и таким образом оцепив елку кругом, стали ходить вокруг ея хороводом и петь свои излюбленные песни, а за сим, по снятии всех елочных украшений, получали по жребию подарки: кто книжку, кто зеркальце, кто платок или что-нибудь подобное, причем при каждом подарке были одеяемы еще и по равному паю конфетами, пряниками, орехами и печеньем, а за всем уже тем, пропев еще раз «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ», были отпущены по домам» [7].

Материалы, характеризующие особенности школьного дела Киренского уезда в конце XIX – начале XX в., а также некоторые сведения о Кеульской церковно-приходской школе могут быть в дальнейшем использованы для дополнения материалов экспозиции «Церковно-приходская школа конца XIX – начала XX в.» в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы», основные задачи которой состоят в раскрытии темы образования учеников церковно-приходских школ и воспитания у них нравственных устоев, роли православной церкви в развитии грамотности среди населения Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аляркинский С. Отчет о состоянии церковных школ Иркутской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 учебный год // Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ). 1914. № 6. С. 1–52.
2. Брызгалов И. Церковно-приходские школы Иркутской епархии в 1896/97 учебном году // ИЕВ. 1899. № 6. С. 68–80.
3. Ведомость Иркутского епархиального училищного совета о церковных школах Иркутской епархии за 1901 гражданский год // ИЕВ. 1903. № 4. С. 23.
4. Ведомость Иркутского епархиального училищного совета о церковных школах за 1909 гражданский год // ИЕВ. 1910. № 23. Прибавления.

5. Ведомость Иркутского епархиального училищного совета о церковных школах за 1913 гражданский год // ИЕВ. 1914. № 22.
6. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX века. Иркутск, 2006.
7. ИЕВ. 1897. № 4. Прибавления, с. 120–121.
8. Нефедьева А.К. Экспозиция церковно-приходской школы в музее «Тальцы» // Тальцы. 2001. № 1 (12). С. 60–65.
9. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1895–6 учебный год // ИЕВ. 1897. № 20. С. 278.
10. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ за 1898 гражданский год // ИЕВ. 1900. № 4. С. 19–73.
11. Отчет Иркутского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ за 1900 гражданский год // ИЕВ. 1901. № 17. С. 175.
12. Список церковно-приходских школ духовного ведомства, состоящих к 1 января 1899 г. // ИЕВ. 1900. № 8–9. С. 125–172.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭМ	— архитектурно-этнографический музей
АЭФ	— архитектурно-этнографический филиал
БТИ	— бюро технической инвентаризации
ВНИИТАГ	— Всесоюзный научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства
ВООПИиК	— Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВПНРК	— Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАНИИО	— Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГИПРОНИИ АН СССР	— Головной проектный и научно-исследовательский институт Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ГЭС	— гидроэлектростанция
ДРСУ	— дорожное ремонтно-строительное управление
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГОМ	— Иркутский государственный областной музей
ИГПИ	— Иркутский государственный педагогический институт
ИЕВ	— Иркутские епархиальные ведомости
ИМД	— Иркутский музей декабристов
ИОКМ	— Иркутский областной краеведческий музей
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет
ИРО ВООПИиК	— Иркутское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
КП	— книга поступлений
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
МАРХИ	— Московский архитектурный институт

МБУК	— муниципальное бюджетное учреждение культуры
МО	— муниципальное образование
ПДП	— проект детальной планировки
РААСН	— Российская академия архитектуры и строительных наук
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РСУ	— ремонтно-строительное управление
СА РСФСР	— Союз архитекторов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
СА СССР	— Союз архитекторов Союза Советских Социалистических Республик
СМИ	— средства массовой информации
СНРПМ	— Специализированная научно-реставрационная производственная мастерская
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ЦНИИ	— Центральный научно-исследовательский институт
ЦНИИП	— Центральный научно-исследовательский и проектный институт
ЦНИИТИА	— Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
ЦНРМ	— Центральные научно-реставрационные мастерские
ЦСН	— Центр по сохранению историко-культурного наследия
ЦС ВООПИиК	— Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

Китаев В.А. Приветственное слово	4
---	---

СЛОВО ОБ АРХИТЕКТОРЕ

Полунина Н.М. Галина Геннадьевна Оранская (1913–1986). Краткая летопись жизни с послесловием	6
--	---

Борецкий В.А. Воспоминания о московском архитекторе Галине Геннадьевне Оранской в связи со 100-летним юбилеем со дня рождения	19
--	----

Вязунова Г.А. Вспоминая Оранскую	28
---	----

Симутина И.Г. Воспоминания о Г.Г. Оранской	33
---	----

Акулич О.А. Архитектор-реставратор Г.Г. Оранская в судьбе исторического Иркутска (штрихи к биографии)	37
---	----

Ладейщикова Е.Р. Реставрация дома декабриста С.П. Трубецкого 1965–1970-х годов	47
--	----

Коренева И.В. Обзор личного фонда Г.Г. Оранской из собраний Иркутского областного краеведческого музея	58
--	----

Нефедьева А.К. Галина Геннадьевна Оранская и Архитек- турно-этнографический музей «Тальцы»	65
--	----

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Щербин В.Т. О возможности и предопределенности нового строительства на участке, занимающем угловое положение (улицы Грязнова и Тимирязева) в квартале № 94 историчес- кого центра Иркутска: (Теория и практика реставрации- реконструкции архитектурно-пространственной исторической среды сибирского города. Материалы к корректуре Историко-архитектурного опорного плана и Проекта зон охраны объектов культурного наследия г. Иркутска)	74
--	----

Щербин В.Т. Грязнова, 2, лит. Б — деревянный флигель со светелкой в бывшей усадьбе ремесленника Д.Е. Егорова: строительная культура, датировка и к вопросу «независимой экспертизы» в связи с формированием Единого государственного реестра объектов культурного наследия относительно памятников деревянного зодчества Иркутска. Методические материалы к Историко-архитектурному опорному плану города Иркутска88

Исаев А.Ю. «И душу радуя, и пользу принося»: основные мотивы пропильной резьбы на подзорах жилых зданий Иркутска96

Зарубина Н.А. Сибирское барокко: типы сандриков в деревянной гражданской архитектуре Иркутска134

Павлюченкова Э.Г. Элементы древнего макрокосма в декоре деревянных домов145

Макогон Г.Н. О львах и райских птицах в Сибири (история одного дома из д. Красное Поле Заларинского района Иркутской области)154

Протоиерей Владимир Новидонский. Уриковский храм172

СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Усепян Л.Х. Опыт и перспективы развития Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН в Новосибирске176

Белова М.А. Музей деревянного зодчества «Илимская деревня» в Усть-Илимске: проектное решение195

Гинзбург Е.Н. Проблемы сохранения объектов культурного наследия в муниципальном музее205

Тихонов В.В. Хронология развития музея «Тальцы»213

Кайгородова Н.В. Формы сельской торговли в Иркутской губернии на рубеже XIX–XX веков229

Зиброва А.В. Базарная площадь в трактовых селах Предбайкалья (середина XIX – начало XX в.)	238
Агапитова Р.В. Общественные хлебозапасные магазины (мангазеи) и особенности их функционирования	245
Колганова Е.Ю. Музеефикация сохранившихся элементов традиционной культуры татар Предбайкалья времен столыпинской аграрной реформы	253
Ометова М.Л. К истории церковно-приходской школы из села Кеуль Киренского уезда Иркутской губернии	261
Список сокращений	269

Научное издание

АРХИТЕКТОР И ВРЕМЯ

**Материалы чтений,
посвященных 100-летию со дня рождения
Галины Геннадьевны Оранской (1913–1986)**

Редактор и корректор: Г.Д. Лопатовская
Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подписано в печать 16.12.2013 г. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,25.
Тираж 300 экз. Заказ № 21611. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2,
тел. 540–940.